

**Тамара Алексеевна
Тоштендаль-Салычева**

кандидат исторических наук, доцент,
почетный доктор Уппсальского
университета (Швеция).
Окончив исторический факультет МГУ
(кафедра Новой и новейшей истории)
и защитив диссертацию, работала
на истфаке МГУ (1970–1978),
в ИВИ РАН (1978–1996),
с 1996 г. – директор Российско-шведского
учебно-научного центра РГГУ.

Т.А. Тоштендаль-Салычева читает курсы
лекций по страноведению (музыка,
изобразительное искусство и музеи
Швеции), истории Швеции, партийно-
политической системы скандинавских
стран; участвовала во многих
всероссийских и международных
конференциях, симпозиумах
и конгрессах. Научные публикации
касаются проблем новейшей истории
Швеции, рабочего движения
скандинавских стран, шведской
историографии и культуры Швеции.

В 2014 г. Т.А. Тоштендаль-Салычева
была награждена золотой медалью
Его величества короля Швеции
Карла XVI Густава, в 2016 г. получила
премию Шведской академии

MED KÄRLEK TILL VETENSKAP

Till Tamara Torstendahl Salytjeva på 75-årsdagen

WITH DEVOTION TO SCHOLARSHIP

For Tamara Torstendahl Salycheva on Her 75th Anniversary

С ЛЮБОВЬЮ К НАУКЕ

К юбилею Т.А. Тоштендаль-Салычевой

**С ЛЮБОВЬЮ
К НАУКЕ**

К юбилею Т.А. Тоштендаль-Салычевой

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ	RYSKA STATLIGA HUMANISTISKA UNIVERSITETET
--	--

Российско-шведский учебно-научный центр	Rysk-svenska studie- och forskningscentret
---	--

MED KÄRLEK TILL VETENSKAP
Till Tamara Torstendahl Salytjeva på 75-årsdagen
En festskrift

WITH DEVOTION TO SCHOLARSHIP
For Tamara Torstendahl Salycheva
on Her 75th Anniversary
A Collection of Articles

Moscow
2021

С ЛЮБОВЬЮ К НАУКЕ
К юбилею Т.А. Тоштендаль-Салычевой

Сборник статей

Москва
2021

УДК 930.85(48)(08)
ББК 63.3(43)-7я43
С11

Под редакцией
А.Е. Манькова, М.О. Дубовицкой

Рукопись подготовлена	Boken är utgiven
при поддержке	med stöd av
Шведского института	Svenska institutet,
в Стокгольме	Stockholm

Художник *Вероника Филимонова*

*В оформлении обложки использован фрагмент работы
Йозефа Франка (Josef Frank)*

ISBN 978-5-7281-2991-2

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2021

Содержание

Вместо введения

<i>Маньков А.Е.</i>	
От редактора	11
<i>Коженова И.В.</i>	
С любовью к искусству	13
<i>Вирккала М.</i>	
Российско-шведский центр – разговор продолжается	
Перевод с шведского М.О. Дубовицкой	16

Теория и история

<i>Заботкина В.И.</i>	
Контакт культур: ментальные модели, языковые структуры и когнитивные механизмы	21
<i>Кокка Ю.</i>	
Расцвет и упадок социал-демократии: Взгляд историка	
Перевод с английского М.О. Дубовицкой	34
<i>Репина Л.П.</i>	
Межкультурные коммуникации в перспективе перекрестной истории	42
<i>Савельева И.М.</i>	
Пространственный поворот и всемирная история	53

Селунская Н.Б.

- Образ истории и облик историка
в контексте историографического дискурса 71

Тоштендаль Р.

- Историография и теория
Перевод с шведского М.О. Дубовицкой 84

История России и Швеции

Гернер К.

- Спор о Руси – тысячелетняя история
Перевод с шведского А.В. Фоменковой 105

Де Геер Х.

- Акциз в Швеции: на страже морали
или двойные стандарты?
Перевод с шведского В.А. Петруничевой 124

Мельникова Е.А.

- Готланд и Новгород в свете
памятников кириллической эпиграфики 143

Плевако Н.С.

- Националистические партии стран
Северной Европы: общее и особенное 157

Росен С.

- Лоренц Ланге и начальный этап
российско-корейских связей
Перевод с шведского А.Е. Манькова 169

Толстиков А.В.

- Еще раз о Котошихине 179

Фоменкова А.В.

- Женщины и собственность
в гётских областных законах 202

Шебалдина Г.В.

- Мемуары иностранных военнопленных в России:
попытка сравнительного изучения 208

Щеглов А.Д.

- Олаус Петри как историк 215

Культура и образование

Калинина Е.А.

- Фильм «Фанни и Александр» как отражение
жизни и творчества Ингмара Бергмана 237

Карапетянц И.В.

- Экологическое образование в Швеции 249

Картамышева Е.П.

- Сверхъестественные существа
vetter и landvættir
в скандинавской традиции 256

Кокка У.

- Баухаус и мир
Перевод с английского Н.Е. Сиганова 269

Свенссон (Васильева) С.Я.

- Византийское влияние в витражном искусстве
XIII века на острове Готланд 281

Тимофеева М.А.

- Дизайн между этикой
и эстетикой – шведский путь 294

Чичуга М.А.

- К вопросу о современном состоянии
архивного дела и профессии
архивиста в Швеции 318

Филология

Жильцова Е.Л.

Эпонимы в шведском языке:
особенности словообразования и семантики 331

Маньков А.Е.

Опыт описания грамматической категории
определенности существительных:
диалект села Старошведское 340

Матыцина И.В.

Русский язык официально-делового общения
в допетровскую эпоху: по материалам
отечественных исследований 415

Сандборг Х.

Употребление категории определенности
изучающими шведский язык в России 425

Чекалина Е.М.

Русские переводы поэзии Эдит Сёдергран 439

Сведения об авторах 462

Information about the authors 465

Abstracts 468

Опыт описания грамматической категории определенности существительных: диалект села Старошведское

В качестве предисловия расскажу здесь о том, как все начиналось. В начале осени 2004 г. Тамара Алексеевна сообщила мне, что Сёдертёрнский университет планирует экспедицию в некое шведское село на Украине и посоветовала принять участие в ней. Должен сказать, что я согласился не сразу, кроме прочего потому, что через несколько дней после окончания экспедиции у меня была назначена защита кандидатской диссертации. Но немного подумав, я, естественно, согласился. В то время я ничего не слышал не только о диалекте, но и о самом существовании этого села. Оно находится в Бериславском районе Херсонской области и сравнительно труднодоступно, так как располагается в стороне от основных дорог. Получилось так, что в село я приехал один (другие участники экспедиции остались в Херсоне для работы в архиве). В селе я никого не знал, никаких договоренностей о моем приезде не было. Оказавшись на месте, я явился в сельскую администрацию с вопросом: «Говорят, тут живут шведы, не могли бы вы меня к ним направить?» Люди в селе доброжелательны, и меня направили к некому Густаву, жившему по соседству со зданием администрации. Я постучал в ворота, мне открыл пожилой мужчина, к которому я обратился по-шведски, сказав что-то вроде “Hej, jag heter Sasja, jag kommer från Moskva, talar du svenska?” Густав – это был Густав Аннас – ответил мне, но не по-шведски. Точнее, это был совсем не тот шведский, к которому мы привыкли. И в этот момент, с первых слов Густава, я понял, что происходит чудо и я слышу диалектную шведскую речь. Густав направил меня к Роману и Лилии Мальмас, у которых я остановился на время своего пребывания в селе. Они рассказали мне о жизни

в селе и о людях, которые хорошо знают диалект, в том числе об Анне Семеновне Лютко, Лидии Андреевне Утас, Мелитте Фридриховне Прасоловой. Тогда у меня не было никакого опыта полевой лингвистической работы, но в ходе общения с носителями диалекта сразу стало ясно, что диалект требует подробного изучения. Разумеется, я абсолютно ничего не знал ни о его фонетике, ни о грамматике, ни о лексике, было понятно только то, что он существенно отличается от литературного шведского. Моим главным вопросом тогда было: неужели я когда-нибудь в этом разберусь и можно ли вообще в этом разобраться?! Прежде всего, требовалась полевая работа; в период с 2004 по 2013 гг. я провел десять экспедиций в село. В процессе изучения диалекта я понял, что документирование малых и исчезающих языков – это наиболее актуальная тема современной лингвистики, так как малые языки в наше время быстро исчезают, и если они исчезают неописанными, это значит, что они исчезают бесследно и навсегда. В ходе этой работы я познакомился со многими замечательными людьми, прежде всего с носителями диалекта. Но все началось с того звонка Тамары Алексеевны. Именно она является инициатором работы по описанию диалекта села Старошведское – единственного живого скандинавского диалекта на территории бывшего СССР. На протяжении многих лет она неизменно поддерживала эту работу, как своим доброжелательным отношением и интересом, так и организационно: благодаря Тамаре Алексеевне я – как и многие другие российские ученые, студенты, аспиранты – получил возможность работать в библиотеке Уппсальского университета во время ряда стажировок в Швецию. Таким образом, без содействия Тамары Алексеевны работа по изучению диалекта не только не была бы успешной (хотелось бы надеяться, что она успешна!), но и вообще бы не началась.

Введение

§ 1. Диалект села Старошведское исторически относится к шведским диалектам Эстонии, которые до Второй мировой войны были распространены в нескольких селах на ее побережье и на островах Моонзундского архипелага. Исторически эти диалекты возникли в результате восточно-скандинавской экспансии в восточном направлении (с XIII в.¹), однако в отличие от Исландии и Фарерских островов в Эстонии не сложился скандинавский литературный язык. В 1782 г. около тысячи шведов – жителей

о. Дагё (Хийумаа), который тогда принадлежал Российской империи, были переселены на юг Херсонской губернии, где на берегу Днепра было основано поселение, впоследствии получившее название Старошведское (по-шведски *Gammalsvenskby*, современное украинское название – Зміївка). Все шведские диалекты Эстонии, кроме Старошведского, на данный момент являются вымершими, поэтому диалект Старошведского – это не только единственный живой скандинавский диалект на территории бывшего СССР, но и единственный живой диалект из данной группы. До начала нашей работы диалект был предметом специального изучения в 1881 и 1904–1905 гг. Его первоисследователем является шведский диалектолог Херман Вендёлль, который приезжал в село летом 1881 г. и собрал там лексический материал для «Словаря шведских диалектов Эстонии»². Вторым исследователем диалекта был Антон Карлгрен. Он работал в селе зимой 1904–1905 гг. и составил краткое описание фонетики и словоизменения, изданное много лет спустя³. После работы Карлгрена наступил перерыв в более чем 100 лет. Существование диалекта в XX в. не замечалось ни официальной властью, ни академическими кругами (ни российскими, ни шведскими, ни украинскими), хотя о самом селе в Швеции хорошо знают. Во время нашей работы в селе число носителей диалекта не превышало 10–15 человек, поэтому диалект находится в группе высокого риска⁴. Диалект представляет собой отдельную языковую систему (в том смысле, что он не является каким-либо вариантом литературного шведского языка), поэтому он должен описываться как самостоятельная система, независимая от современной шведской фонетики и грамматики. При этом полностью абстрагироваться от литературного шведского было бы неестественно, и указание некоторых параллелей кажется нам уместным, однако систематическое сопоставление литературного языка и диалекта не входит в задачу этой работы.

На данный момент опубликованы описания фонетики⁵ и грамматики⁶ диалекта, обзоры словоизменения существительных⁷, прилагательных и местоимений⁸, глаголов⁹, грамматических категорий существительного¹⁰; рассмотрены словоизменение существительных мужского рода¹¹, словообразование существительных¹², проблема структурных изменений, характерных для малого языка¹³; описаны славянские заимствования в диалекте¹⁴. Доведена до конца буквы М публикация словаря диалекта¹⁵. Также для журнала *“Sverigekontakt”* написана серия научно-популярных статей о диалекте под общим названием *“Dialekten i Gammalsvenskby: att göra den negligerade rösten hörd”*¹⁶.

Мы разработали для диалекта следующую систему записи:

Гласные: *a* [a], *ā* [a:], *e* [e], *ē* [e:ⁱ, e:[]]¹⁷, *i* [i], *ī* [i:], *o* [o], *ō* [o:], *u* [u], *ū* [u:], *y* [y], *ä* [ɛ], *ā* [ɛ:], *ö* [œ], *ō* [œ:], *ü* [ɐ], *ū* [ʊ:], дифтонги *äi* [ɛ:ⁱ, ɛɪ], *öü* [œ:^u, œʏ]¹⁸. Согласные: *b* [b], *d* [d], *ḍ* [ḍ], *f* [f], *g* [g], *h* [h], *j* [j], *k* [k], *l* [l], *l̥* [t̥], *m* [m], *n* [n] ([ŋ] перед *k*), *ṇ* [ṇ], *ŋ* [ŋ], *p* [p], *r* [r], *s* [s], *ṣ* [ʃ], *t* [t], *t̥* [t̥], *v* [v], *x* [x], *z* [z], *ṣ* [ʒ]. Сочетания *dj*, *gj*, *nj*, *sj*, *tj* обозначают соответствующие палатализованные согласные. Сочетания *skj*, *stj* обозначают [sk^j, st^j]. Долгота согласных внутри морфем обозначается удвоением. Если долгий согласный находится перед другим согласным внутри морфемы, его долгота не обозначается. Дефис используется при разделении элементов в тех сложных словах, которые имеют главное и второстепенное ударение, а также при отделении энклитик. Словесное ударение обычно падает на первый слог. Фразовое ударение показывается с помощью знака '.

§ 2. Для носителей русского языка грамматическая категория определенности существительных или, проще говоря, употребление артиклей – это, несомненно, самая сложная тема грамматики современных германских языков, в том числе при практическом изучении. Не является исключением и диалект села Старошведское. Главная проблема заключается в том, что в некоторых случаях чрезвычайно трудно сформулировать конкретные закономерности употребления артиклей. При этом следует подчеркнуть, что в грамматике диалекта нет никакого хаоса, необъяснимых и беспричинных явлений. Это совершенно живая и полностью функциональная система, в которой могут быть выражены чрезвычайно тонкие значения. Яркой особенностью диалекта (как, вероятно, и многих других языков, у которых нет языковой нормы в виде академических грамматик, словарей, литературной традиции и традиции школьного и университетского преподавания) является довольно значительное число случаев свободного варьирования. Однако это варьирование происходит не хаотично, а затрагивает вполне определенные сегменты грамматики и подчиняется закономерностям, которые следует попытаться выяснить.

В предлагаемой статье дается описание плана выражения (§ 3–22) и плана содержания (§ 23–43) категории определенности, а также приводится фактический материал (§ 44–55) – предложения и фрагменты повествований, иллюстрирующие употребление артиклей. Морфологические и морфонологические правила распределения форм суффиксированного опреде-

ленного артикля были частично описаны нами ранее. Детальное описание плана содержания, т. е. закономерности употребления артиклей и описание грамматических значений этой категории, делается впервые. С этим связано большое количество приводимых в статье примеров. Следует, однако, иметь в виду, что их число несопоставимо меньше случаев употребления артиклей в корпусе диалектных текстов, так как в огромном количестве предложений есть какое-либо существительное и, следовательно, то или иное употребление артикля. Мы ограничились тем, что проанализировали повествования двух информантов о событиях 1920–1950-х гг. Общий объем этих повествований – около 11 300 слов (19 страниц). Кроме того, были выбраны некоторые примеры из числа предложений, которые не являются частью развернутых повествований, но представляют собой иллюстрации словоупотребления, приведенные информантами в ходе интервью. Русские переводы примеров не буквальны. С одной стороны, мы следовали правилам литературного языка, с другой – старались не слишком удаляться от оригинальной фразы, что иногда может приводить к некоторой неестественности. Фактический материал взят из интервью с тремя носителями: А.С. Лютко, М.Ф. Прасоловой, Л.А. Утас. Поскольку большая часть примеров словоупотребления взята из интервью с Л.А. Утас, ее инициалы не указываются после примеров. Во всех остальных случаях примеры снабжены инициалами информанта: АЛ и МП. Другие сокращения: НФ – неопределенная форма, ОФ – определенная форма.

План выражения

§ 3. В своих самых общих чертах план выражения категории определенности в диалекте тот же, что в стандартном шведском языке. Имеется неопределенный артикль, представляющий собой особое слово и являющийся проклитикой; определенный артикль, являющийся окончанием (суффигированный определенный артикль); свободностоящий определенный артикль, формально совпадающий с указательным местоимением «тот». Исчисляемые существительные могут употребляться и без артиклей, т. е. с нулевым артиклем. Наиболее частотная форма – суффигированный определенный артикль¹⁹.

Неопределенный артикль

§ 4. Диалект различает в единственном числе три рода – мужской, женский, средний. Род выражается словами, синтаксически связанными с существительным, в том числе и неопределенным артиклем, имеющим формы *än* [ɛn] m., *äin* [ɛin] f., *äit* [ɛit] n. При тщательном или эмпатическом произношении они могут произноситься [ɛn:], [ɛi'n], [ɛit:]. Формы множественного числа неопределенный артикль в диалекте не имеет.

Определенный артикль

§ 5. По сравнению со стандартным шведским, определенность в диалекте выражается довольно значительным набором алломорфов. Определенность и число выражаются кумулятивно: например, окончание *-en* выражает определенность и единственное число у существительных мужского рода. Показатели определенности перечислены ниже в таблице. Алломорфы, употребление которых обусловлено синхронными фонологическими факторами, разделены знаком «/». Фонологически необусловленные алломорфы вынесены в разные строки. Они непредсказуемы с точки зрения синхронии и отражают древнешведские окончания определенной формы, зависевшие от древних словоизменительных типов²⁰. Морфологическое варьирование обозначено знаком «//».

Ед. ч.	М. р.	<i>-en/-n/-n/нуль</i>	<i>fisk-en, kvüst-n, stūn, bjūn</i> от <i>fisk</i> 'рыба', <i>kvüst</i> 'ветка', <i>stūl</i> 'стул', <i>bjūn</i> 'медведь'
		<i>-an/-n</i>	<i>bakk-an, stoka-n</i> от <i>bakk</i> 'холм', <i>stoka</i> 'палка'
	Ж. р.	<i>-e</i>	<i>brū-e, būk-e</i> от <i>brū</i> 'невеста', <i>būk</i> 'книга'
		<i>-a/нуль</i>	<i>hēn-a, viku, nāsa</i> от <i>hēn</i> 'курица', <i>vik</i> 'неделя', <i>nāsa</i> 'нос'
	Ср. р.	<i>-e/нуль</i>	<i>lōmb-e, stikke, öüa</i> от <i>lōmb</i> 'ягненок', <i>stikke</i> 'кусочек', <i>öüa</i> 'глаз'

Мн. ч.	М. р.	-a // -ana/-na	fisk-a // fisk-ana, stoka-na, ēnd-ana
		-e // -ena	svānsk-e, prāst-ena, biggjare//biggjarena от svānsk ‘швед’, prāst ‘священник’, biggjār ‘строитель’
		-re/-e с умлау- том	fēt-re, männ-e, brēr-e, sinn-e от fūt ‘нога’, mann ‘мужчина’, brūr ‘брат’, sonn ‘сын’
	Ж. р.	-ana/-na	brū-ana, viku-na, hēn-ana
		-re/-e с умлау- том	bēk-re, gäss-e от būk, gōs ‘гусь’
	Ср. р.	-ena/-na	lōmb-ena, stikke-na, öüa-na

§ 6. Как видно, в диалекте существуют четыре фонологически необусловленных показателя определенного ед. ч.: 1) -en/-n/-ŋ/нуль, 2) -an/-n, 3) -e, 4) -a/нуль. Общее число алломорфов – семь: -en, -n, -ŋ, -an, -e, -a, нуль. Определенное мн. ч. выражается пятью фонологически необусловленными показателями: 1) -a, 2) -e, 3) -ana/-na, 4) -ena/-na, 5) -re/-e; общее число алломорфов – шесть: -a, -e, -ana, -ena, -na, -re. Распределение фонологически обусловленных алломорфов зависит от синхронного исхода корня/основы и происходит по правилам, перечисленным ниже.

§ 7. В единственном числе мужского рода:

1. -en используется после основ, оканчивающихся на:

а) любой согласный, кроме дентальных (*d, ɖ, t, ʈ, s, ʃ, n*), кроме *r, rr*, а также кроме *l* и *l*, следующих после согласного или после безударного гласного: *ubb-en* ‘филин’, *kolb-en* ‘кукурузный початок’, *mōg-en* ‘зять’, *drāŋ-en* ‘конюх’, *būk-en* ‘живот’, *makk-en* ‘червяк’, *skāl-en* ‘жеребец’, *dāil-en* ‘часть’, *boll-en* ‘мяч’, *hōlm-en* ‘заливной луг’, *blipp-en* ‘карандаш’, *rāv-en* ‘лис’;

б) любой ударный гласный: *dā-en* ‘день’, *stā-en* ‘город’, *smē-en* ‘кузнец’, *bī-en* (наряду с *bī-n*) ‘деревня’, *kō-en* ‘камедь’, *blū-en* ‘кровь’, *ū-en* ‘духовка’, *dāi-en* ‘тесто’.

2. -n используется после основ, оканчивающихся на:

а) *d* (но не *nd*), *t, s, ʃ, rr*: *blūd-n* ‘блюдец’, *būld-n* ‘нарыв’, *knūt-n* ‘узел’, *hatt-n* ‘шапка’, *uks-n* ‘бык’, *hās-n* ‘шея’ ‘шея’, *foʃs-n* ‘быстрина’, *snürr-n* ‘рыло’;

б) безударное *a*: *hona-n* ‘петух’ (НФ – *hona*), *mōa-n* ‘желудок’.

3. -ŋ используется после основ, оканчивающихся на:

а) *l, r*, с фузией -*l-n, -r-n* > -*ŋ*: *spōŋ* ‘зеркало’ (НФ – *spōl*), *stūŋ* ‘стул’ (*stūl*), *fūŋ* ‘птица’ (*fūl*), *būŋ* ‘клетка’ (*būr*), *tjūŋ* ‘бык’ (*tjūr*);

б) *d, t: gōd-n* ‘двор’, *stjätt-n* ‘хвост у птиц, рыб’ (*stjätt*). В этом случае происходит прогрессивная ассимиляция по признаку постальвеолярности, $n > \eta$.

Согласный η в ОФ ед. ч. устойчиво используется лишь в случае односложных основ на *l, r* (т. е. с *l, r* после ударного гласного, как в приведенных выше примерах). У двусложных основ на *-är, -äl/-öl* в ОФ ед. ч. встречается как η , так и *n*, при этом $\ddot{a} > e$ перед *n*. Примеры: *bug[æ]n / bugen* ЛУ, *bügän* МП; *gävän / -en* ЛУ, *gävän* МП; *likän* ЛУ, *liken* МП; *vintän* ЛУ, МП – формы определенного ед. ч. *bügär* ‘плуг’, *gävöl/gäväl* ‘фронтон’, *likäl/liköl* ‘ключ’, *vintär* ‘зима’. Дентальное *n* в ОФ ед. ч. преобладает у двусложных основ, оканчивающихся на *-ar*: *arbetan*, а не **arbetan*. Следующие существительные встретились только с *-n* в ОФ ед. ч.: *blū-sūar* ‘пиявка’, *būtar* ‘врач’, *drikkjar* ‘пьяница’, *fiskjar* ‘рыбак’, *hakk-spikkar* ‘дятел’, *kērar* ‘водитель’, *lārar* ‘учитель’, *molār* ‘мельник’, *monnar* ‘утро’, *mūrar* ‘каменщик’, *post-bārar* ‘почтальон’, *sīlar* ‘дуршлаг’, *vaftar* ‘сторож’. ОФ как с *-n*, так и с *-η* встретилась у *biggjar* ‘строитель’, *komar* ‘комната’, *källar* ‘подвал’, *spikar* ‘сарай’, *vallar* ‘пастух’. *Homar* ‘молоток’ и *sjōljar* ‘продавец’ были названы только с *-η*.

4. Нулевое окончание используется после основ, оканчивающихся на *n* и *nd*: *bōün* ‘фасоль’ (НФ – также *bōün*); так же *gräin* ‘ветвь’, *mānn* ‘мужчина; муж’, *kāven* ‘арбуз’, *bünd* ‘хозяин; крестьянин’ (встречается также форма *bünden*, см. пример 313 на стр. 385), *hund* ‘собака’.

Заметим, что с исторической точки зрения такие формы ОФ ед. ч., как *mānn* и *hund*, не вполне аналогичны. Форма *mānn* возникла из **mānnen* вследствие синкопы *e* и является фонетически закономерной, тогда как *hund* в ОФ ед. ч. не является, по-видимому, фонетически закономерной формой, так как **hunden* должно было дать **hundn* (как *būldn* ‘нарыв’) и затем **hunn*. Это подтверждает диалект Нюккё, где формами ОФ ед. ч. от *hünd* ‘собака’, *sōnd* ‘песок’ являются *hünn*, *sōn*²¹. Таким образом, фонетически закономерным было бы соотношение *hund* : **hunn*, однако под влиянием существительных типа *mānn* : *mānn* произошло выравнивание в пользу одинаковой НФ и ОФ ед. ч.

§ 8. Некоторые термины родства обычно имеют нулевое окончание в ОФ ед. ч., не различая ОФ и НФ в ед. ч. Существительные *bill* ‘дядя’, *fār* ‘отец’, *mūär* ‘мать’ встречаются только с нулевым окончанием в ОФ ед. ч. (однако в ОФ мн. ч. встречается *fārana*, *mūrana*). Видимо, это связано с тем, что эти слова часто используются в обращении, а в этом случае диалект, насколько

можно судить, использует НФ (§ 28). Обозначения национальностей ‘швед’, ‘еврей’ тоже встретились с нулевым окончанием в ОФ ед. ч. в интервью с АЛ: *jūd* наряду с *jūdn*, *jūden*; *svānsk* и *svānsken*. В интервью с другими носителями нулевое окончание при обозначении национальностей не встречается.

§ 9. У некоторых заимствованных существительных не сформирована полная парадигма, вследствие чего у них может отсутствовать особая форма ОФ ед. ч. Особенно это касается слов с нехарактерными для диалекта исходами основ: *ansux* м. ‘костюм’, *poike* ‘мальчик’. Существительные мужского рода с основами, оканчивающимися на *l*, которое следует за согласным или безударным гласным (все эти слова являются заимствованиями), встречаются в ОФ ед. ч. с окончанием *-n* наряду с нулевым окончанием. Только с нулевым окончанием в ОФ ед. ч. употребляется существительное *butl* ‘бутыль’. Существительное ‘картофель’ в ОФ ед. ч. имеет *kadfl* и *kadfln* в интервью с АЛ, но *katüfłn* в интервью с ЛУ. Существительное ‘вилка’: *gaffl* АЛ, МП, *gaffl* и *gafflñ* ЛУ.

§ 10. В единственном числе женского рода:

1. Нулевое окончание используется при исходе основы на безударные гласные (а именно на *u*, *o*, *a*): *brāa* ‘доска’ (НФ – также *brāa*), *kūda* ‘корова’, *hako* ‘подбородок’, *flūu* ‘муха’.

2. *-a*, *-e* используется при исходе основы на согласные и ударные гласные: *katt-a* ‘кошка’, *vīdn-a* ‘стог’, *kē-a* ‘цепь’, *lū-a* ‘шапка’, *skāi-a* [‘skei.ja] ‘стручок’, *kļōū-a* [‘kļœ:u.wa] ‘копыто’, *brū-e* ‘невеста’, *bū-e* ‘магазин’.

§ 11. В единственном числе среднего рода:

1. *-e* используется при исходе основы на согласные и ударные гласные *ā*, *ō*, *ū*: *ōr-e* ‘год’, *sjūl-e* ‘колесо’, *tāk-e* ‘крыша’, *blā-e* ‘лист’, *trō-e* ‘корыто’, *lū-e* ‘гиря’.

2. Нулевое окончание – при исходе на безударные гласные (а именно *e*, *a*): *minne* ‘мель’, *silke* ‘шёлк’, *vārke* ‘дрова; древесина’, *ēra* ‘ухо’, *sjātta* ‘сердце’ (НФ – также *ēra*, *sjātta*). Кроме того, нулевое окончание используется наряду с *-e* после ударных *ī*, *ē*, *ā*, *ū*: *blī/blī-e* ‘свинец’, *brē/brē-e* ‘хлеб’, *knē/knē-e* ‘колено’, *lī-e/lī* ‘берег’, *trā/trā-e* ‘дерево’, *hū-e/hū* ‘голова’.

§ 12. Во множественном числе:

1. *-a*, *-ana*, *-ena*, *-e* используются после согласных и ударных гласных: *kask-ana* ‘шуба’, *tjēnašk-ena* ‘служанка’, *glās-ena* ‘бутылка’, *hārr-e* ‘начальство’ (к *hārr* ‘господин’), *arbetar-e* (к *arbeta* ‘работчий’), *dō-ana* (к *dā* ‘день’).

2. *-na* используется после безударных гласных: *hona-na* к *hona* м. ‘петух’, *mōa-na* к *mōa* м. ‘желудок’, *brāa-na* к *brāa* f. ‘цепь’, *ēra-na* к *ēra* п. ‘ухо’. Существительные среднего рода с основами на долгий гласный (например, *blā* ‘лист’, *klē* ‘одежда’, *trā* ‘дерево’) в ОФ мн. ч. обычно встречаются с *-na*, а не с *-ena*: *blā-na*, *klē-na*, *trā-na*. Это же относится к существительным ср. р. с основами на *s* и *t*; у них безударное *e* в окончании ОФ мн. ч. может синкопироваться по той же закономерности, которая описана в § 7.2a: *fāt-na*, *hūs-na* наряду с *fāt-ena*, *hūs-ena* (к *fāt* ‘таз’, *hūs* ‘дом’).

3. У существительных с умлаутом окончание *-re* используется после смычных, *-e* после *n*, *r*, *s*:

bēnd-re, *fēt-re*, *bēk-re*, *nēt-re*, *rēt-re*, *tänd-re* к *bünd* м. ‘хозяин’, *būk* f. ‘книга’, *fūt* м. ‘нога’, *hōnd* f. ‘рука’, *nōt* f. ‘ночь’, *rūt* f. ‘корень’, *tann* ‘зуб’.

männ-e, *sinn-e*, *dēt-re*, *gäss-e*, *liss-e* к *mann* ‘мужчина’, *sonn* ‘сын’, *dütär* ‘дочь’, *gōs* f. ‘гусь’, *lūs* f. ‘вошь’. Обозначение ‘мышь’, соответствующее шв. *mus*, в диалекте отсутствует (‘мышь’ в диалекте – *rott*, ‘крыса’ – *kriss*). У существительных ‘отец’, ‘мать’ формы мн. ч. с умлаутом утрачены, т. е. говорят *fārar*, *fārana*, *mūrar*, *mūrana*.

У существительных с ОФ мн. ч. на *-re* часто слышится эпенетический гласный: *hēndäre* наряду с *hēndre*.

Проблема *-a* vs. *-ana* в определенной форме множественного числа

§ 13. Происхождение окончаний ОФ единственного и множественного числа и их соотношение с древнешведскими формами суффигированного артикля было описано нами ранее²². Обратим здесь внимание лишь на окончание *-ana* в ОФ мн. ч. существительных мужского и женского рода. В мужском роде оно находится в свободном варьировании с *-a* (см. *poika* и *poikana* в примере 345), тогда как в ОФ мн. ч. женского рода обычно встречается только *-ana*. Вопрос заключается в причине параллельного существования окончаний *-a* и *-ana*. Фонетически закономерным развитием ОФ мн. ч. женского рода в диалекте является др.-шв. *-urnar* > *-una* > *-an/un* > *-a/u*, т. е. др.-шв. *hōnona* > **hēnan* > **hēna* и *vikuna* > **vikun* > **viku*. Однако такие формы привели бы к совпадению ОФ единственного и множественного числа, поэтому во мн. ч. *-na* сохранилось, тогда как в ед. ч. имело место фонетически закономерное изменение *-una* > *-an/un* > *-a/u*. Таким образом,

мы считаем, что сохранение *-na* у существительных женского рода было вызвано стремлением избежать омонимии ОФ мн. ч. и ОФ ед. ч. Что касается мужского рода, то у существительных типа *fisk*, *tisk* апокопа *-na* не вела к совпадению ОФ мн. и ед. ч. (*fisken*, *tisken* ОФ ед. ч. и *fiska*, *tiske* ОФ мн. ч.), поэтому здесь имела место фонетически закономерная апокопа *-ana*, *-ena* > *-a*, *-e*. У существительных м. р. типа *hona* 'петух', *stoka* 'палка', напротив, апокопа *-na* в ОФ мн. ч. привела бы к совпадению этой формы с неопределенным единственным числом, поэтому *-na* в ОФ мн. ч. у существительных этого типа склонения сохраняется (т. е. *hona* НФ ед. ч. и *hona-na* ОФ мн. ч.)²³.

Следует предполагать, что в мужском роде фонетически закономерный процесс исчезновения *-na* в ОФ мн. ч. был частично блокирован аналогией с женским родом, где *-na* сохранялось. Это привело к появлению в ОФ мн. ч. мужского рода таких форм как *fiskana*, *tiskena* наряду с *fiska*, *tiske*. Возможно также, что первоначально имела место апокопа *-na*, а затем вторичное распространение этого аффикса из женского рода.

Для существительных, оканчивающихся на *-iη* и *-uη* (например, *gädiη* 'оса', *släftiη* 'родственник', *kattuiη* 'котёнок') окончание *-ana* нехарактерно. Возможно, в этом случае происходит синкопа *a* между носовыми согласными: *-iηana* > *-iηa*. У существительных с основой на *n* возможна гаплогия: *hēnana* наряду с *hēna* (ОФ мн. ч. к *hēn* 'курица').

В среднем роде фонетически закономерным окончанием ОФ мн. ч. было бы **-e* < др.-шв. *-in*. Однако это окончание создало бы омонимию с ОФ ед. ч., поэтому окончание *-e* было также расширено элементом *-na*, взятым из ОФ мн. ч. женского рода.

Итак, наличие *-na* в ОФ мн. ч. существительных всех трех родов не является фонетически закономерным. В ж. р. и у существительных м. р. типа *stoka* сохранение *-na* вызвано стремлением избежать омонимии с ОФ ед. ч. У существительных м. р. *-na* вызвано аналогией с ж. р. У существительных ср. р. *-na* также вызвано стремлением избежать омонимии с ОФ ед. ч. и распространилось из ж. р.

Свободностоящий определенный артикль

§ 14. Свободностоящий определенный артикль в диалекте совпадает с местоимением «тот»: *han* m., *hon* f., *tom* pl. Как и в стандартном шведском, свободностоящий артикль – это вспомога-

тельное слово, оформляющее именную группу «прилагательное + существительное в ОФ»; прилагательное при этом употребляется в слабой форме. Слабая форма прилагательного в диалекте всегда имеет нулевое окончание, совпадая, таким образом, с формой женского рода и с основой прилагательного. Употребление слабой формы прилагательного при существительном в ОФ в диалекте обязательно и не допускает варьирования. Однако использование свободностоящего артикля не является строгой закономерностью, хотя количество примеров, в которых он употреблен, больше числа примеров, где он отсутствует.

§ 15. Примеры употребления свободностоящего определенного артикля м. р.:

(1) *To ja var lill, ja kumär e hōn-e, än gamma maŋŋla mēran dāi ütär kvaŋána po bŭde, o ja hōlt 'ō-e de jāta han rō dāien* 'Когда я была маленькая, я помню, как бабушка раскатывала сдобное тесто на столе, и я любила есть сырое тесто';

(2) *Po ūre jā-där tŋō prikkar: han lill prikken vīsar tīma, o han stūr minūta* 'У часов две стрелки: маленькая показывает часы, большая минуты';

(3) *Ve hāv brē liggjande po grit-ūen, o han ättaŋt riŋgen, han runn, han vār änt 'fast grannt, o tēr komm-där rottar 'ūt o gnavla brē* 'У нас лежал на плите хлеб, и последний кругляк, круглый, он не совсем плотно прилегал, и оттуда вылезали мыши и грызли хлеб';

(4) *Häksl jār he, som ja skār 'fādes, han fīn halmen, som ja prītar ot kūda... Han prīta halmen blīa-ŋo blōūtār* 'Сечка – это то, что я нарезаю, мелкая солома, которую я запариваю корове. Запаренная солома же становится мягкой';

(5) *Ja komm han fūr-gōje mōndan hitt* 'Я сюда приехал в прошлый понедельник';

(6) *De kväss sōga, so fō-de kväss-on me han trī-kantat fīlan* 'Чтобы наточить пилу, надо точить ее треугольным напильником';

(7) *Han kvīt blūen vann täföre han rē blūen, tū 'ive* 'Белая кровь [белокровие] все равно победила красную кровь, взяла верх';

(8) *Soŋŋ lōa ve 'inn han sūr kōŋ {sjūran kōl}* 'Так мы готовили соленую капусту' (см. § 60).

§ 16. Свободностоящий определенный артикль ж. р.:

(9) *Tom brukat böüna, tēr sīa-de änt tom makka, a üte kvīt böüna, tēr sīa-de hon svaŋŋ plātta* 'Пятнистая фасоль, там ты не заметишь тех жуков, а в белой фасоли видно черное пятнышко'.

§ 17. Свободностоящий определённый артикль ср. р.:

(10) *Han pīnar folke o se 'ō, före he dumm hūe* 'Он мучает людей, и себя тоже, из-за дурной головы';

(11) *Rott fläsk jär skarft de bīt, a he ō-sjöe fläske jär blöütare* 'Сырое сало твердое, а вареное мягче';

(12) *Ja hann 'än roka me före, än he häit vatne bläi allt* 'Я успела искупаться до того, как горячая вода закончилась';

(13) *He stūr fiñäre, he jär ale länst* 'Средний палец, он самый длинный';

(14) *Ja rīva tom būraka po he grū rīv-jene, o blōnda dehūp mā he sküre haļme, o gāv-e ot küda* 'Я тёрла буряки на крупной тёрке, и смешивала с резаной соломой, и давала корове';

(15) *Ja söūta opō, o nō bläi gōne allt näst me, he kvīt gōne* 'Я шила всё время, а сейчас нитки закончились у меня, белые нитки'.

§ 18. Свободностоящий определённый артикль мн. ч.:

(16) *Kott sāte tom vaska kāraldna?* 'Куда класть помытую посуду?';

(17) *Konn grāva-dom 'nēr tom ō-dūe grīsa?* 'Где закапывалидохлых поросят?';

(18) *Ja rīvar sundār gūrkar hāldār kārpsar, sānn blōndar ja 'hūp-e mā tom kļāna o gāvār-e ot paṭṭuṇa, o ot tom stūr gāsse* 'ō 'Я натираю огурцы или тыквы, потом смешиваю с отрубями и даю это утятам и большим гусям тоже';

(19) *Tār jär allhundaslāss fāraldār. Dār jär tom kvīt lill, tom skīt po kōṇ äggār...* 'Есть разные бабочки. Есть маленькие белые, они откладывают яйца на капусту...';

(20) *He vār äit stuṭṭ vādār-ild, o bröüt snaṭṭ 'ō all trānar, tom uṇṇ trāna* 'Была сильная буря, и поломало почти все деревья, молодые деревья'.

§ 19. Примеры отсутствия свободностоящего артикля:

(21) *Üte he kūkat vatne rēä-ḑe 'inn mōļ, o sānn üte kōld dāien kasta-ḑe jāstn 'inn* 'В кипячёную воду мешаешь муку, и потом в холодное тесто кладёшь дрожжи': следует обратить внимание на наличие артикля в *he kūkat vatne*;

(22) *Färr po svānska gragōḑṇ, tār vā-ḑār üt-lādār mā stāinar gragōḑss-putṭṇ* 'Раньше на шведском кладбище были кладбищенские ворота, выложенные камнями';

(23) *Ve tū 'inn üte stūr spōn sugār, so brānd ve sugäre, tät-e blār brünt* 'Мы брали в большую ложку сахар и жгли сахар, пока он не становился коричневым';

(24) *Tom ina-biksana klē-dom gist po bār kruppen* 'Подштанники надевают сразу на голое тело';

(25) *Fär gjūd ve soļe kofe ot-os: brāst sē, üta fäit, a torrk'-e po torr panna, än-e blār brünnt* 'Раньше мы сами делали себе кофе: жарили зерно, без жира, а сушили его на сухой сковородке, чтобы оно становилось коричневым';

(26) *Gässe fō-de hōld de äit ōr, fron vōre ända de vintān, de sūin hēste* 'Гусей надо держать до одного года, с весны до самой зимы, до поздней осени';

(27) *Ja ōt ō lēvandest lissār, tom sā, än-e hōlpār. Min sistār, Maria, maņla 'inn lēvandest lūse üte huniņen o gāv 'inn-e üte sjūk-hūse üte finstās-lūkka o sā, än ja ska äta 'upp-e* 'Я даже ела живых вшей, говорили, что это помогает. Моя сестра, Мария, засунула живую вошь в мед, и дала мне в больнице в форточку, и сказала, чтобы я съела это';

(28) *Gässe flōū 'boļt rāi ot varm lande* МП 'Гуси уже улетели в теплую страну';

(29) *Ja gjūd ot me fār soļe äin tākke mā fādrar... O sänn trokkla ja 'girm-e mā kaprōnove gōne* 'Раньше я сама сделала одеяло с перьями... И потом наживляла капроновыми нитками';

(30) *Ō-dūe fiska kasta-e 'ūt ot līe* 'Дохлая рыбу выкидывало на берег';

(31) *Svaļt krōkana, tom hakk kāvna 'sundār po bastan, han gō-šānn fārlōra* 'Черные вороны, они клюют арбузы на баштане, он потом пропадет';

(32) *Ēklat kāfin!* 'Противная рожа!'

Ср. также *tiska saldata* 'немецкие солдаты' в примерах 358, 407 и *tom tiska saldata* в примере 400.

§ 20. В именной группе с порядковым числительным свободностоящий артикль отсутствует:

(33) *Papa vār fron sjēt ōre* 'Папа был 1906-го года рождения';

(34) *Ja blāi fēd äit tūsn nī hundra trātti-trē ōre* 'Я родилась в 1933 году';

(35) *De gō 'upp, so vār-e rāi svoļt de gō, po ottande rōa* 'Подниматься было уже тяжело на восьмой этаж'.

§ 21. Свободностоящий артикль также используется при субстантивации прилагательных и местоимений:

(36) *To ja änt mäiär tarvar he, som-dom gāv 'upp ott-oss de skrīv, he gnäi ja 'tjānd, o skrīvar ötär **he ana*** ‘Когда мне больше не нужно было то, что нам задавали писать, я стирала это и пишу снова другое’;

(37) *Hon klēär kvā-dāen po se mäseäitt **he äin**, hon mado änt hōa iña anat* ‘Она каждый день надевает одно и то же, наверно, у нее нет ничего другого’;

(38) *Han vār vist **han ēvešt** po täss barāka, som ve vār* ‘Он наверно, был главный над теми бараками, где мы были’;

(39) *Koļe jār **hon ēvešt**?* ‘Кто главная?’;

(40) *Hon mado vara sjūk, a **hon ār**, hon jār slīk frisk o rē-ansüftat* ‘Она, наверно, больная, а вторая, она такая здоровая и краснощекая’;

(41) *Tom brās ägge, o so vēnd-dom 'umm-e ot ā-šīa, än-e änt rinndär ütär kvaṭāna, **he güļa*** ‘Они жарят яйцо и переворачивают его на другую сторону, чтобы он не растекался, желток’;

(42) *Han pöütar opó terinn üte taldriken, han pöüta 'üt allt tjofft, som vār e taldriken, a **he tunn** läivd-n* ‘Он ковыряется в тарелке, он выбрал всю густоту, которая была в тарелке, а жижу оставил’;

(43) *Kaļven kann stupp 'inn hūe ända de ērana üte kástrüll, a **he tjokk** jä-ḑo po бүтне* ‘Теленок может засунуть голову до ушей в кастрюлю, гуща же на дне’;

(44) *He liggär o sjüär, före he, än **he vót** kumär 'üt* ‘Оно лежит и свистит, потому что выходит та мокротá’ (о дровах);

(45) *Gill-sīple vaskar ja 'ō o sānn skār ja 'tjānd **he svaff**, som bļummen vār* ‘Я промываю шиповник и потом обрезаю черноту, где был цветок’;

(46) *Tom fļomm opó mā hon dānna som **tom dum*** ‘Они хлопают той дверью, как сумасшедшие’;

(47) *Rāven hāv lillar, rāvuņņar, so fōr-on still-dom, o kumär, o stjōl! 'boṭt hēna, o bār ot **tom uņņa**... Ännan gī de tōa 'fast rāvuņņar, o **hon gammōl** vār tār-inn, o bāit-n üte hōnde* ‘У лисы был приплод, лисята, ей надо их кормить, приходит и крадет кур и несет детенышам... Один пошел поймать лисят, а старая лиса была внутри и укусила его за руку’.

Местоимение «тот» в ослабленном значении

§ 22. В некоторых случаях возникает впечатление, что дейктическое или анафорическое значение этого местоимения ослаблено, вследствие чего оно напоминает определенный артикль типа англ. *the*, при этом существительное употребляется с суффиксированным артиклем, так как употребление ОФ после указательных местоимений является в диалекте строгим правилом:

(48) *Släkke 'ūt han äildn* 'Потуши костер';

(49) *Ja tū he bōne 'upp po fammen o ja var rädd, än ja änt fälldär 'nēr-e* 'Я взяла ребенка на руки и боялась, что уроню его';

(50) *Skōa, än-de änt fälldä-ñēr he bōne* 'Смотри, не урони ребенка';

(51) *Hon krävota jär räi füll-jäte, tom gässe hōa mätta-še jäte* 'Зоб уже полный, гуси наелись';

(52) *He koşşe kunt 'ō fall 'umm to-e lēntest upp, han snjūen o jūde* 'Крест мог также упасть, когда растаяло, снег и земля' (см. пример 410);

(53) *De läiv he gräse, he dräär allt 'ūt fron jūde, hon vōthäite* 'Если оставить ту траву, она вытягивает все из земли, влагу';

(54) *Ja lōa 'fādes butlar me bār. Ja fōr fāst kūk 'upp-dom. To-dom jära minnsla kūka, so kuna-dom gärjas, o he slītā-şänn 'tjānd he loke fron glāse, fron han butl* 'Я приготовила бутылки с ягодами. Надо вначале их проварить. Если они мало проварены, они могут забродить, и потом сорвет крышку с бутылки';

(55) *Tom jaxt mäseäitt opō, şlabār mā tom tuñjana* 'Они вечно шумят, треплют теми языками';

(56) *Ve hāv rāven, a üte ställe rāven fī ve hāl. Han hāñ läivd fikst 'ō* 'У нас был дождь, потом вместо дождя пошел град. Град быстро закончился';

(57) *He rāvna hōle, o vatne rann po gatna. He vatne flosa soşş, än där vār bublar po vatne* 'Шел сильный дождь, и вода бежала по улице. Вода бурлила так, что были пузыри';

(58) *Hēr gift folke 'ō se me drikkjande, tom kūk he brämmene soļe* 'Тут люди все время травятся водкой, они сами варят тот самогон';

(59) *To-de hāv strüssar, so gī-de-do 'ō o bröüt tom gräina fron hālstrana. Strüssana jäta blāna o gnāvöl barken 'tjānd fron tom gräina, a he vārke blār 'ōtār fron gräina* 'Когда были кролики, то ходили и обламывали ветки с верб. Кролики едят листья и обгрызают кору с тех веток, а древесина остается'.

План содержания

Категория определенности и реальный мир

§ 23. Каждое лицо или предмет характеризуются двумя типами признаков: во-первых, это категоризирующие признаки, на основании которых предмет/лицо относится в нашем сознании именно к данному, а не к какому-либо другому классу явлений действительности (так, например, книга имеет признаки, благодаря которым она является именно книгой, а не чем-то еще). Во-вторых, это идентифицирующие признаки, посредством которых предмет или лицо отличаются от всех других предметов или лиц, относящихся к тому же классу (так, книга имеет свои индивидуальные характеристики, это может быть книга, которую я читаю в данный момент, и т. д.). В зависимости от ситуации, актуализируются признаки либо первого, либо второго типа, поэтому предмет может восприниматься по-разному: либо как в принципе относящийся к данному классу предметов, без необходимости индивидуализации, либо как отличающийся от аналогичных предметов и индивидуализированный. Далее, существует различие между отдельным предметом, относящимся к данному классу, и всей условной совокупностью этих предметов. Одно и то же существительное может обозначать как индивидуализированный и идентифицированный предмет (*Положи книгу на стол*), так и категоризированный, но не идентифицированный (*Я сейчас читаю книгу, а не журнал*); то же существительное обозначает и всю мыслимую совокупность предметов, весь данный класс явлений действительности (*Книга – великое изобретение*). В русском языке эти разные значения грамматически не выражаются (но могут быть так или иначе выражены лексическими средствами); в германских языках они выражаются на уровне грамматики с помощью артиклей. В случае нашего диалекта существительное, обозначающее идентифицированный предмет, будет иметь определенный артикль, если он идентифицирован с точки зрения всех участников коммуникативной ситуации, и неопределенный, если он идентифицирован только для автора высказывания. Если обозначается категоризированный, но не идентифицированный предмет, существительное будет иметь неопределенный артикль в том случае, если его употребление допускается лексическим значением существительного; часто используется и ОФ, и – реже –

НФ без артикля. Если обозначается условная совокупность предметов, существительное употребляется либо с определенным артиклем, либо во множественном числе без артикля. Таковы самые общие принципы распределения артиклей. Ниже рассматриваются конкретные закономерности, связанные с их употреблением.

Грамматические значения неопределенной формы

§ 24. Возможность употребления неопределенного артикля в диалекте зависит от лексического значения существительного: существительные в неисчисляемом значении не употребляются с неопределенным артиклем²⁴. Эти существительные обозначают такие предметы и явления, которые не воспринимаются как считаемые поштучно, т. е. в диалекте в нормальном случае о них нельзя сказать «один X», «два X» и т. д. Неопределенный артикль невозможен с существительными во множественном числе. Оба эти ограничения обусловлены историческим значением неопределенного артикля, который по своему происхождению связан с числительным «один». В этом разделе рассматриваются следующие случаи: НФ исчисляемых существительных с неопределенным артиклем (об НФ исчисляемого существительного без неопределенного артикля см. § 40), НФ существительного во мн. ч., НФ неисчисляемого существительного. Грамматические значения этой группы форм заключаются в следующем.

§ 25. Предмет или лицо, не идентифицированное с точки зрения адресата высказывания, который не может идентифицировать его среди предметов/лиц данного класса, поскольку об этом предмете/лице применительно к данной ситуации сообщается впервые. В этом случае подразумевается дальнейшее описание или сообщение какой-либо последующей информации о лице или предмете: *Tēr, som ja lēvd, hon hāv äin dūtär. Hon kunnt site häila dāen po bänken* 'Там, где я жила, у нее была дочь. Она могла сидеть целый день на скамейке'. Такое употребление неопределенного артикля можно назвать антецедентным. Если существительное, использованное с антецедентным неопределенным артиклем, встречается в последующем предложении, оно употребляется в определенной форме (анафорический определенный артикль: § 29); это тот случай, где распределение артиклей соблюдается последовательно, образуя достаточно строгую оппозицию.

§ 26. Предмет/лицо, которое категоризируется, но не требует идентификации или конкретизации в данном контексте: *Ale bäst jār-e de hōld-e üte än klē-pusa* ‘Лучше всего держать ее [крупу] в мешочке из ткани’. Здесь важно лишь то, что говорится о предмете, относящемся к данному, а не к какому-либо другому классу предметов, т. е. о мешочке (а не о коробке и т. д.); конкретизация и идентификация предмета не важна. Сюда также относится случай, когда слово указывает на любой предмет, относящийся к данному классу: *Än bärefis jār än svattär makk, spits-atşolatär o spits-näsätär* ‘Bärefis – это черный жук, с острым задом и носом’; *Än armļiņ jār äit slüft bōn, som jār üta fār o üta mūr* ‘Armļiņ – это такой ребенок, который без отца и без матери’. Здесь нужна не идентификация или конкретизация, а указание на то, что объект вообще относится к данному классу, так как обладает какими-либо признаками, позволяющими считать его принадлежащим к классу объектов, называющихся “bärefis”, “armļiņ”, т. е. это любой “bärefis” и “armļiņ”.

Здесь может возникнуть вопрос, почему закономерность, описанную в § 25, мы выделяем в отдельный случай, не объединяя ее с категоризирующим неопределенным артиклем. Дело в том, что в категоризирующем значении очень часто используется и ОФ (§ 34), и НФ исчисляемых существительных без артикля (§ 40), тогда как в том случае, когда предмет/лицо называется впервые с сообщением дальнейшей информации о нем, последовательно используется именно неопределенный артикль. Это служит аргументом в пользу разделения антецедентного и категоризирующего употребления неопределенного артикля.

§ 27. Помимо этих случаев, НФ может быть обусловлена словами, связанными с существительным: притяжательными местоимениями, количественными числительными (см. также § 37), местоимениями *allan* ‘весь’, *iņa* ‘никакой; ни один’, *mike* ‘много’, *moņ(a)* ‘много’, *māiär(e)* ‘больше’, *noslass* ‘какие-то’, *slikār* ‘такой’, *sumļan* ‘какой-то’. Сюда же можно отнести существительные, которые не употребляются в определенной форме: *fār* ‘отец’, *mūr* ‘мать’, *bill* ‘дядя; дед’, топонимы, названия месяцев, некоторые заимствования. Заметим, что обозначение Днепра встречается как в НФ: *Nēpār*, так и в ОФ: *Neppār*. После притяжательно-местоимения *tāiṣ* изредка попадает ОФ: *tāiṣ famillja* МП ‘их фамилия’ (см. пример 325). Существительные в функции приложения при именах собственных встречаются как в НФ, так и в ОФ (§ 39).

§ 28. Наконец, неопределенная форма используется при обращении:

(60) *So sã-en: "Pîk, ja sîär iŋatiŋ änt"* МП 'Он сказал: «Дочка, я ничего не вижу»'.

Грамматические значения определенной формы

§ 29. ОФ используется, когда предмет или лицо является идентифицированным для всех участников коммуникативной ситуации благодаря тому, что соответствующее существительное было употреблено в предшествующем предложении: анафорическая функция ОФ. В этом случае определенный артикль указывает на то, что упоминание предмета связано с предшествующим контекстом, т. е. предмет является конкретизированным в свете предшествующего повествования:

(61) *Nö, ve arbeta üte колхоз. Tom söd bumäl. Ve arbeta allar po bumäle* МП 'Ну, мы работали в колхозе. Они сеяли хлопок. Мы все работали на хлопке'.

§ 30. Далее, ОФ используется, когда предмет (или лицо) является идентифицированным для участников коммуникативной ситуации, так как в данной ситуации он не может быть «любым» (дейктическая функция ОФ):

(62) *Tä finstäs-lükka ipet!* 'Открой форточку!': в помещении только одно окно или только одна форточка, которую можно открыть.

(63) *He rävna hôle, o vatne rann po gatna. He vatne flosa soşş, än dār vār bublar po vatne* 'Шел сильный дождь, и вода бежала по улице. Вода бурлила так, что были пузыри': речь идет о воде во время конкретного дождя, т. е. в рамках конкретной, индивидуальной ситуации.

(64) *Ve lēvd 'ūt vār ēndan stāen, näst än būnd. Mama mōlka kūdna o papa arbeta e stalle vār äikja o vār kūdna, o sumōļ goŋŋ kēd-n ot lande. O ja bruka site upp po vāvāŋ* МП 'Мы жили на краю города, у одного хозяина. Мама доила коров, а папа работал в конюшне при лошадях, и иногда он ездил в поле. А я обычно сидела на телеге': здесь ОФ *kūdna* и *äikja* обозначают не любых коров и лошадей, а именно в данном хозяйстве. Ср., однако, *kūdna* в примере 316, где эту форму следует, по-видимому, интерпретировать как обозначение совокупности, т. е. это любые коровы в колхозе.

§ 31. Сюда примыкает использование ОФ при обозначении естественной части или принадлежности (например, части тела, дома или постройки):

(65) *Gamma dāvd-dom bōar me briste, tom väkst som tfō tfīlīnar* ‘Бабушка кормила их обоих грудью, они выросли, как близнецы’;

(66) *Üte tjū-fjād öre bēvd min papa äin stjū ot se. Hon vār änt stūr, vār än komar, o kēka, o fošta, he vār allt, som ve hāv, o äin sumar-kēk. O äit stall hāv ve ’ō* МП ‘В двадцать четвертом году мой папа построил себе дом. Он не был большим, была одна комната, кухня и прихожая, это все, что было, и летняя кухня. И конюшня у нас тоже была’. ОФ *kēka, fošta* (к *kēk* ‘кухня’, *fošt* ‘прихожая’) использованы, так как прихожая и кухня не могут не быть конкретизированными в данном случае, поскольку в доме только одна кухня и прихожая; *sumar-kēk* ‘летняя кухня’ и *stall* ‘конюшня’ употреблены в НФ, так как они не являются непосредственными частями дома и их наличие не обязательно, поэтому сообщение о них является новой информацией для слушающего, что требует неопределенного артикля.

§ 32. Наконец, сюда же можно отнести использование ОФ при обозначении единичного, уникального предмета типа *jūde* ‘земля’ (но *jūd* в значении ‘земля, почва’, которой, например, что-либо засыпают или покрывают, см. примеры 79, 346, 347, 357, 370), *sūle* ‘солнце’, *himmen* ‘небо’ (ср. *unde bār himmen* ‘под открытым небом’, но *unde himmö!* ‘под [открытым] небом’), *vādñ* ‘мир’, *bīn* ‘село’ (не любое, а шведское), *lande* ‘степь’ (земли вокруг села), *svāde* ‘балка’ (у села), *trāske* ‘речка’ (у села), *brantan* ‘обрывистый берег’ (Днепра), *gragōdñ* ‘кладбище’ (сельское), *hāve* ‘море’ (между Готландом и Стокгольмом), *folke* ‘народ; люди’ (в селе; это можно интерпретировать и согласно § 33), *stāen* ‘город’ (обычно Берислав). К некоторым таким существительным близки топонимы, употребляемые в определенной форме и являющиеся сложными словами, где второй компонент – нарицательное существительное: *Svaṭṭ-skūen* МП ‘Шварцвальд’, *Stad[z]-bakkan* «городской холм» (так называются развалины старинной турецкой крепости на берегу Днепра, сейчас они выглядят как небольшой холм), *Jūdez-bīn* МП ‘Еврейское село’ (около Старошведского)²⁵. Во всех этих случаях предмет «автоматически» является идентифицированным.

§ 33. ОФ используется при обозначении условной совокупности или класса лиц/предметов. Наиболее яркие примеры:

(67) *To **tīskēn** fī gō debāks, so jāga-dom oss 'ūt allar* МП 'Когда немцу пришлось отступать, нас выгнали всех';

(68) *Ve fe arbet fere **tīskēn** sošsom fere **rissen*** МП 'Мы работали при немце («на немца») так же, как при русском («на русского»)'.

Однако вместо единственного числа *tīskēn, rissen* чаще используется множественное число, ср. продолжение последнего примера:

(69) *Var **председатель, бригадир**. Mama mōlka kūdna, boka brē ot lande, sošsom fere **risse*** МП 'Был председатель, бригадир. Мама доила коров, пекла хлеб для степи, как при русских'. Здесь имеются в виду русские и немцы как определенная совокупность (немцы, жившие рядом со Старошведским, либо немцы-оккупанты во время войны).

(70) *Han skōa ätt **äikja** um nōte o stillt-dom, gāv jāta ot **äikja** um nōte. O han fī lōa **äike-hūena*** МП 'Он смотрел за лошадьми ночью и кормил их, давал есть лошадям ночью. И он должен быть чинить хомуты'.

(71) *So satt-dom 'inn oss üte än slikār, som-dom kēr **äikja** o **kūdna*** МП 'Нас посадили в такой [вагон], где возят лошадей и коров': существует класс животных и класс людей; вагон предназначен для животных как класса объектов, в отличие от людей как другого класса.

Таким образом, при обозначении совокупности существительное может стоять в ОФ как единственного, так и множественного числа. Это естественно, так как совокупность – это одновременно и единство и множество, так как множество в единстве. Однако если существительное употреблено в ОФ ед. ч., не всегда очевидна разница между обозначением совокупности и категоризацией (§ 34). Критерием может быть то, что при обозначении совокупности ОФ ед. ч. может быть заменена на ОФ мн. ч. без изменения смысла, как в примерах 67, 68.

Если говорится не о классе или группе в целом, а об отдельных представителях (т. е. об индивидуальных объектах), то будет скорее использована НФ мн. ч.:

(72) *Näst **paṭṭana**_{ОПР.МН.} jā-dār dūn, o näst **gässe**_{ОПР.МН.} 'ō. Ja slafta **gässär**_{НЕОПР.МН.} o **paṭṭar**_{НЕОПР.МН.}* 'o so tū ja he dūne alāina' 'У уток есть пух и у уток тоже. Я резала гусей и уток и откладывала пух отдельно';

(73) *Bākum oss kēd slikar som ve, män änt iṇa svānskār. He vār **tīskār*** 'За нами ехали такие же, как мы, но не шведы. Это были немцы'.

Ср. также употребление ОФ и НФ слова *folk* ‘народ, люди’:

(74) *Bait krī, so vār ija präst, ija kirke, so rūpa-dom ôtär min mamma, **folke**, so fî-on ôtär begräv **folk**, po riss, o po svänsk, o po tisk* МП ‘После войны не было священника, не было церкви, поэтому мою маму опять звали люди, ей снова надо было хоронить людей, по-русски, и по-шведски, и по-немецки’. Возможно, *folk* во втором случае употреблено в НФ, чтобы подчеркнуть, что женщина хорошила любых людей, и русских, и шведов, и немцев.

§ 34. Есть значительное количество примеров, в которых существительное в ОФ обозначает явно не какую-либо совокупность или класс; в то же время нельзя считать, что этот предмет является идентифицированным для всех участников коммуникативной ситуации. В этом случае ОФ используется для обозначения объекта как отдельного представителя данного класса предметов (категоризирующее значение) без четкой конкретизации и без сообщения какой-либо дальнейшей информации (ср. § 25), однако этот объект используется в естественной для него функции или в привычном для говорящего окружении. Например, в сарае, где хранили солому, должна была находиться лестница, чтобы залезть на чердак, обозначение лестницы употреблено в ОФ, причем она упоминается впервые и слушающий не знает о ее наличии: см. пример 389. Ср. также описание предметов, привычно находящихся в сельском доме:

*To-de gôr innot stjüe, so jâr fäst fošta. Tër kunt stō piss-ämbare häldär **piss-kuppen**. Po lāsa stū ämbarena mä vatn üte se* ‘Когда заходишь в дом, то вначале прихожая. Там могло стоять ночное ведро или ночной горшок. На скамейке стояли ведра с водой в них’. Ср. *kēka, fošta* в примере 309, где это ОФ в дейктическом, а не категоризирующем значении, так как речь идет не о доме вообще, а о доме, построенном отцом М.Ф. Прасоловой.

Отсутствие конкретизации в этом случае подразумевает возможность использования ОФ в отношении какого-либо явления в целом:

(76) *Tom sköüt nōte o dāen* МП ‘Они стреляли день и ночь’: речь идет не об отдельных днях и ночах, а о явлении как таковом.

(77) *To rāvne gôr färbrī, o möle-klōmpa drāa se ütär kvaṭṭāna, līsna-r-e rāi* ‘upp, sūle byre rāi skīn’ ‘Когда дождь проходит, и тучи расходятся, [небо] проясняется, солнце начинает светить’: не имеют в виду дождь и облака в конкретной, индивидуальной, ситуации, а дается общее описание дождя, относящееся к явлению в целом.

§ 35. Сюда же примыкает ряд устойчивых выражений с ОФ: *um tonnan* 'утром', *um dāen* 'днем', *um kvēldn* 'вечером', *um nōte* 'ночью', *um middan* 'в обед', *um aſtan* 'вечером', *um sundan* 'в воскресенье', *um hēste* 'осенью', *um vintān* 'зимой', *üte märkniſe* 'в сумерках', *hāila nōte* 'всю ночь', *hāila tīn* 'все время', *hāila bīn* 'все село', *hāila famillja* 'всей семьей', *gō e skūla* 'ходить в школу', *gō üte kirkja* 'ходить в церковь', *rē ſlagga* 'красный флаг', *riska jūle* 'русское Рождество', *tjōļ pōske* 'на пасху', *de ēndan* 'до конца', *me bōin* 'на корабле', *me tōge* 'поездом', *me sikkāl* 'на велосипеде', *me vāvān* 'на телеге', *po slāan* 'на санях', *po poste* 'почтой', *po hālpaſſen* 'пополам', *po vēgen* 'на дороге; в пути', *kuma e hōn-e* 'помнить'.

§ 36. Наконец, ОФ может «навязываться» словами, связанными с существительным: указательными местоимениями, числительными, местоимениями *bō* 'оба', *kvār* 'каждый'. Указательные местоимения *tān m.*, *tāss f.*, *tāt n.*, *tāss pl.* «этот», *han m.*, *hon f.*, *he n.*, *tom pl.* «тот» в диалекте используются с существительным в ОФ; см. примеры в § 22. Это относится и к детерминативному употреблению указательных местоимений, т. е. к тем случаям, когда существительное с указательным местоимением имеет определительное придаточное: *Fron han grāddn, som ve hāv laitra, kēn ve sānn smēr* 'Из тех сливок, которые мы сепарировали, мы потом бьем масто'.

§ 37. Порядковые числительные также требуют ОФ: *fförete-äinande öre* 'сорок первый год'. Что касается количественных числительных, то после них существительное может употребляться в НФ ед. ч.: *aſeta ör* 'восемнадцать лет', *fförete sjūn* МП 'сорок человек', *trī bōn* 'трое детей', *sjāksta paſſ* 'шестнадцать уток'; НФ мн. ч.: *tſō hāldār trī dīnar* 'две или три подушки', *ott dōar* 'восемь дней', *aſōta dōar* 'восемнадцать дней', *trī hundra litrar* 'триста литров', *trī lill bōnar* 'трое маленьких детей'; ОФ мн. ч.: *nī litra mōlk* 'девять литров молока', *tolv mētra djūft* 'двенадцать метров глубиной', *tſō mōna* 'два месяца'. Вероятно, последний случай – это с исторической точки зрения не ОФ, а застывшая форма родительного падежа множественного числа.

§ 38. После формы родительного падежа в диалекте систематически используется ОФ: *Anna sā, än ja ska napp 'hūp stāina vār källas dānna* 'Анна сказала, чтобы я собирала камни около двери подвала'; *Sānn för han kēp 'ūt debāks brües skūa* 'Потом ему [помощнику невесты] надо выкупить туфли невесты'; *mamases brūäns*

kälije ‘жена маминого брата’, *mamases sistra* ‘мамина сестра’, *mamases sistra o brūān* ‘мамина сестра и брат’, *mamases brūān Āmil* ‘мамин брат Эмиль’, *mamases fās sistra Margaréta Nurbärg* ‘сестра маминого отца Маргарета Нурберг’, *mamases brēäre* (также *mamas brēäre*) ‘мамины братья’, *Pättär billes dütra* ‘дочь дяди Петера’, *han prästns sistra* ‘сестра того священника’, *gammases fülse-dāen* ‘день рождения бабушки’, *papas lūa* ‘папина шапка’, *Valbäks lande* ‘земля Вальбэка’. Однако в отчествах используется НФ: *Anna Andäs dottär* ‘Анна Андерсдоттер’, букв. «Анна дочь Андерса» (ср. Анна Андреевна).

§ 39. В приложении при именах собственных существительные используются как в ОФ: *Andréas brūān* ‘брат Андреас’, *bīn Valbäk* ‘село Вальбэк’, *stāen Bārislav* ‘город’, так и в НФ: *Ālza sistār* ‘сестра Эльза’, *Āmma mustār* ‘тетя Эмма’, *ān flūd Rhein* ‘река Рейн’. Существительное *bilk* ‘тетя’ в этом случае встречается только в ОФ, *bill* ‘дядя’ – только в НФ: *Maria bilka* ‘тетя Мария’, *Āmma bilka* ‘тетя Эмма’, *Simon bill* ‘дядя Симон’, *Jakub bill* ‘дядя Якуб’, *Kristjan bill* МП ‘дядя Кристиан’. Следующие термины родства употребляются фактически только в ОФ: *gamma* ‘бабушка’ (в том числе с притяжательным местоимением: *mīn gamma*), *gammen* ‘дедушка’, *tam(m)a* ‘мама’, *papa* ‘папа’ – неизменяемые слова.

Грамматическое значение неопределенной формы исчисляемых существительных без артикля

§ 40. Эта форма используется при обозначении предмета (или лица), который категоризируется, но не требует идентификации или индивидуализации. Судя по некоторым примерам, именно эту форму предпочитают, когда предмет или лицо лишь называется, но на нем не планируется останавливать внимание слушателя, когда о нем не сообщается никакая дополнительная информация и когда он играет второстепенную роль в высказывании, ср., например, *jēndār gāvōl* в примере 392.

(78) *Ān armliņ jār äit slūft bōn, som jār üta fār o üta mūār*
‘Сирота – это такой ребенок, который без отца и без матери’: здесь не нужны никакие детали о *fār* и *mūār*;

(79) *Svaļona, tom gāra bū mā jūd, som-dom smitt dehūp-e*
‘Ласточки делают гнездо из земли, которой они его замазывают’.

Ср., однако, НФ с неопределенным артиклем; возможно, это гнездо является более индивидуализированным объектом для говорящего, так как речь идет о единичном гнезде над окном: *Svalur giūð ot se äit bū* 'upp ive finstäre 'Ласточки сделали себе гнездо наверху над окном'. В следующем предложении использована ОФ мн. ч., так как говорится о множестве гнезд: *Tom gära ot se būena soşş, än vatne änt kumär titt 'pō-e* Они делают гнезда так, чтобы вода не попадала на них.

(80) *To-de gōr po gatna, o titet mut kirkja, tēr kann-de 'ō mēt blōkkon. Före äin goŋŋ träffa ja po vägen, som bilen häv sundär-klämd. Ja gī po arbete... vā-där äin blōkkon xjōl-klämd* 'Когда идешь по улице, и туда к церкви, там тоже может попасться черепаха. Потому что один раз мне попала на дороге, которую раздавила машина. Я шла на работу... там была раздавленная черепаха'. В последующем предложении употреблена НФ с артиклем: *äin blōkkon*, так как это индивидуализированный объект, а именно та черепаха, которую ЛУ увидела в конкретной ситуации и о которой сообщается некоторая информация;

(81) *Umm monnan fī ja gō sēke, än nōn skilt Gäva slāa o äik o kēr-on ot больница* МП 'Утром мне надо было идти искать, чтобы кто-нибудь дал сани и лошадь и отвез ее в больницу';

(82) *Tom kēd 'upp oss ot maūga, tēr vār bara skū o skū* МП 'Нас завезли в тайгу, там был только лес и лес';

(83) *Ter-hāim ōt ve kvällvōd. Älza vār mā lītet bōn. So ōt ve kvällvōd o lādes nē-de sōa* МП 'Дома мы ужинали. Эльза была с маленьким ребенком. Мы ужинали и ложились спать'.

Артикли и вводящая конструкция

§ 41. Вводящей конструкцией в диалекте является наречие *där* + непереходный глагол, обычно *vara* 'быть'. По-видимому, вводящая конструкция является проявлением тема-рематического принципа организации предложения, согласно которому расположение новой информации (ремы) более естественно не в начале предложения²⁶. Если сообщение этой новой информации требует использования существительного, то оно, скорее всего, должно быть в НФ. Это связано тем, что существительное в ОФ обозначает предмет или лицо, которое так или иначе известно участникам коммуникации и поэтому не может быть «новой информацией». Слово *där* во вводящей конструкции является по происхождению слабой фонетической формой наречия *tēr* [-e(:)-] 'там'. Различие

сильных и слабых фонетических форм также касается в диалекте личных местоимений *tö* ‘ты’ (слабая форма *-de*), *han* ‘она’ (слабые формы *-en*, *-n*, *-n*), *hon* ‘она’ (*-on*), *he* ‘оно’ (*-e*), *tom* ‘они’ (*-dom*). Сильная форма используется в начале предложения (независимо от фразового ударения) и, как правило, в ударном положении. Слабая форма является энклитикой. Что касается формы *där* во вводящей конструкции, то она практически вытеснила сильную форму *tēr* и употребляется независимо от места в предложении. Примеры вводящей конструкции с *tēr* см. ниже, примеры 99, 182, 211. Изредка встречается форма *tār*, являющаяся, по-видимому, контаминацией *tēr* и *där*: ***Tär jār allhundaslæss färaldär*** ‘Есть разные бабочки’ (пример 213).

§ 42. Глагол в диалекте устойчиво различает единственное и множественное число в презенсе: например, *jār/jär*, *blār* – ед. ч., *jära*, *blī* – мн. ч. презенса глаголов *vara* ‘быть’ и *blī* ‘становиться’ (однако в претерите числа не различаются). Поэтому, если вводящая конструкция используется при существительном во множественном числе, глагол в презенсе должен также стоять во множественном числе. Однако обычно глагол употребляется в единственном числе:

(84) *Ja känddär me futo-suļu, umm-där änt jār iņa piggar po goļv-matta* ‘Я щупаю ногой, нет ли колючек на ковре’.

Это свидетельствует о грамматикализации конструкции *där* + *vara*; ср. в разговорном английском: *There’s two policemen at the door*; *There’s some grapes in the fridge*. Пример согласования глагола и существительного по числу во вводящей конструкции:

(85) ***Där jära slīk mōūrar, tom hōa viņņa, men flū änt, tom jära lōņlāikatar*** ‘Есть такие муравьи, у них есть крылья, но не летают, они довольно длинные’.

Примеры вводящей конструкции с исчисляемыми существительными см. ниже, примеры 99–103; с неисчисляемыми существительными – примеры 182–207; с существительными во множественном числе – примеры 211–235.

Вводящая конструкция используется не только с глаголом «быть», но и с другими непереходными глаголами, например *blī* ‘становиться’, *fall* ‘падать’, *kuma* ‘приходить’, *kroka* ‘лазить’, *stō* ‘стоять’, *vāks* ‘расти’: примеры 163–166, 203–207, 228–235.

§ 43. Имеется несколько примеров ОФ при вводящей конструкции, однако это, насколько можно судить по интервью, является редкостью:

(86) *Hann änt läggjas 'nēr, so klatsa-e devåks, so vā-dār rotta, som kom 'inn se unde han trōen* 'Не успела лечь, как оно вдруг щелкнуло, там была мышь, которая попала под проволоку';

(87) *Fār vā-dār ūre de klänke 'upp po vägge. O he hāv äin kē mā lūe* 'Раньше были часы, которые вешали на стену. И у них была цепь с гирей';

(88) *Fār vā-dār änt ija pränika, soļe boka prātsla* 'Раньше не было пряников, мы сами пекли кренделя';

(89) *Fār po svānska gragōdņ, tār vā-dār ūt-lādār mā stāinar gragodss-putņ* 'Раньше на шведском кладбище были кладбищенские ворота, выложенные камнями';

(90) *To ve lēvd ūte Pōln, so vā-dār ūte skūla blakk-glāsna po narpta... po skūl-bānkja* 'Когда мы жили в Польше, там были в школе чернильницы на парте... на партах'.

Фактический материал

§ 44. В этом разделе приводятся предложения и небольшие повествования, иллюстрирующие употребление артиклей. Записанный нами текстовый материал диалекта неоднороден и представлен двумя группами текстов. Во-первых, это отдельные предложения и небольшие повествования, названные носителями в ответ на просьбу проиллюстрировать употребление того или иного слова. Мы стремились получить пример употребления для каждого слова, а в идеале для каждой словоформы, исходя из убеждения, что словарь, состоящий из списка слов, морфологических характеристик и эквивалентов, недостаточен для полноценного описания лексики. Примеры употребления имеются не у всех слов, однако для большинства лемм они приведены²⁷. Во-вторых, это развернутые повествования двух носителей диалекта, М.Ф. Прасоловой и Л.А. Утас, о событиях конца 1920-х – середины 1950-х гг.: отъезд в Швецию и жизнь там, возвращение в Старошведское, репрессии 1930-х гг., война, угон немцами в Германию на принудительные работы, пребывание в Германии, высылка на спецпоселение в Коми АССР после войны, возвращение в село в 1950-х гг. Мы планируем опубликовать их отдельно; здесь приводятся те фрагменты, которые информативны с точки зрения артиклей.

Для выводов о категории определенности более ценны не изолированные предложения, а развернутые повествования, од-

нако мы сочли необходимым привести примеры из обеих групп текстов, так как в первой группе также имеется множество информативных примеров. В первой части примеры распределены по случаям употребления артиклей, во второй части существительные снабжены индексами, указывающими на случай употребления артикля.

Примеры из иллюстраций употребления отдельных слов

§ 45. Неопределенная форма с артиклем при обозначении предмета/лица, не идентифицированного с точки зрения адресата высказывания:

(91) *Soṣsom ja hölft-on, so kunt ja ō fō **än grīsun**, tarva ja änt skrīv 'ūt-n, a gāv-en ot me före inatin* ‘Так как я помогала ей [работнице на свиноферме], я могла также получить поросенка, мне не надо было его выписывать, он [заведующий] давал его мне бесплатно’;

(92) *Üte Pōln, to ve lēvd, sō ja **äin konn**, hon vār stūr mūt tom ār konnana* ‘Когда мы жили в Польше, я видела лягушку, она была здоровенная по сравнению с другими лягушками’;

(93) *Folke stū üte bue, o so slū blikst 'inn ot bue o slū **äin kälīj** 'xjōl. So grāva-dom 'inn-on ot jūde, o so lēvd-on 'upp* ‘Люди стояли в магазине, и в магазин ударила молния, и убила одну женщину. Ее закопали в землю, и она ожила’;

(94) *Tom vinda titt **äin slarv**, band 'fast-on, hon slarva, sänn hällt-dom he bække o mā slarva gnī-dom sän ütär kvaṭāna-e* ‘Туда наматывали тряпку, привязывали ее, ту тряпку, потом лили ту смолу и тряпкой растирали ее’;

(95) *Tēr, näst Lillje üte gōḍn, bräivär grinde, väkst **äit bummbäṣ-trā**. To krīe vār, so vār po täss sīa näst oss tiske, a po hon ā-ṣīa Nēpār var risse, o so sköüt risse hithēr po tiske, o so komm än снаряд girm bummbäṣ-trā, än hole bläi üte bummbäṣ-trā, sköütest 'girm bummbäṣ-trā* ‘У Лили в огороде, рядом с калиткой, росла дикая груша. Когда была война, с этой стороны у нас были немцы, а с той стороны Днепра были русские, и русские стреляли сюда по немцам, и попал снаряд в грушу, в груше была дыра, прострелило грушу’;

(96) *He hūse, som Malmase leva, jār **äit gammät hūs**... To han bill bēvd he hūse, so hāv-en arbets-folk* ‘Тот дом, где живут Мальмасы, – старый дом... Когда тот дед строил тот дом, у него были рабочие’;

(97) *Üte grīma jã-dār riņņar, o tēr jār äit jēn, som-dom laggār 'inn ot äiken e munn* 'На уздечке есть кольца, и там есть железка, которую укладывают коню в рот';

(98) *He vār äit stuft vädär-ild, o bröüt snatt 'õ all trānar* 'Была сильная буря, и поломало почти все деревья'.

С вводящей констукцией:

(99) *Ter jār äin kälīj, Anna häitär-on, hon lēvär 'ān* 'Есть женщина, ее зовут Анна, она еще жива';

(100) *Hēr jã-dār näst oss 'õ tfõa, äin kälīj o ān mann, som-dom fõ mota. Po han mann tū-e 'õ-en vinstä-šīa* 'Тут у нас тоже есть двое, женщина и мужчина, которых надо кормить. У мужчины парализовало левую сторону';

(101) *Vār bue jã-dār äit tummt stikke, o tēr blī bīla stōande o folke som handl* 'У магазина есть пустое место, там останавливаются машины и люди, которые торгуют';

(102) *Näst oss jã-dār ān mann, han jār fron ațetande õre. Han gī bait bīln, som sjõl kāvnar, han kēft ān kāven, o spõrfiest me fūtn, o foll 'nēr o slū 'sundār han kāven* 'У нас есть один мужчина, он с восемнадцатого года. Он шел за машиной, которая продает арбузы, купил арбуз, и споткнулся, и упал и разбил тот арбуз';

(103) *Färr va-dār äit hõl, o üte he hõle lād-dom 'inn stäina o äilda, ān-dom bränn 'girm se* 'Раньше была яма, и в ту яму клали камни и поджигали, чтобы они прогорали'.

§ 46. Неопределенная форма с артиклем при обозначении предмета/лица, которые категоризируются, но не требуют идентификации:

(104) *Tēr vār ānnan, ān эстонец, so stuppa-dom knīven 'inn e riggen ot-n, men han blāi me līv* 'Там был один, эстонец, его ударили ножом в спину, но он выжил';

(105) *He šīle vār so lāmft som ān blīpp* 'Та ручка была длинная, как карандаш';

(106) *De pätt se, so drää-ņ dehūp se som ān boll* 'Чтобы спрятаться, он [еж] сворачивается, как мяч';

(107) *Dār jār 'õ slīk makkar, som tōa buskas-skõn o valtār 'õ mē-e, o he blār sānn ān runndār boll, han bollen blār so stūran som äit vānätār* 'Есть также жуки, которые берут навоз и двигаются с ним, и он становится потом как шар, размером с грецкий орех';

(108) *Han pülken kann ja stupp 'inn ot jūde o bind 'fast ān būsks, ān-en änt falldār ütār kvațāna* 'Тот колышек я могу вставить в землю и привязать куст, чтобы он не разваливался';

(109) *Han drakk o drakk, än-en bläi än häildär drikk-bita* 'Он пил и пил, и спился';

(110) *Fār hāv-dom som päll-ätich, än drikköl-lapp, he vār som äit lütet päll de bind 'fast bāka-po* 'Раньше у них были наподобие фартука, слюнявчик, как маленький фартук, который завязывался сзади';

(111) *Bait krī hittest än dūrak, än sprāmd 'upp-on* 'После войны нашелся дурак, который взорвал ее' [мельницу];

(112) *Soßsom-dom hāv gäitär, fī-de-do höld än gäit-bukk* 'Так как у них были козы, надо было держать и козла';

(113) *Än svägär gūbb, han gōr äfnast, män hār änt-än sinne bott-tappa* 'Дряхлый старик, он еле ходит, но еще не выжил из ума';

(114) *Gäv ot me vatn de drikk, he jär än slikär hida, än-e jär ümäilet* 'Дай попить воды, такая жара, что невозможно';

(115) *Än hund gū häila nōte, än-de änt kann sōa före-[j]en* 'Какая-то собака лаяла всю ночь так, что невозможно было спать из-за нее';

(116) *Tēr, som Лиля nō levär, tēr vār üt-grāva som än lildär källar, o soßsom släft vā-do mike, tom räifft allar üte he hoļe* 'Там, где сейчас живет Лиля [Мальмас], там был выкопан как бы небольшой подвал, и так как родня ведь была большая, они все коптили [мясо] в той яме';

(117) *Ja hār räi 'hūp-samļa än ruka klēnar de vask* 'Я уже собрала кучу одежды для стирки';

(118) *Ja väit, hoß de nämm-en... han gäv änt iņa rū ot-dom, kumär 'üt som än skrattuj* 'Я не знаю, как его назвать... он не давал им покоя, выходит, как домовой';

(119) *Mä än skuta skuta-de gatna, än-de kann räps-e* '«Стругачкой» [садовыми ножницами] подрезают траву на улице, чтобы можно было пройтись граблями';

(120) *Ja släit 'sundär rokken, bläi hējjande po än spikk häldär po än kvüst* 'Я порвала платье, зацепилась за гвоздь или за сучок';

(121) *Stūñ änt a vare sundär-brütest, umm-de änt a vare uppsattest po-en, jā-do än gamļan stū!* 'Стул бы не поломался, если бы ты не сел на него, это же старый стул';

(122) *To-de hār-en üte tunna, to fō-de lägge slarv 'pō-en... sänn läggā-de titt vift, än stāin ōapo* 'Если она [соленая капуста] у тебя в бочке, то надо класть сверху тряпку... потом кладешь туда груз, камень сверху';

(123) *Üte än svīn-hū häldär ja 'inn ot svīne de jāta, he, som blīār 'ōtār fron taldrikar* 'В корыто я наливаю свинье есть, то, что остается с тарелок';

(124) ...*O rütnär stubb frön äit mülket trā... äit trā, som var ò-brütest, o stubben bläi... han kann 'ò glïmpas, o to kumä-de titt nārare, sīā-de, än-e jār än boṭṭ-mülkna stubb* 'И гнилой пень от трухлявого дерева... дерево, которое поломалось, и остался пень... он тоже может светиться, и когда ты подойдешь туда поближе, увидишь, что это сгнивший пень';

(125) *Än vaftar, han vafta kāvna po bastan, än änt inen gōr de stjōle kāvna* 'Сторож, он сторожил арбузы на баштане, чтобы никто не ходил воровать';

(126) *Po paṭṭa hāldär gōse jār-e värre de skāra me knīven, tēr hakka-de me ikse 'ò hūe, po än värke-stubb* 'Утку или гуся хуже резать ножом, там надо рубить голову топором, на пеньке';

(127) *Han kunnt a hāve 'ò se stārft, so 'än a fōe bital fōre han äiken, ko mike än-en kvūstar, än uṇṇār äik* 'Он мог бы задушиться, еще пришлось бы за него платить, сколько он стоит, молодой конь';

(128) *Umm-de hitt än äikesīr-būsk, so vär-e äin stūr fräid* 'Если находили конский щавель, была большая радость';

(129) *Hūe byre vrīas, gō-de som äin drukke* 'Голова начинает кружиться, идешь, как пьяная';

(130) *Äin filt jār äin tunn tākke. Umm-e jār kallt, so täkkär ja me me bumml-täkkja* 'Filt – это тонкое одеяло. Если холодно, я укрываюсь ватным одеялом';

(131) *Umm ja a hāve äin fīl, so ja hāve kvāssa* 'Если бы у меня был напильник, я бы наточила [пилу]';

(132) *To-de kūkar upp mōlke, frist mōlk, o to-e blīär kallt, so drā-se äin hinn ive mōlke* 'Когда кипятят молоко, свежее молоко, и когда оно остынет, появляется сверху пенка';

(133) *Äin hitt, tēr, som hund sitär tār-inn, han pättar 'boṭṭ, to-e rāvnar* 'Конура, там где сидит собака, она прячется, когда идет дождь';

(134) *Me köüsa jār-e bātrare de tōa 'inn vatn ütär ämbare, som me stūpe, fōre köüsa hā-do äin hont, a tēr jār bara ēra po stūpe* 'Ковшом лучше набирать воду из ведра, чем кружкой, потому что у ковша же есть рукоять, а там есть только ручка на кружке';

(135) *De boka äin kaku, gār ja mēran däi, hāvestär, fādäs* 'Чтобы испечь пирог, я готовлю сдобное тесто, дрожжевое';

(136) *Tom band titt äin klukk, klämft 'titt-on po hāsn, so hē-de, konn hon klukka knäpplar* 'Они привязывали туда колокольчик, цепляли на шею [коню], чтобы было слышно, где тот колокольчик звякает';

(137) *Nōat fosar unde haḷmen, äin kriss mäiädäil* МП 'Что-то шуршит под соломой, наверно, крыса';

(138) *Hon kann änt söüm 'fast-e, o häits äin käliŋ* 'Она не может зашить ее [подкладку у пиджака], женщина называется';

(139) *Ja vār po koŧtäre näst äina, äin gamöl käliŋ, hon var alåina e hūse* 'Я была на квартире у одной, пожилой женщины, она была одна в доме';

(140) *Hon jār äin bra lopagoj, hon vāit all nī-häitār fron häila bīn* 'Она хорошая болтушка, она знает все новости со всего села';

(141) *Äin rāv jār som-de trampar 'girm üte rigoḡn... trampar ün stīg* 'Rāv [межа] – это то, что протаптывают в огороде... протаптывают тропинку';

(142) *Ja sküffar bara 'fast-e, finstäre. Tēr jār tåföre äin lill rist ipet. A soṣṣ, to jār-e varmare, so jār häila nōte ipet finstäre* 'Я его только прикрываю, окно. Там все равно небольшая щель. А так, когда теплее, всю ночь открыто окно';

(143) *Fētäre jära näst-dom frammföre som äin sōg* 'У них [медведок] спереди ноги, как пила';

(144) *He līsār äin ströl fron dänna, hon jā-ḡo änt po klink* 'Изпод двери идет полоска света, она же не на защелке';

(145) *Tēr, som Melitta blāi fēd o lēvd, tēr lite lēgäre 'nēr, tēr vār äin vādār-kvēn. O äin kvēn vār üte Milaos* 'Там, где Мелитта родилась и жила, там немного ниже, там была ветряная мельница. И в Михайловке была мельница';

(146) *Ja kumār e hōn-e, än mamases brūāns käliŋe band äit bräitt bōnd titt ot me umm hūe* 'Я помню, как жена маминого брата повязала мне широкую ленту вокруг головы';

(147) *Ja kumār bara e hōn-e, än ja var näst-dom tār-hāim, o han lō po būde, äit runnt būḡ* 'Помню только, что была у них дома, и он [покойник] лежал на столе, круглый стол';

(148) *Hon jār äit fjoll* 'Она дура';

(149) *Tēr grannt bräi-vār väksār äit umft nātār-trā* Там совсем рядом растет молодой орех;

(150) *Ja dampa-en, än-e jār äit brā sjūn* 'Я его хвалила, что он хороший человек';

(151) *Äit sāt, äit lōft sāt: tēr brük' (< brüka) ja sätjas 'nēr de skoḷa katüflar hāldār de napp 'girm katüfla* 'Скамеечка, низенькая скамеечка: я имела обыкновение садиться на нее чистить картошку или перебирать картошку';

(152) *Äit ärr, äit sōr: o to-e byrjas bātras, so drāār-e rōo 'ive se* 'Шрам, рана: и когда она начнет заживать, появляется корка';

(153) *Han jār som äin markatt, gār dummhäitār* 'Он, как обезьяна, делает глупости';

(154) *Hon gnaddrar som äin mär* 'Она хохочет, как кобыла';

(155) *Ko flīna-ḡe-de som äin jūden?* 'Чего ты морщишься, как еврейка?'.
С вводящей конструкцией:

(156) *Himmen jär klāran, där jär änt iḡa än möle-ḡlomp pō-n* 'Небо ясное, нет ни облака';

(157) *Ūte post-hūse jā-där äin jēn dänn* 'На почте железная дверь';

(158) *Där var rāi än stūran hita o blār 'ān, māiāḡāil* 'Уже была сильная жара и еще будет, наверно';

(159) *Tēr fäst me äiken trampa 'girm-e, o sänn soḡe me fētäre trampa-e jāmmt, o slū sänn jāmmt-e... äit brāa-stikke, fjūr-kantat, vā-där* 'Там вначале с лошадьё утапывали его [навоз для отопления], и потом сами утапывали его, затем били, чтобы было ровным... была доска, четырехугольная';

(160) *Fron Šlajedošš ānda de svāḡe rāken-dom trī kilōmātra, sänn fron svāḡe ānda hitūpp – tēr mādō 'ān vara-där än kilōmātär* 'От Шлангендорфа до балки считается три километра, потом от балки сюда наверх – там, наверно, еще один километр';

(161) *Um-där a vare än äik, so ja a rēe pō-en* МП 'Если бы была лошадь, я бы поехала на ней';

(162) *Före he, än där änt vār iḡa kvēn de moḡa, so fī-de kēr he sē ot stāen de moḡa* 'Из-за того, что не было мельницы, пришлось возить молоть зерно в город';

(163) *Där komm 'ūt än kvūsu, ja hār me māiāḡāil fārḡīla* 'Вскочил прыщ, я, наверно, простудилась';

(164) *Där krokar äin rott umm goḡve, nō fōr ja sāte fälle de tōa 'fast-on* 'По полу бегают («лазят») мышь, надо поставить мышеловку, чтобы поймать ее';

(165) *Herūt stō-där näst oss vār trappa äin jēn tunn* 'У нас тут у крыльца стоит железная бочка';

(166) *Ja kumār e hōne, tēr vākst där än stūrkešt-büsk* 'Я помню, там рос терновый (?) куст'.

§ 47. Неопределенная форма неисчисляемого существительного:

(167) *Täkkjana söüm-dom mā būmül, o štrōzak gāra-dom 'ō mā būmül. Fār vā-ḡo tāta änt, söüma 'fāḡes fron klē o stuppa füllt mā haḡm* 'Одеяла шьют из ваты и матрасы тоже делают из ваты. Раньше же этого не было, шили из ткани и набивали соломой';

(168) *To ja var lill, ja kumār e hōn-e, än gamma maḡḡla mēran dūi ütär kvaḡāna po būḡe, o ja hōlt 'ō-e de jāta han rō dāien* 'Когда я была

маленькая, я помню, как бабушка раскатывала сдобное тесто на столе, и я любила есть сырое тесто’;

(169) *De boka äin kaku, gār ja mēran dāi, hāvdestār, fāḍās* ‘Чтобы испечь пирог, я готовлю сдобное тесто, дрожжевое’;

(170) *He jār starft gift* ‘Это сильный яд’;

(171) *Krälle vār fron glās* ‘Бусы были из стекла’;

(172) *Ja band fāḍes äin bunt mā grās, de bāra hāim ot gāite tjōl vintān* ‘Я связала связку сена принести домой козе на зиму’;

(173) *He jār bra ot sjūne de jāta kārps* ‘Есть тыкву полезно’;

(174) *He brinnḍā-ḡōat, he lūftas ätt rāik* ‘Что-то горит, пахнет дымом’;

(175) *He byre drippōl, kannske gāvār-e rāven* ‘Начинает капать, наверно, будет дождь’ (ср. ОФ: *Rāvne byrjar rāi dripōl* ‘Дождь уже начинает капать’);

(176) *Ūta skamm jāra-dom, umm-dom krāve pāḡḡar frōn-en* ‘Без стыда они, если требуют деньги с него’;

(177) *Klēna jāra allar vōtar, biksana o hanklē, hēr fōr ja ān spānn ūt āiken, a hāndāre jāra stīvar. Tāta jār skū-arbet* ‘Одежда вся мокрая, штаны и рукавицы, тут еще надо распрягать коня, а руки застыли. Это лесная работа’;

(178) *Fār gī folke defūtts ot stāen. Kēna smēr o sjōḍ smēr, po bāzare* ‘Раньше люди ходили пешком в город. Били масло и продавали масло, на базаре’;

(179) *Fār satt ve soļe tūbak, vākst soļe ūt tūbaken* ‘Раньше мы сами сажали табак, сами выращивали табак’;

(180) *Ūte hon dūsa hāv-dom tūbak ter-īnn* ‘В табакерке хранили табак’;

(181) *Mā he brānn-nāssle, to-e jār ān umft, so kūk-dom-do ō vāliḡ. He hāits grēndār vāliḡ* ‘Из крапивы, когда она еще молодая, также варили и суп. Это называется зеленый суп’.

С вводящей конструкцией:

(182) *Poikuḡa brūk tōa tom konnana o boka-dom ūte āildn, tēr jār faṭṭ kvitt kāt ūte-dom* ‘Пацаны имели обыкновение брать тех лягушек и жарить в костре, у них красивое белое мясо’;

(183) *Dār jār mike arbet de gāra, ja vāit ānt, um ja blār fāḍes ūte āin dīgen me-e* ‘Много работы, не знаю, управлюсь ли за сутки с ней’;

(184) *Neppār kann frūs fast ūte āin nōt, to dār jār stūran frost* ‘Днепр может замерзнуть за одну ночь, когда сильный мороз’;

(185) *Um dāen kann-e vara varmt, a um nōte kann-dār vara frost* ‘Днем может быть тепло, а на ночь морозит’;

(186) *He rävna, o frost vā-dār, so blāi-e īs-laggat* 'Шел дождь, и был мороз, поэтому все обледелено' (ср.: *He rävna o var frost, o jār vägen fülldār mā īs* 'Шел дождь, и был мороз, и дорога обледелена');

(187) *Trāske änt a fröse 'fast, um dār änt a vare ija frost* МП ЛУ 'Река бы не замерзла. если бы не было мороза';

(188) *Um-dār a vare släft, so tom a hölft* 'Если бы была родня, они бы помогли';

(189) *Hon jār füll mā vatn, umm-e byre brinn, än-dār jār vatn de slække* 'Она [бочка] наполнена водой, если начнет гореть, чтобы была вода потушить';

(190) *Dār vār ija vatn änt, so smält ja snjū* 'Не было воды, поэтому я растопила снег';

(191) *Lukken kann kannske bīt. Po land-stikke, tār, kann dār jār græss, tār kann dār skēas slüft* 'Паук, наверно, может укусить. В поле, там, где трава, такое может случиться';

(192) *To bīln kēr färbi, so jā-dār dōmb bait-n* 'Когда машина едет мимо, за ней пыль';

(193) *Näst patṭana jā-dār dūn, o näst gässe 'ō* 'У уток есть пух и у гусей тоже';

(194) *To-de kūkar, so svaļma-de hōle... dār jār mike svaļm* 'Когда готовишь, идет сильный пар... много пара';

(195) *Umm dār änt jār ija ägg ter-inn üte däien, to han välijen sānn stōr, so kann-e blāitas ütār kvaṭāna* 'Если нет яйца в тесте, когда суп потом стоит, оно может раскиснуть' [о лапше];

(196) *Um unstan jā-dār bāzar* 'По средам бывает ярмарка';

(197) *To vīne byre gārjas, so jā-dār 'ō frās ōapo* 'Когда вино начинает бродить, на нем тоже сверху пена';

(198) *To dār jār sugār tār-inn, so blī-dom sēt-lētatar* 'Когда там сахар, они [блины] становятся сладковатыми';

(199) *Üte välijen jā-dār minnsla salt* 'Суп недосолен';

(200) *To dār jār mike snjū hāldār bār, so mākjas grāina o kuna brūtas 'ō* 'Когда много снега или ягод, ветки гнутся и могут полопаться';

(201) *To-de kūkar 'upp mōlke, frist mōlk, o to-e blīār kallt, so drā-še äin hinn ive mōlke* 'Когда кипятят молоко, свежее молоко, и когда оно остынет, появляется сверху пенка';

(202) *He jār so hāitt, än-de änt kann ōndas, so blīār ja stōande o kvīlas än pār minūtta, tēr, kann dār jār skogg* 'Так жарко, что невозможно дышать, поэтому я останавливаюсь, отдыхаю пару минут там, где есть тень';

(203) *Dār kann blī frost, o kuna-dom frūs 'boṭṭ* 'Может быть мороз, и они [почки на деревьях] могут замерзнуть';

(204) *To ja täkkär 'fast panna, so bl̥tū-dār svaɫm po loke* 'Когда я закрываю сковородку, образуется пар на крышке';

(205) *Ja läivd finstäre ipet, he bl̥est hōle, o komm-dār mike dōmb 'inn-flūande girm finstäre ot stjūe* 'Я оставила окно открытым, сильно дуло, и попало много пыли в дом';

(206) *He 'ān a vare bra, um-de a kl̥istra-en, tē-de a sīd, ān-dār kumār rāik 'ūt* 'Еще было бы хорошо, если бы ты его [дымоход] побелил, там ты бы увидел, что выходит дым';

(207) *Ēra vārft soṣṣ, ān-e būna, ān dār komm bl̥ 'ūt* 'Ухо так болело, нарывало, что шла кровь'.

§ 48. Неопределенная форма существительного во множественном числе:

(208) *Svaɫur gjūd ot se äit bū 'upp ive finstäre. Tom gära ot se būena soṣṣ, ān vatne änt kumār titt 'pō-e* 'Ласточки сделали себе гнездо наверху над окном. Они делают гнезда так, чтобы вода не попала на них';

(209) *Allar brūka arbet po lande fēr; tom hāv katūflar o rūbetar, kōɫ* 'Раньше все работали в поле, была картошка и свекла, капуста';

(210) *Ja räpsa dehūp torr bl̥ānar, som foll 'tjānd fron trāna* 'Я сгребла в кучу сухие листья, которые опали с деревьев';

С вводящей конструкцией:

(211) *Dār jār giltar, som änt rēār grīsuṇa o tēr jār 'ō giltar, som kuna slīt 'sundā-dom o jāta 'upp-dom* 'Есть свиньи, которые не трогают поросят, и есть такие, которые могут разорвать их и съесть' (здесь употреблены и *dār*, и *tēr*).

(212) *Dār jār slīk ställār, som jock... Tēr jār som jūttrāna, tom vāks tēr änt...* 'Есть такие места, как болото... Есть елки, они там не растут...';

(213) *Tār jār allhundaslāss fāraldār. Dār jār tom kvīt lill, tom skīt po kōṇ äggār; o fron tom äggena sānn bl̥t-dār stūr makkar...* 'Есть разные бабочки. Есть маленькие белые, они откладывают яйца на капусту, и из тех яиц потом появляются большие червяки';

(214) *Fāraldār, tom jā-dār moṇṇaslass, dār jār brūn-lētatar o brukatar* 'Бабочки, они есть разные, есть коричневые и разноцветные';

(215) *To-dom gō de mātje fisk, so skōa-de, konn dār jār kvīt pl̥ättar üte īsn, tēr jār būskaṛ, ter jār 'ō fisk* 'Когда идут ловить рыбу, смотрят, где белые пятна на льду, там кусты [водоросли], там и есть рыба';

(216) *Hēr jā-dār trā-dännar alla-ställ* 'Тут везде деревянные двери';

(217) *Me kumär-e 'fyre, än ter-úpp üte Komi hāv küdna änt ija hūnar. Gäitnar jä-där 'ō üta-hūnatar o mā hūnar* 'Мне кажется, что там в Коми у коров не было рогов. Козы тоже бывают с рогами и без рогов';

(218) *Hon grīna gī färlōra, tēr jǎ-där makkar üte-on* 'Та крупа пропала, в ней завелись червяки';

(219) *Üte he frāse jǎ-där blū-grīnar* 'В той пене есть сгустки крови';

(220) *He hūsas nōat, kannske jǎ-där rottar tār-inn* 'Там что-то шуршит, там, наверно, мыши';

(221) *Där vār mike āvnar üte sē, so fō-ḡe tǵūl 'girm-dom* 'Было много половы в зерне, поэтому надо провеять его';

(222) *He vatne flosa soṣṣ, än där vār bublar po vatne* 'Вода бурлила так, что на воде были пузыри';

(223) *Fār vā-där alastáll stāin-mūrar, lāṅs me häila bīn* 'Раньше были везде каменные заборы, по всему селу';

(224) *Grinde summlar hāv, summlar hāv-e änt, före he, än-de tarva brāar, a konn de tōa dom, vā-där änt* 'Ворота у кого-то были, у кого-то нет, потому что нужны были доски, а где их взять, их не было';

(225) *Um-de änt smittar-en, so kann-där vara sprinjar 'pō-en* 'Если ее [трубу на крыше] не штукатурировать, то в ней могут быть трещины';

(226) *Üte svin-stīa kann-där vara po goḷve ristar* 'В свиномнике могут быть щели в полу';

(227) *Ja änt ha brīa me 'um, um där ha vare päjar* АЛ 'Я бы не беспокоилась, если бы были деньги'.

(228) *Üte täss impa ablkōs, tēr blīā-där makkar üte-dom* 'В привитых абрикосах, там бывают червяки в них';

(229) *Üte grīna blāi-där makkar* 'В крупе завелись червяки';

(230) *Tom, som ligge soṣṣ lōṇaṭiār, so blīā-där makkar üte-dom* 'Та [фасоль], которая долго лежит так, там заводятся червяки';

(231) *Blāi-där ān 'ōtār näst oss katūflar?* 'У нас еще осталась картошка?';

(232) *Tēr foll-där mindäre snarjadar* 'Там падало меньше снарядов';

(233) *Ja hāv brē üte pusan, o tū 'ūt-e, so foll-där grīnar 'tjānd fron brē po goḷve* 'У меня был хлеб в торбе, достала его, и на пол упали крошки';

(234) *Näst me komm-där ūt som blāimar sōrār o vila änt bātras 'ō* 'У меня появились какие-то волдыри, как ранки, и никак не проходят';

(235) *Ve hāv brē liggjande po grit-ūen, o han ättašt riņņen, han runn, han vār änt 'fast grannt, o tēr komm-dār rottar 'ūt o gnavļa brē* 'У нас лежал на плите хлеб, и последний кругляк, круглый, он не совсем плотно прилегал, и оттуда вылезали мыши и грызли хлеб'.

§ 49. Определенная форма в анафорической функции:

(236) *Ve vār po bázare, tēr var mike folk, o han tappast 'boņt milla folke* 'Мы были на базаре, там было много народу, и он [ребенок] потерялся среди народа';

(237) *To ja var lill, ja kumār e hōn-e, än gamma maņņla mēran dāi ütār kvaņāna po būde, o ja hōlt 'ō-e de jāta han rō dāien* 'Когда я была маленькая, я помню, как бабушка раскатывала сдобное тесто на столе, и я любила есть сырое тесто'.

§ 50. Определенная форма в дейктической функции:

(238) *Rāvne byrjar rāi dripōļ* 'Дождь уже начинает капать';

(239) *Hāle knāpplār po tāke* 'Град стучит по крыше';

(240) *Pālteken jār bākum stjūe* 'Туалет за домом';

(241) *Ja vill gō ot būe* 'Я хочу сходить в магазин';

(242) *Kāte jār fūšket* 'Мясо воняет';

(243) *Tom jāra de last hāie po priņcen* 'Они грузят сено на прицеп';

(244) *He a gehēdest vāksl fron sāņe, tālde, dñn-vaņena* 'Надо бы поменять постель [«с постели»], простыню, наволочки';

(245) *Ja fōr sāte äit nitt skaft titt po skiffļa* 'Мне надо приделать новый черенок к лопате';

(246) *Tēr, som rigōdñ rāi tā-še de ēnd, gō-đe 'nēr ot svāde. O tēr po äit stāll slāppā-đe 'nē-đe ot Neppāņ* 'Там, где уже кончается огород, спускаешься к балке. И там в одном месте спустишься вниз к Днепру';

(247) *He jār dāmmt her-inn e komaņ. Ja fōr tōa finstāre ipet, üte fošta lūftas-e hōle* 'Тут душно в комнате. Надо открыть окно, в прихожей воняет';

(248) *Hon skokar ter-ūt nōat, a dōmbe dräss 'innot girm finstāre* 'Она что-то трусит, а пыль тянется внутрь через окно';

(249) *Dūken vār so solkatār o lūftast ätt svāit, än vatne blāi svaņt* 'Платок был такой грязный и вонял потом, что вода стала черная';

(250) *Fār gī folke defūtts ot stāen. Kēna smēr o sjōd smēr, po bázare* 'Раньше люди ходили пешком в город [в Новую Каховку или Берислав]. Били масло и продавали масло, на базаре';

(251) *Han poike bläi dēār frōm tom gūana. Han vār üte **sjūk-hūse**, män tom kunt änt mäiär hölp-en* ‘Тот мальчик умер от тех грибов. Он был в больнице, но они уже не смогли помочь ему’;

(252) *Soļe liggār-en e **sūļe**, a **hūe** jār e **skoggan**, frōm tom brāana jār-e skogg inonde **harba*** ‘Сам лежишь на солнце, а голова в тени, от досок тень под телегой’;

(253) ***Kēn-hatta** jāra tät ōre lillar, före he, än-e änt rāvna* ‘Подсолнухи в этом году маленькие, потому что не было дождей’.

(254) *Vār **būe** jā-dār äit tummt stikke, o tēr blī **bīla** stōande, o **folke** som handl* ‘У магазина есть пустое место, там останавливаются машины и люди, которые торгуют’;

(255) *Ve **plukka** rāi ‘ūt allt gräss mä **rētäre**. **Riggōḍṇ** jār rāindār* ‘Мы уже повырывали всю траву с корнем. Огород уже чистый’;

(256) *Ja satt ‘upp de kūk **gräitn**, o han brānd ‘fast, äildn vār so starkār, än-en hār svēendār smāk, so blīār-e ot **svīne** hāldār **hund*** ‘Я поставила варить кашу, и она пригорела, огонь был такой сильный, что у нее горелый вкус, поэтому она пойдет свинье или собаке’;

(257) ***Suman** jār rāi **snatt** de ēnd, byrjas hēste* ‘Лето уже почти кончилось, начинается осень’.

§ 51. Определенная форма при обозначении совокупности, класса:

(258) ***Gäite** o **före** brāke, **kūda** rōūtar, **hund** gāiār, **kalkūna** o **gāsse** skrī, **svīna** skrī ‘ō, **paṭṭana** krāk, **katta** mjaugar, **kikḷiṇa** pīps, **hōnan** goļar, **hēna** kakļar, **konnana** njōrk* ‘Коза и овца блеют, корова мычит, собака лает, индюки и гуси «кричат», свиньи также «кричат», утки крякают, кошка мяукает, цыплята пищат, петух кукарекает, курица кудахчет, лягушки квакают’;

(259) ***Kūdna**, **āikja**, **gāitna**, **före**, tom **hōa** rumpar, o **fūļa** **hōa** stjātṭar, o **fiska** **hōa** ‘ō stjātṭṇ* ‘Коровы, кони, козы, овцы, у них “rum-par” [хвосты], у птиц “stjātṭar”, у рыб тоже “stjātṭṇ”’;

(260) *Dār jār tfo-slass lissār: **klē-lūse** o **hū-lūse**... ja vāit, **hōšš-dom** sī ‘ūt. **Hū-lisse** jāra svaṭṭare, grō-lētat, **klē-lūse** jār kvītare. **Ān-dom** änt skā vara, **lisse**, so kūka-de ‘ūt **klēna*** ‘Есть два типа вшей: платяная и головная... я знаю, как они выглядят. Головные вши чернее, сероватые, платяная вошь белее. Чтобы их не было, вшей, вываривали белье’;

(261) ***Fļōuna** būrr, a **harkranken** sjūār* ‘Мухи жужжат, а комар гудит’;

(262) *Gädiŋa, tom jäta hołär 'ūt üte dülljana* 'Осы, они выедают дырки в грушах';

(263) *Svałona, tom gära bū mā jūd, som-dom smitt dehúp-e. Tom hänt-e üte näbben o lägge bara titt 'tjōļ ot se. Tākļiŋa, dom gära māst unde tāke, konn-dom hitt ot se äit hōļ* 'Ласточки, они делают гнездо из земли, которой они его замазывают. Они приносят ее в клюве и просто кладут себе туда. Воробьи, они делают в основном под крышей, где они находят себе дырку';

(264) *Mā tom kļāna stilldā-de paŋtana o gāsse, ot svīne, ot allar kann-de gāva tom kļāna. Ja rīvar 'sundār gūrkar hāldār kārpsar, sānn blōndar ja 'hūp-e mā tom kļāna o gāvār-e ot paŋtuŋa o ot tom stūr gāsse* 'ō 'Отрубями кормят уток и гусей, свинье, всем можно давать те отруби. Я натираю огурцы или тыквы, потом смешиваю с отрубями и даю это утятам и большим гусям тоже';

(265) *Paŋtana jära bātrare de hōld de slaft, före än-dom väks fiksare 'ūt. A gāsse fō-de hōld de äit ōr, fron vōre ānda de vintān, de sāin hēste. Üte ställe gässār kann-de tfō goŋŋar slaft paŋtar. Üte gōse jār māiäre kātt üte briste, a paŋt hā-do līte* 'Уток держать на убой лучше, потому что они растут быстрее. А гусей надо держать до одного года, с весны до самой зимы, до поздней осени. Вместо гусей можно два раза нарезать уток. На гусе больше мяса на груди, а утки мало';

(266) *Gāite jār gāite. Fron kūda hā-de māiäre nitta, som fron gāite* 'Коза есть коза. От коровы больше пользы, чем от козы';

(267) *To-de slaftar svīne, o po han mālтан skōa-dom, kolikār vintān blīār* 'Когда режут свинью, по селезенке смотрят, какая будет зима';

(268) *To-on fōr strūssuŋa, strūssa, so plukkar-on 'ūt dūne fron se o tākkār 'fast-dom, än-dom ānt ska hōa kallt* 'Когда она поросится, крольчиха, она обдирает с себя пух и укрывает их, чтобы им не было холодно';

(269) *Hunda tjūt som varga, än-e jār grimmt de līas* 'Собаки воют, как волки, так что страшно слушать';

(270) *Ān vaftar, han vafta kāvna po bastan, än ānt iŋen gōr de stjōle kāvna* 'Сторож, он сторожил арбузы на баштане, чтобы никто не ходил воровать';

(271) *Pāŋa, tom jära ānt īvärmušš, tom tarvas māsēāitt tjōļ nōat* 'Деньги не бывают лишними, они всегда нужны для чего-то';

(272) *Üte hon dūsa hāv-dom tūbak ter-īnn. Fār rōūk-dom-do mā pīrana* 'В табакерке хранили табак. Раньше ведь курили трубки';

(273) *Sūrestn jār dīran, mōļke jār dīt* 'Творог дорогой, молоко дорогое'.

§ 52. Определенная форма в категоризирующем значении:

(274) *Me köüsa jär-e bättrare de tōa 'inn vatn ütär ämbare som me stüpe, före köüsa hā-do äin hont, a tēr jär bara ēra po stüpe* 'Ковшом лучше набирать воду из ведра, чем кружкой, потому что у ковша же есть рукоять, а там есть только ручка на кружке' (относительно äin hont vs. ēra см. § 58);

(275) *Mā grülaka krapša-de aska ütär kvaṭāna, o sātā-de tri-fūtn, o po han tri-fūtn boka-pannana mā brē, sātär 'fast lükka o bokar* 'Кочергой разгребают золу в стороны, ставят подставку, и на подставку сковороды с хлебом, закрывают дверцу и пекут';

(276) *Üte grīma jā-dār riṇṇar, o tēr jär äit jēn, som-dom läggär 'inn ot äiken e munn* 'На уздечке есть кольца, и там есть железка, которую укладывают коню в рот, и прикрепляют вожжи в те кольца';

(277) *Ja drū vatn 'upp fron brunn o drāmft 'ō ämbare, tāta vār moṇa goṇṇ. Tā-de rāiṇpe o ankan, bindär 'fast han ankan, o so sēkär he ämbare üte brunn* 'Я вытягивала воду из колодца и утопила ведро, это было много раз. Берешь веревку и «кошку», привязываешь ту «кошку» и ищешь ведро в колодце';

(278) *Po paṭṭa häldär gōse jär-e värre de skära me knīven, tēr hakka-de me ikse 'ō hūe, po än värke-stubb. A po hēna kann-de skära 'girm strūpan me knīven* 'Утку или гуся хуже резать ножом, там надо рубить голову топором, на пеньке. А курице можно резать глотку насквозь ножом'; *He jär bässt, upp-kūkat gräss, зверобой, mæn brämmene jär 'än bāskare, o he drikk-dom* 'Она горькая, заваренная трава, зверобой, но водка еще горче, а ее пьют';

(279) *Där vā-do brämmen... ja väit, näst gamma stū mäsēāitt brämmens-glāse üte skōpe* 'Тогда была водка... я знаю, у бабушки всегда стоял стакан в шкафу';

(280) *He jär bättrare de mait fisk fron luska* 'Лучше ловить рыбу с лодки';

(281) *He gräse, som väksär üte Nepär... före he gräse he gōr änt de väift mā tom ōrana, än-de änt kann kēr mā luska* 'Та трава, что растет в Днепре... из-за той травы не получается грести веслами, так что невозможно плыть на лодке';

(282) *Tjöl! šfīle tarva-de blakk, a tjöl! blippen tarva-de de spits-n, a de spits-n tarva-de knīven, soṣṣ vār han grīfel ale bäst* 'Для пера нужны были чернила, а карандаш надо было точить, а чтобы точить его, нужен был нож, поэтому тот грифель был лучше всего';

(283) *Tom fō kast 'upp häie me tjūa po priiṇen* 'Им надо кидать сено вилами на прицеп';

(284) *Mäiäḍāil mado nōn kasta 'ūt stikka, soṣän grässe byrja brinn. Fron se soḷe kann-e-do änt byre brinn* 'Наверно, кто-то бросил

спичку так, что трава начала гореть. Сама собой она же не может начать гореть’;

(285) *To-de kūkar 'upp mölke, frist mölk, o to-e bl̥ār kallt, so drā-še äin hinn ive mölke* ‘Когда кипятят молоко, свежее молоко, и когда оно остынет, появляется сверху пенка’;

(286) *Fār vā-dār ūre de klänke 'upp po vögge. O he hāv äin kē mā lūe* ‘Раньше были часы, которые вешали на стену. И у них была цепь с гирей’;

(287) *He, som jār bänken, he jār me brāar bakapo gjūd, än-de kann släpp riggen titt 'mūt. O he, som jār üta he, he kallas lāsa* ‘То, что “bänken”, оно с досками сзади, чтобы можно было прислонить туда спину. А то, что без этого, называется “lāsa” [два обозначения скамейки];

(288) *Fār gjūd folke soļe-e allt, defäll pottar fron lüiäre, he mado vara spiko-lüiäre* ‘Раньше люди сами все делали, например горшки из глины, это, наверно, была липкая глина’;

(289) *Dār vār än pojke ... skroll-skūana hāv-en po fētäre* ‘Там был один мальчик, у него на ногах были коньки’;

(290) *To-on hāv kräveta, höşş kuna-dom büt 'üt-on?* ‘Когда у нее был рак, как ее было вылечить?’;

(291) *He jār rāi svāļare bl̥ōe, he jār rāi hēste* ‘Стало уже прохладнее, уже осень’;

(292) *Sumaņ jār rāi snaţ de ēnd, byrjas hēste* ‘Лето уже почти кончилось, начинается осень’.

§ 53. Неопределенная форма исчисляемого существительного в единственном числе с нулевым артиклем:

(293) *Hēr jā-dār näst oss 'ō tfoa, äin kāling o än mann, som-dom fō mota. Po han mann tū-e 'ō-en vinstä-şīa, han gōr sāfta. Skāda de skōa pō-en, stūiran mann* ‘Тут у нас тоже есть двое, женщина и мужчина, которых надо кормить. У того мужчины парализовало левую сторону, он ходит медленно. Жаль смотреть на него, большой дядька’;

(294) *Ja gi e svānska skūla fjūr ōr. Tēr var svānska lāraşk* МП ‘Я ходила в шведскую школу четыре года. Там была шведская учительница’;

(295) *Tēr fō-de sāte titt āmbar hāldār fāt uppot lūfte, tēr konn-e drūpār* ‘Там надо подложить ведро или таз на чердак, там, где капает’;

(296) *To ja slū 'upp äin būļ, so klāmd gamma mā knīven koşş ive, o he klāmms debāks, kann bara bl̥i bl̥ōār flūkk 'ōtār* ‘Когда я набивала шишку, бабушка давила ее накрест ножом, и оно вдавливается, может только оставаться синяк’;

(297) *Tiske, tom gāv-do änt iŋa jätä ot oss, a he som-de hāv fron häima... ko hāv-de tēr fron häima? Fläsk-bita...* ‘Немцы, они нам не давали еду, а то, что было из дома... что было из дома? Кусок сала...’;

(298) *Ja jāga 'inn tri-pigg üte fiŋäre, o so būna-e* ‘Я загнала колючку в палец, и оно нарывало’;

(299) *Ve trampa stīg lāŋs mā brantan* ‘Мы протоптали тропинку вдоль обрыва’;

(300) *Ve hāv grifflar de skrīv 'me. Griffel vār üte ställe blipp o stīl* ‘У нас были грифели, чтобы писать ими. Грифель был вместо карандаша и пера’;

(301) *Tom jära ān gūare, som sjūran gürk* ‘Они [вареные буряки с уксусом] еще вкуснее, чем соленый огурец’;

(302) *Näst tiske jär mūte mäst mā būlstrar de sōa pō-dom, tække 'fast-de mā būlstär* ‘У немцев есть мода больше всего спать на перинах, укрываться периной’;

(303) *Katta jär boŋt-blōe, kannskē nōn tarva katt o tū-on ot se* ‘Кошка пропала, наверно, кому-то нужна была кошка, и ее взяли к себе’;

(304) *To-de hār būldar, üte han būldn jär kūtŋ tärinn. O so lōŋaŋār som han kūtŋn jär tärinn e būldn, rütnar-e se* ‘Когда бывают нарывы, в том нарыве есть стержень внутри. И пока тот стержень внутри нарыва, оно воспалено’;

(305) *Ot bōna jär ale bäst sōnd-ruka, tom ligge tēr, valtras üte sōnd, grāv opō* ‘Для детей лучше всего куча песка, они там лежат, катаются в песке, роются’;

(306) *Tēr vār holm, som hālstrana väkst* ‘Там был остров, где росли вербы’.

Примеры из воспоминаний о 1920–1950-х гг.

§ 54. Из воспоминаний М.Ф. Прасоловой

Индексы, указывающие на закономерность употребления артикля:

1a – НФ с неопределенным артиклем при обозначении предмета/лица, не идентифицированного с точки зрения адресата высказывания (см. § 25);

1b – НФ с неопределенным артиклем при обозначении предмета/лица, которое категоризируется, но не требуют идентификации (§ 26);

1c – НФ неисчисляемого существительного, употребление которой обусловлено закономерностями, указанными в п. 1a и 1b;

1d – НФ существительного во множественном числе, употребление которой обусловлено теми же закономерностями;

1e – НФ, диктуемая словами, связанными с существительным (§ 27);

2a – ОФ в анафорической функции (§ 29);

2b – ОФ в дейктической функции (§ 30–32);

2c – ОФ при обозначении условной совокупности или класса лиц/предметов (§ 33);

2d – ОФ в категоризирующем значении и при обозначении явления как такового (§ 34–35);

2e – ОФ, диктуемая словами, связанными с существительным (§ 36–39);

3 – НФ исчисляемого существительного в единственном числе с нулевым артиклем (§ 40).

(307) *Hon arbeta näst **än** svänska **bünd**_{1a}, **famillja**_{2b} Hōas. Han hāv **än** sonn_{1a}, som färfēd hon* ‘Она работала у шведского хозяина, фамилия Хоас. У него был сын, который соблазнил ее’;

(308) *Min papa, han fī vall **svīna**_{2e}, to-en vār sjū **ōr**_{1e}. Han gī änt ot ija **skūl**_{1e}* ‘Мой папа, он должен был пасти свиней, когда ему было семь лет. Он не ходил в школу’;

(309) *Üte tjū-fjād öre bēvd min papa **äin** stjū_{1a} ot se. Hon vār änt stūr, vār **än** komar_{1e}, o **kēka**_{2b}, o **fošta**_{2b}, he vār allt, som ve hāv, o **äin** sumar-kēk_{1b}. Üte koman_{2b} vā-terinn fjūr sājjar_{1e}. O **äit** stall_{1b} hāv ve 'ō. Ve hāv **kūda**₃ o fjūr **fōr**_{1e}, o **hinsär**_{1d}, o **gässär**_{1d} hāv ve* ‘В двадцать четвертом году мой папа построил себе дом. Он не был большим, была одна комната, кухня и прихожая, это все, что было, и летняя кухня. В комнате было четыре кровати. И конюшня у нас тоже была. У нас была корова и четыре овцы, и птица, и гуси’;

(310) *Tom gī soļe nēr ot **trūske**_{2b} de roka häila **dāen**_{2d}. Um **kvēlden**_{2d}, so komm-dom häim. Tom komm soļe, **gōs-hann**_{2b} kom framfere, tom komm äina bait ära, äin häil **rōa**_{1b}. Han komm 'upp vār **grinde**_{2b}* ‘Они [гуси] сами шли к реке и плавали целый день. Вечером они шли домой. Они приходили сами, гусак шел впереди, они шли один за другим, гуськом. Он подходил к калитке’;

(311) *Ja kumār e **hōn**_{2d}-e, än-dom lasta 'ūt oss e Ленинград. So vānta ve, tät-dom komm o tū oss po **mašinana**_{2e} o bār 'ō mā oss. So kēd-dom oss ot Jūmköpniņ, tēr lēvd ve, **mūār**_{1e} mōlka **kūdna**_{2e}, **fār**_{1e} arbeta e **stalle**_{2d}. Tēr slū **kūda**_{2d/3} min mama, o hon flōū titt vār **vägge**_{2b}. Soşş vār ve alāina, tät mama komm fron **sjūk-hūse**_{2b}* ‘Я помню, как они нас выгрузили в Ленинграде. Мы ждали, пока приедут и посадят нас в

машины и повезут. Нас повезли в Йончёпинг, там мы жили, мать доила коров, отец работал в конюшне. Там корова ударила мою маму, и она отлетела к стене. Так что мы были одни, пока мама не пришла из больницы’;

(312) *Sänn kēd-dom oss ot än āndār stā_{1a}, he vār Stokholm, hū-stāen_{2b}. Tēr gāv-dom ot oss än būnd_{1a}, gāv-en ott oss än stjū_{1b}. Papa arbeta e stalle_{2d} vār äikja_{2b} o vār kūdna_{2b}* ‘Потом нас повезли в другой город, это был Стокгольм, столица. Там нам дали хозяина, он нам дал дом. Папа работал в конюшне при лошадях и коровах’ (в этом случае *äikja*, *kūdna* скорее всего является дейктической ОФ, так как речь идет о животных в определенной конюшне, а не об условной совокупности);

(313) *Ūte Stokholm hāv ve äin stjū_{1a} alāina nāst būnden_{2b}, tēr vār än sūg_{1a}, trappar_{1d} de gō inn ot stjū_{2b}. Ūte han gōden_{2e} vār äitt stuŭt stall_{1a}, han būnden_{2e} hāv stūr äikjar_{1d}, o kūdnar_{1d} hāv-en. O tēr vār äitt stuŭt trū_{1a} mā dūlljar_{1d}, dūlle-trā_{2e/3}. Ve bruka lägge ‘upp vōr hattar_{1e} po trā_{2b} o läik mā bollen_{2d}. Mama mōlka kūdna_{2e}, papa bruka kēr ot lande_{2b}. O mā grannas_{2b} pīka_{2e} bruka ve gō lāņs mā vēgen_{2d} o pļukk blummar_{1d}. Ve tū äina āra ūte hōnde_{2b} o gī o pļukka blummar_{1d} vār vēgen_{2b}, o läift mā bollen_{2d}. Hon häit Anna. Hon vār äin svānsk_{1b}* ‘В Стокгольме у нас был отдельный дом у хозяина, там был [отдельный] вход, крыльцо, чтобы войти в дом. В том дворе была большая конюшня, у того хозяина были большие кони, и коровы были. И там было большое дерево, груша. Мы вешали наши шапки на дерево... и играли с мячом. Мама доила коров, папа ездил за город. С дочкой соседей мы часто ходили вдоль дороги и рвали цветы. Мы брали друг друга за руку, и шли, и рвали цветы вдоль дороги, и играли с мячом. Ее звали Анна. Она была шведка’;

(314) *Ve lēvd ‘ūt vār ēndan_{2b} stāen_{2b}, nāst än būnd_{1b}. Mama mōlka kūdna_{2b} o papa arbeta e stalle_{2b} vār äikja_{2b} o vār kūdna_{2b}, o sumōl goņņ kēd-n ot lande_{2b}. O ja bruka site upp po vāvān_{2b}* ‘Мы жили на краю города, у хозяина. Мама доила коров, а папа работал в конюшне при лошадях, и иногда он ездил в поле. А я обычно сидела на телеге’;

(315) *No, tāss Simon-bill_{1e}, o Jakub-bill_{1e}, o Kristjan-bill_{1e}, tom lēvd ānt e Stokholm. Tom komm nāst oss ot Stokholm ive hāve_{2b} me bōtn_{2d}* ‘Ну, эти дядька Симон, и дядька Якуб, и дядька Кристиан, они жили не в Стокгольме. Они приезжали к нам в Стокгольм через море на корабле’;

(316) *To ve komm häim fron Svärge, so lēvd nāst oss jūde_{2e}. No, to ve komm, gī-dom ot sin Jūdez-bīn_{2b}, ot sin stjūar_{1e}. Mamma mōlka kūdna_{2e}, trī goņņar_{1e} um dāen_{2d}, o boka brē_{1e/2d} um nōte_{2d}* ‘Когда мы

приехали домой из Швеции, у нас жили евреи. Ну, когда мы приехали, они ушли в свое Еврейское село, по своим домам. Мама доила коров, три раза в день, и пекла хлеб ночью’;

(317) *To ve komm fron Svärge, so kēft ve kūda_{2d/3}, ve hāv än cenapamop_{1a}, som ve släfft mölke_{2d} girm, gräddn_{2d} aläina, a mölke_{2d} aläina. So kēna mama smēr_{1c}. O so kēft ve hinsär_{1d}, hēna_{2c} [$< hēnana$, ОФ мн. ч. с гаплогогией], som būd äggär_{1d}. Ve hāv otete hēnar_{1e}. O um sundan_{2d} ja o Älza, min sister_{1e}... kēna mūr_{1e} smēr_{1c}, o äggär_{1d} hāv ve äitt häilt ämbar_{1b}, so gī ve defūtts ot bäsare_{2b} ot Bärislav. Tēr sjōd ve boṭt-e, fī ve lite päṇṇar_{1e}, än ve kunnt kēp ot oss sugär_{1e}...* ‘Когда мы приехали из Швеции, мы купили корову, у нас был сепаратор, которым мы сепарировали молоко, сливки отдельно, а молоко отдельно. Мама била масло. Мы купили птицу, кур, которые несли яйца. У нас было восемьдесят кур. И по воскресеньям я и Эльза, моя сестра... мама била масло, и у нас было полное ведро яиц, мы ходили пешком на базар в Берислав. Там мы это продавали, получали немного денег, чтобы мы могли купить себе сахар...’;

(318) *Bait Svärge, so bēvd papa än äin bāk-stjū_{1a}. Tāta vār bāk-stjū_{2d/3}, a he vār frama-stjū_{2d/3}, fron gatna_{2b}. So vār ve bara trīa ötar, brūän_{2b}, o ja, o Älza sistär_{1e}. Ja vār älv ör_{1e} to, ja slūtta skūla_{2b}. Ot tiska skūla_{2b} vār-e so lamft de gō, um vintän_{2d} vār-e kallt. Hoṣṣ ska ja gō sō lamft ot anan bīn_{2b} üte snjūen_{2d}?* ‘После Швеции папа построил еще заднюю комнату. Это была задняя комната, а это передняя, с улицы. Мы были только трое, брат, я и сестра Эльза. Мне было одиннадцать лет, когда я закончила школу. В немецкую школу было далеко ходить, зимой было холодно. Как я пойду так далеко в другое село по снегу?’;

(319) *Tom skaffa hölp_{1c} ot oss, vār-e huṇär-ör₃... Po poste_{2d} skaffadom üte Millaōṣ* ‘Они посылали нам помощь, это был голодный год... есть нечего... Отправляли на почту в Михайловку’;

(320) *Mamma skaffa me ot posten_{2b} de hänt посылка. Mamma gī änt, hon kunnt änt gō, he vār änt lō de tōa posilkana_{2c}* ‘Мама отправляла меня на почту забрать посылку. Мама не ходила, не могла ходить, забирать посылки не разрешалось’;

(321) *Min sistär_{1e} Maria vār fron tūsn nī hundra toltf öre_{2e}* ‘Моя сестра Мария родилась в 1912 году [«была с 1912 года»]’;

(322) *Maria, hon vār räi tjū ör, hon arbeta näst bēndäre_{2b}* ‘Марии было уже двадцать лет, она работала у хозяев’;

(323) *Maria gī räi po arbet_{1c}. Hon arbeta po lande_{2b}, po būmäle_{2d}. Būmäle_{2d} sōd-dom fere krī_{2b}, tom gära frōn-e klē_{1c}. A Jehānnes o Ämma, tom gī e skūla_{2d}* ‘Мария уже пошла работать. Она работала в степи,

в «коллективе», на хлопке. Хлопок сеяли до войны, из него делают ткань. А Йоханнес и Эмма ходили в школу’;

(324) *Um hēste_{2d} gāv-dom ott oss po kvār dāen_{2e}, som ve arbeta, än pār kilu kväit_{1e}, so kunnt ve moļa-e ūte kvēne_{2d} o boka brē_{1e}. Umm dāen_{2d} mōlka mama kūdnar_{1d}, aļeta kūdna_{2e}. O papa fī drāa vatn_{1e} fron brunn_{2b} ot hāila bīn_{2b}. Han skōa ätt äikja_{2e} um nōte_{2d} o stillt-dom, gāv jāta_{1e} ot äikja_{2e} um nōte. O han fī lōa äike-hūena_{2e}. Ve arbeta hāila famillja_{2d}, fāmm sjūn_{1e}, o ja gī e skūļa_{2d} svānska skūļa_{2b}. Umm middan_{2d} gāv-dom än taldrik_{1b} fūlldār vālij_{1e} e skūļa_{2b}. Mama gī um fjūra de mōlk kūdna_{2e}* ‘Осенью нам давали за каждый день, что мы работали, пару кило пшеницы, так что мы могли молоть ее на мельнице и печь хлеб. Днем мама доила коров, восемнадцать коров. А папа должен был вытягивать воду из колодца для всего села. Он смотрел за лошадьми ночью и кормил их, давал есть лошадям ночью. И он должен быть чинить хомуты. Мы работали всей семьей, пять человек, а я ходила в школу, шведскую школу. В обед давали тарелку супа в школе. Мама уходила в четыре доить коров’;

(325) *He vār sistra_{2b/2d} o hānaš brūār_{1e}, som lād svānska bōna_{2e} po svānsk. Tāiš famillja vār ūttas. Han bār sānn 'ō ot stāen_{2b}... Han spāla 'ūt än mūtotsikkāl_{1a}, o so sā-dom, än Sigfrid kumār mā mūtotsikkāl_{2a}. Folke_{2b} stū po gatna_{2b} o skōa, hošs-en komm kērande. Han komm me rē flagga_{2d}* ‘Это была сестра и ее брат, что учили шведских детей по-шведски. Их фамилия была Утас. Он потом поехал в город... Он выиграл мотоцикл, и сказали, что Сигфрид едет на мотоцикле. Люди стояли на улице и смотрели, как он ехал. Он ехал с красным флагом’;

(326) *Mälitta, som vār lārašk₃, hon vār gift mā än riska mann_{1b}. So sā-dom, än-on fēd äin dūtār_{1b}. A Sikfrid vār e Svärge bait krē_{2b}. O arbata präst₃* ‘Мелитта, что была учительницей, она была замужем за русским. Говорили, что она родила дочь. А Сигфрид был в Швеции после войны. И работал священником’;

(327) *Ūte trätte-sjūande ōre_{2e}, so skrīva-dom 'upp se po äitt pappar_{1a}, än-dom vila kēr 'inn ot Svärge debāks* ‘В тридцать седьмом году они подписались на одной бумаге, что они хотят ехать обратно в Швецию’;

(328) *Tom tū tfōa, trīa, innot bīlen_{2b}, o gjūd dānna_{2b} 'fast, o bār 'ō ot stāen_{2b} me-dom, ot dopār₃* ‘Они забирали двух, трех, в машину и закрывали дверь, и уехали в город с ними, в тюрьму’;

(329) *Min mama, hon begrāva folke_{2b} o krissna bōnar_{1d}, sošsom prästen_{2d} ūte kirkja_{2d}. O so sā-dom ott-on: “Tō ska änt mājār grāv!” Tom villt, än-dom ska grāv folke_{2b} me rē flagga_{2d}. O mama sa: “Ko ska*

ja gära, *folke*_{2b} kuma o gröt, o ja gôr o grävar”. Kannske, än-dom a hāve 'boŋt-on taje ot *dopär*₃, o so birjas *krī*_{2b}, *tīskēn*_{2c} komm 'inn. Bait *krī*_{2b}, so vār ija *präst*_{1e}, ija *kirke*_{1e}, so rūpa-dom ōtār min mamma, *folke*_{2b}, so fī-on ōtār begrāv *folk*_{1e}, po riss, o po svānsk, o po tīsk 'Моя мама хоронила людей и крестила детей, как священник в церкви. И ей сказали: «Больше не хорони!» Они хотели хоронить людей с красным флагом. А мама сказала: «Что мне делать, люди приходят и плачут, и я иду и хороню». Наверно, ее тоже забрали бы в ДОПР, но началась война, зашел немец. После войны не было священника, не было церкви, поэтому мою маму опять звали, люди, ей снова надо было хоронить людей, по-русски, и по-шведски, и по-немецки»;

(330) Nū, hon hāv trī *bōn*_{1e}, to *krī*_{2b/3} birjast, fjörete-äinande *ōre*_{2e} 'Ну, у нее было трое детей, когда началась война, в сорок первом году';

(331) Hēr vār ija määär, tom kēd rāi allar ive *Nēpär*_{1e} o sköüt fron hon *sīa*_{2e} hitt-hēr me *snarjāda*_{2d}. Hēr-fron sköüt *tīske*_{2c} tittēr. Tfo goŋnar komm *flūan*_{2d} o kasta *bombar*_{1e}, ūt po *gragođen*_{2b}, o hēr e *bīn*_{2b} trī *bombar*_{1e} milla *stjūana*_{2c}. Um *nōte*_{2d} gi ve ūte *källare*_{2b}, de pätt 'boŋt oss. Tom sköüt *nōte*_{2d} o *dāen*_{2d} 'Тут их [русских войск] уже не было, они уже все уехали за Днепр и стреляли с той стороны снарядами. Отсюда немцы стреляли туда. Два раза прилетал самолет и бросал бомбы, на кладбище, и здесь в селе три бомбы между домов. Ночью мы шли в подвал, чтобы спрятаться. Они стреляли и ночью, и днем';

(332) To *tīske*_{2c} vār, so jāga-dom 'ūt oss fron vōr *bī*_{1e}. Fī ve gō me *fētäre*_{2b} bakum *vāvān*_{2b}. Tār-hāim blāi *kūdna*_{2c}, ūte *stjū*_{2b} blāi allt tār-inn, o *svīna*_{2b}, o *hinse*_{2b}, o *gässār*_{1d}, o *paŋtar*_{1d}. Ve fe tōa ott oss *tākke*₃ o *dīnar*_{1d}, o sōa po *jūde*_{2b}. Hāila *dāen*_{2e} fī ve gō, a um *nōte*_{2d} fī ve sōa po bār *jūde*_{2b}, *tākkja*_{2b}, he vār kallt, *frost*_{1c}. Vār Nikolaev, tēr komm ve titt um *aftan*_{2c}, tēr va-*tōge*_{2c} 'Когда были немцы, они выгнали нас из нашего села. Нам пришлось идти пешком за телегой. Дома остались коровы, в доме осталось все, и свиньи, и птица, и гуси, и утки. Мы взяли с собой одеяло и подушки и спали на земле. Нам надо было идти весь день, а ночью спали на голой земле, стелили одеяло на землю и там спали, было холодно, мороз. К Николаеву мы пришли вечером, там был поезд';

(333) So satt-dom 'inn oss, ūte än slikār, som dom kēr *āikja*_{2c} o *kūdna*_{2c}, o kēd 'inn oss ānda ot *ēndan*_{2b} Tiskland. Sīa-ḡe, ja blāi me *līv*_{1c}! 'Нас посадили, в такой [вагон], где возят лошадей и коров, и повезли до самого края Германии. Смотри, и я осталась жива!';

(334) *To tīskēn_{2c} fī gō debāks, so jāga-dom oss 'ūt allar. Fī ve lāiv kūdnar_{1d} o svīnar_{1d}, allt fī blī ūte stjū_{2b}* 'Когда немцу пришлось отступить, нас выгнали всех. Нам пришлось оставить коров и свиней, все осталось дома';

(335) *Ve fī gō defūts, fere āikja_{2b} drū änt. Tom gammöl satt 'upp po vāvā_{2b} o kēd, o jāga 'ūt oss ot lande_{2b}* 'Нам пришлось идти пешком, потому что кони не тянули. Старики сидели на повозке и ехали, и нас выгнали в степь';

(336) *Hāila dāēn_{2d} fī ve gō, ija kūkat jāta_{1c}. Gō o gō ända ōat kvēldn_{2d}, rāi frost_{1c}. Ūm kvēldn_{2d} mūār_{1c} brāiār bumāl-tākkja_{2d} po jūde_{2b}, he vār rāi frost_{1c}* 'Нам пришлось идти весь день, никакой сваренной еды. Шли и шли до самого вечера, уже мороз. Вечером мать расстилает хлопковое одеяло на земле, уже был мороз';

(337) *Ivan, min brūār_{1c}, bā āit mann-sjūn_{1a}, ān-en ska släpp 'inn oss, hans kālīj_{1c} hāv āit lītet bōn_{1b}* 'Иван, мой брат, попросил одного человека, чтобы он пустил нас, у его жены был маленький ребенок';

(338) *Tēr vār jēn-vēg₃, so gī min brūār_{1c} 'nēr ot jēn-vēgen_{2a} o sa ott tom, ān-dom ska sāte 'upp oss po tōge_{2b}, to-dom vila jāg 'inn oss ot Tīskland* 'Там была железная дорога, и мой брат пошел на железную дорогу и сказал им, чтобы нас сажали на поезд, если они хотят гнать нас в Германию';

(339) *Anan dāēn_{2d}, rūpa-dom oss allar o sā, ān ve ska kuma o sātjas 'upp po tōge_{2b}, ūte ān slikār vāgon, som-dom kēr kolār_{1d}, kūdna_{2c}, āikja_{2c}* 'На другой день нас всех позвали и сказали, чтобы мы шли и садились на поезд, в такой вагон, в котором возят уголь, коров, лошадей';

(340) *Tom kēd 'inn oss ot Offenburg, vār grānsn_{2b}. Tēr vār āit riska lāgār_{1a}. He vār füllt me unygdumm_{1c}, frōn all lāndār_{1c}. Tēr fī ve 'ō gō 'inn ot lāgre_{2a}. O sänn tū-dom o fēd 'ūt oss ot stāēn_{2b}, ūte āin stūr skūl_{1a}. O tēr gīūd-dom som āit lāgār_{1b}* 'Нас завезли в Оффенбург, у границы. Там был русский (конц)лагерь. Там было полно молодежи, из всех стран. И нам там тоже пришлось войти в лагерь. И потом они взяли и привезли нас в город, в большую школу. И там сделали как бы лагерь';

(341) *Tom hānta 'inn oss ot lā[y]re_{2d}. Tēr vār riska lā[y]re_{2d}, tēr vār frōn all lāndār_{1c} ter-inn. Tēr fī ve sōa, ān taldrik_{1b} vālīj_{1c} gāv-dom ott oss* 'Нас привезли в лагерь. Там был русский лагерь, там были со всех стран. Там мы спали, давали нам тарелку супа';

(342) *Tom uny fī gō po arbet_{1c}. Ja vār bara ajeta ōr_{1c}. Ja fī gō 'ūt nāst ān būnd_{1a} de arbet. Ja vār nāst ān būnd_{1a} vār grānsn_{2b}. Han häitt*

Schweigert ‘Молодые должны были ходить на работу. Мне было только 18 лет. Мне надо было ходить к одному хозяину работать. Я была у хозяина у границы. Его звали Швайгерт’;

(343) *Äin gammöl tiska käli_{1a}, komm o bäiddes, än dom ska gäva nōn de vask klēna_{2c}. Ja fi gō mā-on, hon lēvd e stāen_{2b}. So komm ja mā-on, so fēd-on 'inn me üte källan_{2b}, tēr var mike klēär_{1c}. So fi ja gära äilden_{2b} 'inn, tēr vār äin stūr grīt_{1b}. Tēr var bara tåldär_{1d} o tükke-klēär_{1d}* ‘Одна старая немка пришла и попросила, чтобы ей дали кого-то постирать одежду. Мне пришлось идти с ней, она жила в городе. Я пошла с ней, она меня завела в подвал, там было много белья. Мне надо было зажечь огонь, там был большой котел. Там были только простыни и пододеяльники’;

(344) *So vaska ja o klāmft 'upp-e, so rūpa-dom 'inn me ot stjū_{2b/3} de jäta. So öt ja tēr middar₃ üte kēka_{2b}, fi ja site vār būde_{2b}. O ja hāv än glimandär kamm_{1a}. O ja satt o öt, so komm täis sonn, komm-en 'üt fron stjū_{2b}, so fi-en sī min kamm_{1c}, so sā-en ot me: “He var Сталин, som gāv-en ot-de?”* ‘Я постирала и развесила, они меня позвали в дом есть. Я там пообедала в кухне, сидела за столом. У меня был блестящий гребень. И я сидела и ела, и вошел их сын, вошел из дома, заметил мой гребень и сказал мне: «Это Сталин дал его тебе?»;

(345) *Tēr fe ve stō o vānt, koļe komm, bēndäre_{2c}. So stū ve, pīkana_{2c} o poika_{2c}. Komm-där äin käli_{1a}, hon vār slīk stūr o tjokk, o ja lū mut pīkana_{2b} o poikana_{2b} o sā...* ‘Там нам надо было стоять и ждать, кто придет, хозяева. Мы стояли, девушки и парни. Пришла одна женщина, она была такая высокая и толстая, и я засмеялась с девушками и парнями и сказала...’;

(346) *Hon komm me sikkäl_{2d}, o satt titt-en vār vāgge_{2b}, o gī 'inn, vilt hōa nōn de arbet, äin pīk_{1b} vilt-on hōa. Tom hāv jūd_{1c}, som-dom satt allt: kadeflar_{1d}, o būraka_{2b}, o sīpöl_{1c}. Hon hāv än poike_{1a}, som vār sjāks ōr_{1c}* ‘Она приехала на велосипеде и поставила его у стены, и вошла, хотела взять кого-то на работу, девушку. У них была земля, где они сажали все: картошку, и бураки, и лук. У нее был сын, ему было шесть лет’;

(347) *Tän tiska poike_{1c}, hans papa, han vār 'ō än būnd_{1b}, hāv jūd_{1c}. Han mado lēvd e Svaf₁-skūen_{2b}, po tisk Schwarzwald* ‘Этот немец-парень, его отец тоже был хозяин, у него была земля. Он наверно жил в Черном лесу, по-немецки Шварцвальд’;

(348) *Min hūs-mūär_{1c}, um monnan_{2d} bruka-on drikk tē_{1c}, o sō keḁ-on ot stāen_{2b}, tēr hav-dom äin bū_{1a}, allt sjōḁ-dom tēr* ‘Моя хозяйка, по утрам у нее было обыкновение пить чай, и потом она ехала в город, там у них был магазин, они там все продавали’;

(349) *Gammöl folke_{2c} o bōna_{2c} sō üte äin gamöl skūl_{1a}, tēr vār mike sājjar_{1e}. Tēr kūka-dom ot gamöl folke_{2c}, ot bōna_{2c}. Än gamlan vār dupekmap, hāv stuft use_{1c}. Ve lēvd ända vār grüntsen_{2b}, tēr vār än flūd_{1b} Rhein* ‘Старики и дети спали в старой школе, там было много кроватей. Там готовили для стариков, для детей. Один старик был директором, у него были большие усы. Мы жили на окраине, там была река Рейн’;

(350) *He vār min fälse-dā_{1e}, a ja vār po arbete_{2b}. So rūpa-en 'inn me ot koman_{2b}. Min sāj_{1e} stū vä-dünna_{2b}, vār vägge_{2b}. O po dīna_{2b} stū än kärps_{1a}, som-en hāv üt-sküre: näsa_{2b/3}, tändäre_{2b} o öüar_{1d}, so skā-ñ 'girm-en, po hālpatten_{2d}, o tjēnt po ljüse_{2d}, o satt 'inn-e üte kärpsen_{2a}. Han hōlt 'ō de gära narr_{1c}. Han vār än bra mann_{1b}* ‘Это был мой день рождения, а я была на работе. И он [муж сестры] меня позвал в комнату. Моя кровать стояла у двери, у стены. А на подушке стояла тыква, которую он вырезал: нос, зубы и глаза, он ее вырезал изнутри, пополам, и зажег свечу, и поставил ее внутри тыквы. Он любил шутить. Он был хороший мужик’;

(351) *Maria vār e lägre_{2a}, hon hāv äit lütet bōn_{1a}, än poike_{1b}. So bläi-e sjūft, o so bläi-e dett. Han vār ott mōna_{2e}. Tom fēd 'inn-en ot kirkja_{2b} o grāva 'nē-ñ* ‘Мария была в лагере, у нее был маленький ребенок, мальчик. И он заболел и умер. Ему было восемь месяцев. Его привезли в церковь и похоронили’;

(352) *Sänn arbete ve vār fabriken_{2d/2b}, konn-dom gära klē_{1c}* ‘Затем мы работали на фабрике, где делают ткань’;

(353) *Sänn tū-dom allar 'nēr oss ot fabriken_{2b}, som ve fī gära klē_{1c} ot flūare_{2c}. O tēr lēvd ve o arbete, min brūār_{1e}, o ja, o sistra_{2e} Elza. Tēr levd 'ō min sistār_{1e} Maria o Jehannes, hānaš mann, me bōna_{2b}* ‘Потом нас всех забрали на фабрику, где мы делали одежду для летчиков. И там мы жили и работали, мой брат, и я, и сестра Эльза. Там жила и моя сестра Мария и Йоханнес, ее муж, с детьми’;

(354) *Sänn birjas krī_{2b/3}, skaffa-dom 'ūt vār grānsn_{2b}, de grāv okópar_{1d}, än tankana_{2c} änt ska kuma 'ive ot Tiskland. Amräkántse_{2c} komm... Tiske_{2c} tū Marias Jehānnes de grāv okópar_{1d}. Tēr fī-dom liva unde jūde_{2b} o grāv um dāen_{2d} okópar_{1d}* ‘Потом началась война [боевые действия], посылали на границу, копать окопы, чтобы танки не вошли в Германию. Американцы шли... Немцы взяли Марииного Йоханнеса копать окопы. Там им пришлось жить под землей и днем копать окопы’;

(355) *So gī ve ot stāen_{2b} de arbet üte restoran, teñère e kēka_{2b}, so arbete ve hāila tīn_{2d}. So rūpa oss būnden_{2b}...* ‘Мы ходили в город

*tom är tiske*_{2e} ‘Привезли они нас в лес, там был лагерь. И там стали выгружать немцев. Нас повезли дальше, там была фабрика, которую построили, чтобы делать фанеру. И там нам надо было работать в лесу. А Лидия, они не вышли со шведами, их повезли еще дальше с другими немцами’;

(361) *Tom kēd 'upp oss ot maūga, tēr vār bara skū*₃ *o skū. Tēr vār-e fämnte grāda*_{2e} *kallt. Min sistär*_{1e} *um nōte*_{2d} *tolft detsämbär*_{1e}, *fēd-on äin lill pīk*_{1a}, *üte барак, där vār fjörete sjün*_{1e} ‘Нас завезли в тайгу, там был только лес и лес. Там было пятьдесят градусов мороза. Моя сестра, ночью, двенадцатого декабря, родила маленькую девочку, в бараке, там было сорок душ’;

(362) *Барак vār tummär, dänna*_{2b} *ipet, rūtar*_{1d} *var änt. O ve fe tōa o kast 'ūt snjūen*_{2b}. *O tēr vār fjörete svänskär*_{1e}, *me bōnar*_{1d} *o gammļar*_{1d} ‘Барак был пустой, дверь открыта, стекол не было. И нам надо было взять и выкидывать снег. И там было сорок шведов, с детьми и стариками’;

(363) *Fäšt fi-dom gō ot äin skūl*_{1a}, *tēr fi-dom-do vārm se. A üte skūla*_{2a} *komm mann-folke*_{2c} *fron kómeke*_{2c}, *o jāga 'ūt-dom fron skūla*_{2a}, *o he blār rāi kväldär*₃ ‘Вначале им надо было идти в школу, там им можно было греться. А в школу пришли мужики из комяков и выгнали их из школы, а уже наступает вечер...’;

(364) *Min sistär*_{1e} *Älza, hon fēd um nōte*_{2d}, *üte барак. Tēr vār fjörete sjün*_{1e}. *O mama fi tōa 'mūt bōne*_{2b}, *iņa doftär*_{1e} *vār änt. Hon klāmft upp täkkjana*_{2b} *po ða rōa sāne*_{2b}, *än folke*_{2b/2c} *skilt änt sī. Hon skrīa änt, hon vār stilla, hon hāv skamm*_{1c} *de skrī, mike folk*_{1c} *vār üte барак* ‘Моя сестра Эльза, она родила ночью, в бараке. Там было сорок человек. А маме пришлось принимать ребенка, медсестры не было. Она повесила одеяла на верхнюю кровать, чтобы люди не видели. Она не кричала, молчала, ей было стыдно кричать, в бараке было много народу’;

(365) *Um monnan*_{2d} *gräit mūär*_{1e} *o sā, än ja ska gō sēke, än-dom kēr-on ot sjūk-hūse*_{2b}. *So gī ja, so komm ännan me slāan*_{2d}. *Fī ve bāra 'ūt-on unde bülstäre*_{2b}, *lad 'upp-on po slāan*_{2a}, *täfft 'fast-on mā bülstäre*_{2a}. *Anan dāen*_{2d} *gī ja de sēke-on. Fī ja gō sjäksta kilómätra*_{2e}. *Üte slīk kjōd*_{1e} *fi ve gō, tät ve hitt 'pō min sistär*_{1e} *üte sjūk-hūse*_{2b} *me bōne*_{2b}. *Um ott-dakks tī*_{1e} *so fi ja gō hänt häim-on* ‘Утром мама заплакала и сказала, чтобы я пошла искать, чтобы ее [сестру] отвезли в больницу. И я пошла, и пришел один с саними. Нам пришлось ее вынести под периной, положили ее на сани, укрыли периной. На другой день я пошла искать ее. Мне надо было идти шестнадцать километров. По такому холоду мы шли, пока не нашли мою сестру в

больнице с ребенком. Через восемь дней мне пришлось идти забирать ее домой’;

(366) *Umm monnan*_{2d} *fī ja gō sēke, än nōn skilt gäva slāa*₃ *o äik*₃ *o kēr-on ot* больница. *O ve lād ‘inn-on unde būlstäre*_{2b}. *Ot me vār änt ija rūm*_{1e} *de site po slāan*_{2b}, *o mūär*_{1e} *kēd änt häldär, tēr vār ija rūm*_{1e} *de site po slāan*_{2b} ‘Утром мне надо было пойти искать, чтобы кто-нибудь дал сани и лошадь и отвез ее в больницу. И мы положили ее под перину. Мне не было места сесть в сани, и мама тоже не поехала, там не было места сесть в сани’;

(367) *Ivär ott dōar*_{1e} *sā-dom, än ve ska tōa häim-on. So fī ja gō ätt slāan*_{2b}, *slāa*₃ *o äik*₃. *To hon komm frōn* больница, *so hāv-on, he bōne*_{2e}, *än blō-fräss*_{1b} *po briste*_{2b} ‘Через восемь дней сказали, чтобы мы забрали ее домой. Мне надо было идти за санями, сани и лошадь. Когда она приехала из больницы, у нее, у ребенка, был нарыв на груди’;

(368) *Sänn kē-ḍom oss po slāar*_{1d} *mä äikja*_{2b} *ot фабрика, fanārne. Tēr fī ve arbet üte sküen*_{2e}, *sōg tom stūr trāna*_{2e}. *Tēr vār fjörete sjün*_{1e}, *gammlar o bōnar*_{1d}. *Po kvār ēnda hāv-de äin plitt*_{1b} *de kük jäta. Ve, иҗа, vār po arbete*_{2d}, *e sküen*_{2d} ‘Потом нас повезли в санях на лошадях на фабрику, фанерную. Там мы должны были работать в лесу, пилить большие деревья. Там было сорок душ, старые и дети. С обоих концов была плита, чтобы варить еду. Мы, молодые, были на работе, в лесу’;

(369) *Ja vilt gäva jäta ot papa, han tū spōn*_{2b}, *po ā-štā*_{2e}. *So sā ja: “Ne höldär spōn*_{2b} *me būtne*_{2b} *uppet”. So sā-en: “Pik, ja stār iḡatiḡ änt. Ja vilt gō lite bait slāan*_{2b}, *o snjüen*_{2b} *vā-šo kvitār, o ja bläi blinndär. No, anan dāen*_{2d}, *he vār um sundan*_{2d}, *so skaff-en me, än ja ska gō ot bāsare*_{2b}, *än ja fōr än bita*_{1b} *smāro-brē*_{1e} *ott-en. Han sā: “Fere dēen*_{2b} *vill ja hōa än bita smāro-brē”* ‘Я хотела дать папе поесть, он взял ложку с другой стороны [т. е. держал снизу верх]. Тогда я сказала: «Вы держите ложку низом вверх». Он сказал: «Дочка, я ничего не вижу. Я хотел немного пройти за санями, а снег был такой белый, и я ослеп». Ну, на следующий день, это было воскресенье, он меня послал, чтобы я пошла на базар, чтобы я достала кусочек масла ему. Он сказал: «Перед смертью я хочу кусочек масла»’;

(370) *Ve fī bāra ‘ūt-n ot sküen*_{2b}, *tēr vār äin lill butk*_{1a}, *äin lill stjū*_{1a}, *hüp-släet mä brāar*_{1d}. *Tēr lō tom dē. Tēr lād ve upp vor papa o tjtēt ‘po ljūse*_{2d}, *he brann um dāen*_{2d} *o um nōte*_{2d}. *Ive tri-dakks tī, tät kista*_{2b} *vār fāde... tom gjūd fāde ot-en äin kist*_{1b}, *tom hänta äin kist*_{1b} *o lād ‘inn-en ot kista*_{2b},... *All kälīḡar*_{1e} *sjōḡḡa po bēkāre*_{2e}, *salm-bēkere*_{2b}. *O so fī ve kēr ott kilómätra*_{2e} *ot gragoḍn*_{2b} *üte sküen*_{2b}. *Tēr fī ve slāp*

'nēr-on, *kista*_{2b}, ot *grāve*_{2b}. *Hoļe*_{2b} vār rāi ūt-grāva, tēr fi ve slāp nē-ŋ ot *grāve*_{2b} o kast 'fast-n mā *jūd*_{1c}. He vār fjōrete-sēt *ōre*_{2c}, sēt *januār*_{1c}, *riska jūle*_{2d} Нам надо было его вынести в лес, там была небольшая будка, небольшой дом, сколоченный из досок. Там лежали покойники. Там мы положили нашего папу и зажгли свечу, она горело днем и ночью. Через три дня, пока не был готов гроб... ему сделали гроб, они принесли гроб и положили его в гроб... Все женщины пели по книгам, псалтирям. И его закрыли, тот гроб, забили его гвоздями и вынесли, и поставили на машину. И нам надо было ехать восемь километров на кладбище в лесу. Там нам надо было опустить его, гроб, в могилу. Яма уже была выкопана, там нам надо было опустить его в могилу и забросать землей. Это был сорок шестой год, шестого января, русское Рождество';

(371) *Ive tļō vikur*_{1c} *kēd-dom oss ot fanérne fábrika*. He vār *tjū kilómātra*_{2c} *fron lāgre*_{1a}. *Tū-dom tom gammōl o bōna*_{2c} *ōtār o satt 'upp po slān*_{2d}. O ja fi vara bakapo mā *Jōhānnes*, mā *ān stūran slāa*_{1b}. *Tēr fēd-dom 'inn oss... ūte jūde*_{2b} *ūt-grāva... O sūŋjar*_{1d} *stū ūte tļō rōar*_{1c}. *Tēr vār fjōrete sjūn*_{1c}. O tēr fi ve liva, *gammļar*, o *uŋŋar*, o *bōnar*_{1d} 'Через две недели нас привезли на фанерную фабрику. Это было 20 километров от лагеря. Взяли стариков и детей снова и посадили на сани. Я была сзади с Йоханнесом, на больших санях. Туда нас завезли... в выкопанную землю [в землянку]... И кровати стояли двумя ярусами. Там было сорок душ. И там мы должны были жить, старики, и молодые, и дети';

(372) *Ja arbeta me hānaš mann*, ve sōga 'ūt *trāna*_{2c} *ūte maīza*. *Ja kēft ot me valenki, filt-stōvļar*_{1d}, ja bēt 'inn ot me *filt-stōvļar*_{1d} *fere min jakk*_{1c} *nāst ān gamļan mann*_{1b}. Band 'upp ān *dūk*_{1b} o *papas lūa*_{2c} 'upp po *hū*_{2b} ot me o band 'fast-en unde *hako*_{2b} 'Я работала с ее мужем, мы корчевали деревья в тайге. Я купила себе валенки, выменяла валенки за свою куртку у одного деда. Надела платок и папину шапку сверху, и завязала его под подбородком';

(373) *Hāila dāen*_{2d} *sōga ve trāna*_{2c} *e skūen*_{2b} *um vintān*_{2d}. *Ter-hāim ōt ve kvāllvōd*₃. *Ālza vār mā lītet bōn*₃. So ōt ve *kvāllvōd*₃ o *lādes nē-ċe sōa* 'Целый день мы пилили деревья в лесу зимой. Дома мы ужинали, мама готовила. Эльза была с маленьким ребенком. Мы ужинали и ложились спать';

(374) *Ūte skūen*_{2d} *arbata ve bara tļō vikur*_{1c}, o *sānn fi ve gō arbet vār āikja*_{2c}, *kēr vārke*_{1c/2d} *fron skūen*_{2d} ot *fabriken*_{2b/2d}. *Sānn kēd ve ot stalle*_{2b/2d}, o *satt inn āikja*_{2b} ot *stalle*_{2b} *de jāta*. *Tēr vār sjū āikjar*_{1c} 'В лесу мы работали только две недели, а потом мы должны были работать при лошадях, возили дерево из леса на фабрику. Потом

мы ехали в конюшню и ставили коня в конюшне есть. Там было семь коней’;

(375) *Tēr vār ān начальник_{1a}. Han sā: “Ja gävär ott jār ān komar_{1b}, gävär ott jār brāar_{1d} o spikkar_{1d}, so kuna ne gära ott jār sāñjar_{1d}”. O ve sōga ott oss brāar_{1d}, ja o Maria, ve sōga brāana_{2a}. So hāv ve slīk sāñjar_{1e}. Üte землянка vār po sāñjana_{2b} vāgge-lissār_{1d}. Um kvēldn_{2d} bruka-dom tjēn ‘pō stikkana_{2d} o hōld titt vār fētäre_{2b} po sāñje_{2a}, o tom bruka fall ‘nēr po goļve_{2b}, vāgge-lissār_{1d}. Tom gāv-de iņa rū_{1e} de sōa. Ve lēvd trī familljar_{1e} üte han koman_{2e}* ‘Там был один начальник. Он сказал: «Я дам вам комнату, дам вам доски и гвозди, и вы сделаете себе кровати». И мы напилили себе досок, я и Мария, мы пилили доски. И у нас были такие кровати. В землянке были в кроватях клопы. Вечером обычно зажигали спички и держали у ножек кровати, и они падали на пол, клопы. Они не давали покоя во время сна. Мы там жили, три семьи, в той комнате’;

(376) *Tēr vār āin stūr svād_{1a}, o vatne_{2b} komm ‘ūt milla stäina_{2b}, o ve tū tēr vaten_{1c} de kūk. No, ja vār po arbet_{1c}, so tū hon, Ālza, ämbare_{2b} o gi ätt vatn_{1c}. Tēr vatne_{2b} rann, komm ‘ūt unde jūde_{2b}. O hon stū o tū ‘inn ot se vatn_{1c} e ämbare_{2b}* ‘Там была большая балка, и вода бежала между камней, и там мы брали воду для готовки. Ну, я была на работе, поэтому она, Эльза, взяла ведро и пошла за водой. Там бежала вода, текла из-под земли. И она стояла и набирала воду в ведро’;

(377) *Tom sō, ān āin kälīñ_{1b} stōr o tār vatn_{1c}, o so tū-dom o kasta ‘nēr po hū_{2b} ot-on. O slū hū_{2b} ‘sundär. Blūen_{2b} rann. O mama sō, ān blūen_{2b} rinndär fron hū_{2b}. Hon band ‘fast-e mā dūken_{2b}. Hon lō üte sāñje_{2b}, sjūk. Mama grötär o sā, ān ja ska gō sēke ān doftär_{1b}. O gī üte märkniñe_{2d} o sēft āin doftošk_{1b}... Ja hitt po tāföre āin doftošk_{1b}, som komm o skōa po-on, tū ipet dūken_{2b} o skōa, hoşş-dom kasta mā stäin_{2d/3} üte hū_{2b}. Tēr vār āit hōl_{1b} po hū_{2b}. Hū_{2b} band-on ‘fast ot-on o gjūd ukōlar_{1d}* ‘Они [хулиганы] видели, что женщина стоит и набирает воду, и они взяли и начали бросать вниз камни, ей в голову. И разбили голову. Текла кровь. И мама увидела, что течет кровь из головы. Она завязала платком. Она лежала в постели, больная. Мама плачет и говорит, чтобы я пошла нашла медсестру. И пошла в сумерках, искала врачуху... Я все равно нашла медсестру, которая пришла и посмотрела ее, развязала платок и посмотрела, как ее ударили камнем в голову. В голове была дырка. Она перевязала ей голову и сделала уклады’;

(378) *Um nōte_{2d} arbeta ja po... vār транспортёр, rännnd po stukkar_{1d}, o me he spjūte_{2e} fi ve stiññ üte stukken_{2d}, ān-en falldär titt po транспортёр. Dār jār āin kē_{1a}, o hon drār ‘upp-en ot fabriken_{2b}.*

O tēr gära-dom fanēr_{1c}. Um vintän_{2d} fō ve kēr 'ūt me bīla_{2c} ot sklað, ot stančija. Tēr kumār tōge_{2d} o häntar va[χ]óna_{2b}, o ve fō bāra 'ūt-e o lägge 'inn-e üte vagóna_{2b}, o so kē-dom boṭt-e ot stāen_{2b} de gära skōpār_{1d} 'Ночью я работала на... у транспортера, бегала по бревнам, и тем багром мы должны были цеплять бревно, чтобы оно падало туда на транспортер. Там есть цепь, и она тянет его к фабрике. А там они делают фанеру. Зимой мы должны ехать на машинах на склад, на станцию. Там приходит поезд и привозит вагоны, большие, и мы должны выносить её и складывать в вагоны, и они увозят её в город делать шкафы';

(379) *Gi ve pļukk bār_{1c}. O tēr pļukka ve üte skūen_{2c}. O tēr e skūen_{2b}, tēr vār äin lill trāske_{1a}, som dār-inonde jār väis_{1c}. O ja pļukka bār_{1c}, o unde grāse_{2b} vā-dār väis_{1c}, o soṣṣ foll ja inonde ot vatne_{2b}. Ja foll girm grāse_{2b} ot vatne_{2b}, üte väisa_{2b}... Ja hāv äit häilt ämbar_{1b} bār_{1c}. O ja vār häil väisat, üte väis_{1c}* 'Пошли мы собирать ягоды... И там мы собирали в лесу. А там в лесу, там была маленькая речка, под которой была топь. И я рвала ягоды, а под травой была топь, и так я провалилась в воду. Я провалилась сквозь траву в воду, в топь... У меня было целое ведро ягод. И я была вся грязная, в грязи';

(380) *Ve tū, än-on ska hugg grāina_{2c} 'ō. Ve söga mā min sistār_{1c}, a Maria hogg grāina_{2b} 'tjänd. O folke_{2c} bār 'ō 'ūt ot vēgen_{2b} de gō häim, po trāske_{2b}, Vyčegda. Tō ve gī ot skūen_{2d}, so gjūd ve vēg₃* 'Мы взяли [сестру], чтобы она обрубала ветки. Мы пилили с сестрой, а Мария обрубала ветки. И люди уже пошли на дорожку, чтобы идти домой, по реке, Вычегде. Когда мы приходили в лес, мы делали дорожку';

(381) *Hon hēr iṇatiṇ änt mäiär, öüana_{2b} vār 'fast po-on, tündäre_{2b} hāv-on ive-bite. So lüfta ja 'upp-on, so gāv min sistār_{1c} 'upp-on ot riggen_{2b}. He vār räi kvēldär₃. Ja rūpa bait-dom o sā, än-dom ska säi ot min brüär_{1c}, än-dom ska kuma 'mūt oss mā slāan_{2d}. No, so komm min brüär mā slāan_{2b}. O so tū-dom 'upp-on po slāan_{2b}. Mama mā Maria-bilka_{2c} hāv stūr fātār_{1d}... tom hänta 'inn üte fātna_{2b} snjū_{1c}, o klēd 'ō-on, o lād 'upp-on po sāñe_{2b}, o birja gnī-on mā snjū_{1c}. O hon tū ipetar öüana_{2b}* 'Она ничего уже не слышит, глаза закрыты, зубы закусил. Тогда я ее подняла, моя сестра посадила ее на спину. Был уже вечер. Я им крикнула, чтобы они сказали моему брату, чтобы он вышел нам навстречу с санями. Ну, я опускаю ее, она стоит и снова падает в снег. Я жду пару минут и снова поднимаю ее. Ну, вышел мой брат с санями. И ее посадили на сани. Мама с тетей Марией взяли большие чаны... они принесли снег в чанах, раздели ее, положили на кровать и начали тереть ее снегом. И она открыла глаза';

(382) *Tēr komm än svänsk_{1b} o hēḏ, än vōr kälīḡar_{1e} toḷa po gamöl-svänsk, o frōa, umm ve jāra svänskär_{1d}. So sā ja: “Ja, ve jāra svänskär_{1d}, gamöl-svänskär_{1d}”. So tū-en ‘ūt äit pappar_{1a}, so skrīva-en ‘upp oss allar po pappare_{2b}* ‘Пришел какой-то швед и услышал, что наши женщины говорят по-старошведски, и спросил, шведы ли мы. Я сказала: «Да, мы шведы, старые шведы». Тогда он взял бумагу, записал нас всех на бумагу’;

(383) *Ve hāv söümar-mašin₃. Mama tū o sjōḏ ‘boṭṭ-on, än ve hāv päḡar_{1d} o kunnt kēp brē_{1c}. Po stanḡii sjōḏ saldata_{2c} brē_{1c}, hundra tḡḡ rōbäl_{1e} de kēp äitt brē_{1b}* ‘У нас была швейная машинка. Мама взяла и продала ее, чтобы у нас были деньги и мы могли бы купить хлеб. На станциях солдаты продавали хлеб, сто двадцать рублей за буханку’;

(384) *Trättḡjande maj_{1e} komm ve ‘inn ot bīn_{2b}... a de liva vār inṡtäll ‘änt. Stḡḡana_{2b/2c} vār sundär. Fi ve sō unde himmöl_{1c}. Framfere, vār gatna_{2b}, vā-ṡundär-slāe. Ve sōa po jūḏe_{2b} mila väggjana_{2b}. Mama fi kük jāta po stāina_{2b}, satt-on ‘upp grḡta_{2d} o kūka-on. A bak-stḡḡ_{2b}, hon var hāil, tēr lēvd folke_{2c} ter-inn, voṭṭ slüft_{1e}. Ve vār unde bār himmen_{2b} tfo vikur_{1e}. Ot brūān_{2b} gāv-dom än komar_{1b}. Mama bā min brūār_{1e}, än-dom ska släpp ‘inn oss de sōa, üte äin krubb_{1b} po halmen_{2d}* ‘Тридцатого мая мы приехали в село... а жить было негде. Дома были разрушены. Нам пришлось спать под [открытым] небом. Спереди, со стороны улицы, было разрушено. Мы спали на земле среди стен. Маме приходилось варить есть на камнях, она ставила котелок и варила. А задняя часть дома была цела, там жили люди, наши родственники. Мы были под открытым небом две недели. Брату дали комнату. Мама просила брата, чтобы он пустил нас ночевать, в угол на солому’;

(385) *Tom slū tēr kūn_{1c}. A ve fe lägge ‘hūp-e de rukar_{1d} mā räpsa_{2d}. Um löüdan_{2c} komm ja häim, a um sundan_{2c} satt ve mā mama bōar e gōḏen_{2b}, o mama birja grōt o sā, än Jehānnes, min brūār_{1e}, jār sliḡār svüllendär, öüana_{2b} o fētre_{2b}. Han vaḡta koḡ-gōḏen_{2b} po hoḡmen_{2b}* ‘Там косили ячмень. А мы должны были укладывать его в кучи граблями. В субботу я приехала домой, а в воскресенье мы сидели с мамой вдвоем во дворе, и мама стала плакать и сказала, что Йоханнес, мой брат, такой опухший [от голода], лицо и ноги. Он сторожил огород на плавне’;

(386) *Fron Tiskland, to-en grāva okópar_{1d}, han komm ot Uzbeḡistan. Sänn hänta-dom häim-en, ot bīen_{2b}, han vār sjḡkär, po hōnde_{2b} hāv-en änt iḡa fiḡārär_{1e}. Han lēvd än pār mōna_{2c}, änt hāv änt iḡa klēär_{1e}* ‘Из Германии, когда он [муж сестры М.Ф. Прасоловой] копал око-

пы, он попал в Узбекистан. Потом его привезли домой, в село, он был больной, на руке у него не было пальцев. Он прожил пару месяцев, у него не было одежды’;

(387) *Hon fēd fere tīn_{2b}, he blāi dett, he bōne_{2e}, hānaṣ mann blāi 'ō dēār, fron sūle_{2b}, sūle_{2b} skīnt 'inn ot hū_{2b}. Hann satt o slīpa knīva_{2e}, som-dom slū sē_{1e}. Tom kēd hāim-en, ūte stjū_{2b} blāi-en dēār. Hon vār sjūk bait bōne_{2b}, som-on fēd ānt e tīār. So gī ja nāst ān mann_{1a}, som ja visst, ān-en arbeta mā āikja_{2e}. So gī ja ot hāima nāst-n o bā-en, ān-en ska kuma o tōa āikja_{2b} o vāvān_{2b} o kēr 'nēr o lägge pō-on po vāvān_{2b}. Ve bār 'ūt hānaṣ kast_{1e}, som-on hāv mā klēnar_{1d}. Ve tū-on, han unde hū_{2b}, o ja unde fētäre_{2b}, o so bār ve 'ūt-on po vāvān_{2b}. So lād ve 'nēr-on ūte krubba_{2b} po haļmen_{2b}, lād ve 'nēr tākkja_{2b} o dīna_{2b}* ‘Она родила раньше срока, он умер, тот ребенок, ее муж тоже умер, из-за солнца, от солнечного удара [«солнце насветило в голову»]. Он сидел и точил ножи, которыми они косили пшеницу. Его привезли домой, и в доме он умер. Она была больная, после того как родила ребенка не в срок. Ему было только семь месяцев. Тогда я пошла к одному человеку, которого я знала, он работал с лошадьми. Я пошла к нему домой и попросила его, чтобы он пришел, взял лошадей и телегу, приехал и положил ее на телегу. Мы вынесли ее чемодан, в котором была ее одежда. Взяли ее, он за голову, а я за ноги, и так вынесли на телегу. Ну, мы положили ее в угол на солому, подложили одеяло и подушку’;

(388) *Hon lēvd mā bōna_{2b} alāina. Bōna_{2b} liva ān. Hon mindāres mann blāi dēār, hon livār alāina, hār tfo pīkar_{1e}, tfo dētrar_{1e}, som hōa smō bōnar_{1d}* ‘Она жила с детьми одна. Дети еще живы. У младшей муж умер, она живет одна, у нее двое дочерей, у которых маленькие дети’.

§ 55. Из воспоминаний Л.А. Утас:

(389) *Ūte spikan_{2d} hōlt-dom haļmen_{2d}, soṣsom Ana Sigalet hāv. Tom lād-e ānt dehūp tjoļ vīdn₃, a kasta 'inn-e ot spikan_{2b}. Tēr e spikan_{2b} stū 'ō stāan_{2d} de kroka 'upp ot lūfte_{2b}* ‘В этом сарае держали солому так, как у Анны Сигалет. Ее не складывали в скирду, а бросали в сарай. Там была лестница, чтобы залезть на чердак’;

(390) *Han brūk' gāra fiye-riṅgar_{1d}, ot pīkana_{2e} gjud-ṇ fāl fiye-riṅgar_{1d}. So vā-ṇ po trāske_{2b} mā luska_{2e}, o so tū-en Astrid ot luska_{2b}, a oss tū-en ānt. So tū-on stāinar_{1e} o byrja kast, o Astrid fī 'fast ūte blāsn_{2b}. So gī ve 'girm, gī 'inn ot han spikan_{2e}, o satt hokan_{2e} po dānna_{2b}. Han tū hokan_{2b} 'tjānd, o 'inn bait oss. Han vilt fāšt slō oss, a sānn argeṣte_{2b} gī 'ive nāst-n* ‘Он [Оскар Утас] делал кольца, делал девушкам кра-

сивые кольца. Он был на речке в лодке и взял Астрид в лодку, а нас не взял. Она [Анна Сигалет] взяла камни и начала бросать, и Астрид получила в лоб. Мы стали «тикать», забежали в тот сарай и закрыли дверь на крюк. Он снял крючок и внутрь за нами. Он хотел вначале нас бить, а потом у него прошла злость»;

(391) *Färr po Stad[z]-bakkan_{2b}, tār vā-dār torran musa_{1e}, o mā han musan_{2e} färga ve ägge_{2e} tjōļ pōške_{2d}. A ale bāst vār-e de färg mā sīļ-skālār_{1d}. To brūka ve gō 'nēr tjōļ pōške_{2d} o rammōļ 'nēr äggena_{2c} fron bakkan_{2b}. Tār, ūte han Stads-bakkan_{2e}, vā-dār som ān goņņ_{1b} de gō 'inn ūte-e, o tom toļa, ān tūrke_{2c} grāva 'ūt-n, o ān-e vār so lāmft, ān-e kumār 'ūt ānda ūte stāen_{2e} Bārislav* 'Раньше в Крепости там был сухой мох, и тем мхом мы красили яйца на пасху. А лучше всего было красить луковой шелухой. Тогда мы имели обыкновение на пасху спускаться и катать вниз яйца с холма. Там, в той Крепости, будто бы был ход, чтобы войти внутрь, и говорили, что турки выкопали его, и он был такой длины, что выходил в самом городе Бериславе»;

(392) *Färr vā-dār āin bū_{1a} tēr brāi-vār āin kirke_{1a}. Kirkja_{2a} jār ot āin sī_{1e}, a būe_{2a} vār po ār sīa_{2e}. Ja vāit, ān gamma ķēft tēr āin sēņ_{1a} ot me, o hon vār mā jēndār gāvōļ_{3...} jēn gāvļar_{1d}* 'Раньше был магазин рядом с церковью. Церковь была с одной стороны, а магазин был на другой стороне. Я знаю, что бабушка купила там мне кровать, и она была с железной спинкой... с железными спинками»;

(393) *Tō tīske_{2c} komm 'inn, so hēmd-dom 'upp brāi-vār būe_{2a} tfo männār_{1e}, ān riska mann_{1a} o ān svānsk_{1a}. Brāi-vār būe_{2a} vā-dār tfo trānar_{1d} stūrar, o tēr hēmd rāi rāipena_{2d} ot-dom. Tom hānta tom tfo mēnne_{2e} po slāan_{2d} fron stāen_{2b}, o to-dom fī sī, ān rāipena_{2b} hēņe, so byrja-dom gō 'girm* 'Когда пришли немцы, они повесили у магазина двух человек, одного русского и одного шведа. Рядом с магазином были два больших дерева, и там висели веревки для них. Они привезли тех двоих людей на санях из города, и когда они увидели, что висят веревки и что их хотят повесить, они начали бежать»;

(394) *Tom tū ānan ot SS, o bait krī gav-dom 'ōt-n tī ōr_{1e} de site ōte dopāre_{2d}. Tīske satt 'pō de grāv okōpar_{1d}... Sošsom-on var 'ān uņ so hōle, so tū-dom sānn āin pīk_{1b} fron prāstn_{2b} 'boļt ōte stālle Anna, o Anna blāi sānn mā prāstn_{2b}. Papa mado fārkīla se tēr, njūrana_{2b}, to-dom grāva tom okōpana_{2e}* 'Они забрали одного в СС, и после войны ему дали десять лет тюрьмы. Немцы приказывали копать окопы... Так как она была еще очень молодая, они взяли одну девушку у священника вместо Анны, и Анна потом была у священника. Папа, наверно, простудился там, почки, когда они копали те окопы»;

(395) *Um monnan_{2d} sã t̃iske_{2c} ott oss, än ve ska kër 'üt allar ütär b̃in_{2b}. Han äin dāen_{2e}, än allar kër 'üt tjōļ kvēldn_{2d}, än-dār 'änt jār ija äit sjūn_{1e} e b̃in_{2b}. To-dom kasta oss innot b̃ilen_{2b}, so vār-e-do än ljūst. Tjōļ nōte_{2b} kēd-dom 'üt oss. Rakétana_{2c} l̃ist, än b̃ilen_{2b} sō, kott de kër üta äild_{1c}. Ja kumār änt e hōn_{2e-e}, ko moņ familljar_{1e}, än vār ter-inn üte han b̃ilen_{2e}. Trī b̃ilar_{1d} vā-dār, som-dom tū 'hūp folk_{1c} fron täss fjūr b̃ia_{2e}. Tār vā-do 'än sáldatar_{1d}, som tū o kasta oss, bōnar_{1d} inn-ot b̃ilen_{2b}. Üte b̃in_{2b} blāi-dār änt ija äit levandest sjūn_{1e}* 'Утром немцы сказали нам, что мы все должны уезжать из села. В тот же самый день чтобы все выехали к вечеру, чтобы в селе не было ни одного человека. Когда нас бросали в машины, было еще светло. К ночи нас вывезли. Светили ракеты, так что машина могла ехать без света. Не помню, сколько нас было семей в машине. Было три машины, на которые собирали людей из этих четырех сел. В селе не осталось ни одной живой души';

(396) *Vor gamma hāv äin loik_{1a}, som-on hänta fron Svärge. Hon vār mā bläkke_{1c/2d} umm-gjūd. Rūüär_{1d} vā-dār slikar um loika_{2a} gjūd. In-üte vār trā_{1c/2d}, a üta-po bläkke_{1c/2d}. Täss loika_{2e} hāv ve bara mā oss. T̃iske_{2c} vār hēr näst oss, a po hon ā-š̃ia_{2e} vār r̃isse_{2c}, so sköüt-dom fron hon ā-š̃ia hitt-hēr po t̃iske_{2c}, o gamma grāva 'nēr hon loika_{2e}, tēr som-dār änt kumār ija stāinar_{1e} titt po han fläkken_{2e}, som-on vār nēr-grāva. Ve visst allar, konn loika_{2a} jā-nērgrāva, fōre gamma slāpa-do änt alāina 'üt-on fron stjūe_{2b} de grav 'nēr, alla-dehūp. Üte hon loika lād ve 'inn klēna_{2b}, o hon äin loika_{2e} tū ve bara, to t̃iske_{2c} jāga 'üt oss* 'У нашей бабушки был сундук, который она привезла из Швеции. Он был обделан жостью. Сундук был обделан такими кубиками. Внутри было дерево, а снаружи жость. Только один этот сундук был у нас с собой. Немцы были тут у нас, а с другой стороны были русские, они стреляли с той стороны сюда по немцам, и бабушка закопала тот сундук там, где на него не могли попасть камни на то место, где он был закопан. Мы все знали, где закопан тот сундук, потому что бабушка вытаскивала его не одна из дома, чтобы закопать, все вместе. В тот сундук мы сложили одежду, и только один тот сундук мы с собой взяли, когда нас выгнали немцы';

(397) *Ve hāv kūda_{2d/3}, sṽn₃, hinsār_{1d}, o källan_{2c} fülldār mā katūflar_{1d}, o tunnar_{1d} mā inn-sjūna gürkar_{1d}, kōļ_{1c}, boglezāne, äin ruka_{1b} mā kāvnar_{1d}, blāi allt 'ötār* 'У нас была корова, свинья, куры, подвал, полный картошки, бочки с засоленными огурцами, капустой, куча арбузов, осталось все';

(398) *Fäšt lasta-dom 'pō oss po sáldats-b̃ila_{2b}, tom stūr. A üte b̃in_{2b} blāi-do sáldata_{2c}, t̃iska. Ve vā-do änt alāina, a älv familljar_{1e} vār ve,*

o me oss e räkni_{2b}e so vār 'ō Ana Sigalets. Tom kēd ūta äild_{1c}, tom bīla_{2c}. Tom sköüt rakētar_{1d} 'upp, o tom līst, än-dom sō, kott de kēr. Tom kēd 'inn oss ot än bī_{1a}, ja vāit änt, hōšš-n häit. Bonu_{2b}a, gī ve um bīn o baiddest näst folke_{2b} de jāta. A sō, sō ve ūte skūla_{2d}, tēr var bānkja_{2c} upp-lād ānnan po ana, o tēr sō ve po goļve_{2b}, koļe e gōd_{2b}n, koļe e skūla_{2b}... Tīske_{2c}, tom gāv-do änt iņa jāta ot oss, a he som-de hāv fron häima... ko hāv-de tēr fron häima? Flāsk-bīta₃... 'Вначале нас погрузили на военные грузовики («солдатские машины»), большие. А в селе остались солдаты, немецкие, из-за этого мы не могли вернуться в село. Мы были не одни, нас было одиннадцать семей, вместе с нами была и Анна Сигалет. Они ехали без фар, те машины. Стреляли ракетами, и они светили, чтобы было видно, куда ехать. Нас привезли в одну деревню, я не знаю, как она называлась. Мы, дети, ходили по селу и просили у людей поесть. А спали – спали мы в школе, там были скамейки, поставленные одна на другую, и там мы спали, кто на полу, кто во дворе, кто в школе... Немцы, они нам не давали еду, а то, что было из дома... что было из дома? Кусок сала...';

(399) *Folke_{2b}, fārana_{2b} o mūrana_{2b}, tom satt o vānta, o ko vānt? Hēr vā-đo stjūana_{2b/2c} snāt allar hūp-slāje. Tom, som komm debāks fjōrete-sjūande ōre_{2c} fron Kome... so vā-đo änt, konn de leva, tom satt milla mūrana_{2c}, tom som blāi ōtār, vāggjana_{2b} fron hūsena_{2b}. He äin, än holmen_{2b} vār hēr, än-dom gī o hugg grāinar_{1d} de tākke lūft-vārke_{2b}, tākena_{2b}... 'Люди, отцы и матери, сидели и ждали, а чего ждать? Здесь [в Старошведском] почти все дома были разрушены. Те, которые вернулись в 47-м году из Коми... было негде жить, они сидели среди стен, тех, которые оставались, стены от домов. Одно, что тут была плавня, они ходили и рубили сучья, чтобы крыть крыши...';*

(400) *Mamases küsīn, mamases fāš brūāns_{2c} dūtra_{2c} – Pättār billes dūtra_{2c}, – Anna, gī ätt vatn_{1c}, o āmbare_{2b} satt-on 'inn ot vazon, tōge_{2b} byrja-do rāi kēr, o soļe hann-on änt kroka 'upp, o komm 'inn se unde tōge_{2b}, än-e skār 'ō bāine_{2b} 'ō-on. Tom tīska sāldata_{2c}, som vār 'ō... раненые, verwundt... tom hānta sānn hānaš stōvļar_{1c} o sā fōre oss, än-e skār bāine_{2b} 'ō-on. Blūen_{2b} mado rann 'tjānd frōn-on, o frāse_{2b} kumm ütār um munn_{2b} frōn-on. Kannske, än-on villt sāi nōat, o frāse_{2b} komm 'ūt ütār munn_{2b}. Hon kunt vara än fāmmta-sjāksta ōr_{1c}. A koļe grāva-on, koļe vāit? 'Мамина двоюродная сестра, дочь папиного брата – дочь дяди Петера, Анна, – пошла за водой, и поставило ведро в вагон, поезд уже поехал, и сама она не успела залезть, и попала под поезд так, что ей отрезало ногу. Немецкие солдаты, которые были тоже... раненые, verwundt... они потом взяли ее сапоги и сказали нам, что*

ей отрезало ногу. Наверно, она истекла кровью, и вокруг рта у нее показалась пена. Может быть, она хотела сказать что-то, и изо рта пошла пена. Ей, наверно, было пятнадцать или шестнадцать лет. А кто похоронил ее – кто знает?';

(401) *Sänn frön tēr-frön jāga-dom ōtār 'ūt oss, so kēd ve me vāvān_{2d} ot Tisklan[t]. Tom jāga allar 'ūt frön bīn_{2b}, o tēr blāi bara pólaka_{2c} 'ōtār: Min sistār_{1c} blāi tēr dē, ūte Pōln. Hon vār āit ōr_{1c} o trī mōna_{2c}. Ōo ve kōmm innot stjūe_{2b}, som-dom gāv ott oss, so skōa-on 'upp, ān-e allt jār tummt, vāggjana_{2b} jāra az kvīta frön kōldhāitn_{2b}, o hon spūtta, o sā "Tfu, kaka", ān-e ānt jār faṭṭ e stjūe_{2b}. O tēr grāva ve 'nēr-on e gragōḍn_{2b}. Tēr grāva ve 'ūt hoḷe_{2d} ot-on, bār 'ūt-on ot gragōḍn_{2b}, so vār rāi vatn_{1c} ūte grāve_{2b}. Ān-de ānt sār, ān-de slāppār 'inn kista_{2b} ūte vatne_{2a}, so kasta-dom 'inn frön trāna_{2d} grāina_{2d}, frön jūttrāna_{2d}, inn-ot grāve_{2a} 'Потом оттуда нас опять выгнали, и мы поехали на телеге в Германию. Из деревни выгнали всех, там остались только поляки. Моя сестра умерла там, в Польше. Ей был год и три месяца. Когда мы вошли в дом, который нам дали, она посмотрела, что все пусто, стены аж белые от мороза, плюнула и сказала: «Тфу, кака», потому что в доме было некрасиво. И там мы ее похоронили на кладбище. Там мы выкопали ей яму, отнесли ее на кладбище, и там уже была вода в могиле. Чтобы не видеть, что опускаешь гроб в воду, бросили ветки с деревьев, с елок, в могилу';*

(402) *Tēr gī ve ūte skūla_{2d}. Lāraške_{2b} vār gammōl, o hōre_{2b} kvitt nāst-on, a vār ānt-ān gift, Fräulein Werner. Ja kumār e hōn_{2d}-e... tēr gī ja ūte Gottesdienst, o lād de sjōṇṇ tjōl jūle_{2d}. A han prāstns_{2c} sistra_{2c} spāla po orgān. Han prāstn_{2c}, sēft ān 'upp oss ūte Tisklant. Han sā: "Folke_{2c} jāra stūr-aṭndar o trū ānt po Gū_{1c}, före he, ān-dom ānt hōa iṇa nē_{1c} sīd". A ve gī ūte kirkja_{2d}, före he, ān ve fī gāra 'girm mike, fi sī mike ālnd_{1c} 'Там мы ходили в школу. Учительница была старая, седые волосы, а была не замужем, фройляйн Вернер. Я помню, я ходила там на службу, и учили петь на Рождество. А сестра священника играла на органе. Тот священник, он разыскал нас в Германии. Он сказал: «Люди высокомерные и не верят в Бога, потому что они не видели горя». А мы ходили в церковь, потому что нам пришлось многое пройти, пришлось увидеть много страдания';*

(403) *To-dom jāga 'ūt oss frön Pōln, so sō ve 'ō ūte āit fōr-stall_{1b}, fōr-skūr_{1b}, me fōrena_{2b} dehūp. Dār vār ān āin kālīṇ_{1a}, som hānta ott oss hāitt kofe_{1c} de drikk. Sō ive nōte_{2d}, o um monnan_{2d} kēd ōtār lāṇäre. Vār 'ō soṣṣ, ān hūse_{2d} jār tummt, ānt iṇa āit sjūn_{1c} ūte hūse_{2a}, a po ūen_{2d} stū-e ān o kūka. He vār soṣṣ ūte āit hūs_{1a}; lō nōat po sāṇe_{2b}, vā-nōat fast-tāffṭ mā kvitt tāld₃. A he vār āitt dett sjūn_{1a}, som-dom ānt hann*

grāv 'nēr; jāga 'ūt-dom. O ūte stalle_{2d} vār 'ō, än küdna_{2d} stō, so mölka mama 'ō äin küda_{1b} 'Когда нас выгнали из Польши, мы спали в хлеву, вместе с овцами. Там еще была женщина, которая приносила нам пить горячий кофе. Спали ночью, а утром нас везли дальше. Бывало и так, что дом был пустой, ни души в доме, а на плите стояло и кипело. В одном доме было так: что-то лежало на кровати, что-то было укутано белой простыней. А это был покойник, которого не успели похоронить, их выгнали. И в хлеву было также, что стояли коровы, и мама выдоила одну корову';

(404) *Han, Cашка, som ja lēvd me tjū ōr, han tola före me, höss-e 'ō vār: som-dom jāga 'ūt frōn bīn_{2b}, allar, tom hāv rāi pō-lasta po vāvān_{2d}, än mann_{1e} me sin famillje_{1e}, o han villt änt kēr 'ūt frōn gōdñ_{2b}, frōn sin gōd_{1e}, som-en lēvd ūte. O so, sköüt-do tīske_{2e} 'hjōl-en, o to-en foll 'nēr; so rammļa vānūtäre_{2e} 'ūt frōn taska_{2b} näst-n. Han vā-ḡo än tīsk_{1b}, än tīska mann_{1b}. O külije_{2b} kēḡ sänn soḡe 'ūt me bōna_{2b}, a han blāi e gōdñ_{2b} liggjande* 'Он, Сашка, с которым я прожила двадцать лет, он мне рассказал, как еще было: когда они выгоняли из села всех, они всех уже погрузили в повозку, один мужчина со своей семьей, и он не хотел выезжать со двора, со своего двора, где он жил. И вот, немцы расстреляли его, и когда он упал, из его кармана рассыпались орехи. Он был немец. А жена потом выехала с детьми, а он остался лежать во дворе';

(405) *Ve kēḡ framföre, a riska saldātana_{2e} rāi bāka-po oss. Krī_{1e} vār bākum oss, gī krī, a vi kēḡ framföre. O ve kēḡ äffnast ive Odär_{1e}, hon briggja_{2e}, än ve kēḡ 'upp ütōt vāgen_{2b}, so sprāmd-dom 'upp-on. Ve vār änt-dom ättašt, dār vā-ḡo 'än vāvrrar_{1d} bākum oss po briggja_{2a}, so sprāmd-dom 'upp-on, o gī allt innot vatne_{2b}. Ja gitsar, än-dom änt blāi me līv_{1e}. Ter vākst fāšt büskar_{1d} unde briggja_{2a}. Kannske nōn än hopsa 'nēr frōn hon briggja_{2e}, som vār stēre, äldäre folk_{1e}... Frōn svānske_{2e} vār ve tom ättašt. Bākum oss kēḡ slikar som ve, män änt ija svānskär_{1e}. He vār tīskär_{1d}* 'Мы ехали впереди, а русские солдаты были уже за нами. Бой был за нами, шел бой, а мы ехали впереди. И мы едва переехали через Одер, тот мост, по которому мы ехали («мы ехали вверх по дороге»), как его взорвали. Мы не были последними, были еще повозки за нами на мосту, и его взорвали, и все оказалось в воде. Я думаю, там было не уцелеть. Там вначале росли кусты под мостом. Возможно, кто-то еще прыгнул с того моста, кто был старше, взрослые люди... Из шведов мы были последними. За нами ехали такие же, как мы, но не шведы. Это были немцы';

(406) *Ve kēḡ 'ūt frōn Lisau, ve kēḡ, soḡsom sigana_{2e}, än vāvär_{1e} bait anan, o milla oss vā-dār 'än fūrär_{1d} me sālḡatar_{1d}, tīska. So*

*komm-där än flūar_{1a} flūande, o lāṅs me vōr all fūrar_{1e} flöü-en 'girm
fron än ēnd_{1e} de anan. No, blāi-dom stōande, gī o pātta se, före he
skūts-do allt, koḷe fōr 'fast me tom kūlana_{2e}. Men han komm debáks
flūande o rēd oss änt. Grād he, än-en stuppa hūe_{2b} 'ūt fron flūan_{2b}
o väifsta me hōnde_{2b}, rēd oss änt. He vār än riska flūar_{1b}. Ve kēd me
Ana Sigalets dehūp ūte hon 'äin rōa_{2e}. O so byrja-dom drāa 'nēr sin
gammōl-mūār_{1e} fron vāvān_{2b} de pātī boṭṭ-še, o hon skrīa o villt änt:
"Lāt-dom skjūt 'xjōl me, som 'soṣṣ de pīnas" 'Мы выехали из Лисау,
мы ехали как цыгане, одна повозка за другой, и среди нас были
фуры с солдатами, немецкими. И прилетел самолет, и проле-
тел вдоль всех наших фур с одного конца до другого. Ну, они
остановились, пошли и спрятались, потому что ведь все рас-
стреливается [т. е. все боеприпасы должны быть использованы
в течение вылета], кому попадут пули. Но он прилетел назад
и не тронул нас. Только то, что он высунул голову из самолета
и помахал нам рукой, не тронул нас. Это был русский лет-
чик. Мы ехали вместе с Анной Сигалет в одном и том же ряду.
И они начали стаскивать свою бабушку, чтобы спрятаться,
а она кричала и не хотела: «Пусть меня расстреляют, чем так
мучиться»»;*

(407) *Ve kunnt-do änt kēr 'inn ot bīn_{2d} nóstáll, före tom stū
po vēga_{2e} o vafta, tiska saldata_{2e}. Tom stakkaṣ āikja_{2e} ōt fron trāna_{2d},
сосны, tom nōlana_{2d} fron trāna_{2d}... vār huṅṅra... To ve kēd, so vār-e
'ō, än iṅen änt slāppār 'inn-de ot stjūe_{2d} de sōa, sō po gatna_{2d}. Āikja_{2e}
fō-do 'ō kvīlas. A äin goṅṅar vār-e, som äina tū 'an oss som folk_{1e}, gāv
ot oss jāta o roka han lill, som mama fēd po vēgen_{2d}, o lād 'inn oss po
sānjana_{2d}, unde būlstrena_{2d} sō ve 'Мы не могли нигде заехать в село,
потому что они стояли по дорогам и охраняли, немецкие солдаты.
Бедные кони ели с деревьев [с сосен], иголки с деревьев... были
голодные... Когда мы ехали, было и так, что никто не пускал в дом
спать, спали на улице. Кони же тоже должны отдыхать. А один раз
было, что одна приняла нас как людей, дала нам поесть и искупала
малого, которого мама родила на дороге, и уложила нас на кровати,
мы спали под перинами»;*

(408) *To ve vār e Tiskland ūte lāgüre_{2b/2d}, tom gāv brē_{1e/2d} ot oss,
o ve ōd änt 'upp-e allt, o so torrkā ve skorpar_{1d}. Ve kroka 'upp po tāke_{2b}
o torrkā-e, skār 'sundār-e tjōl skorpar_{1d} de torrk. Ve torrkā 'upp än
hāildār sākk_{1b} fülldār skorpar_{1d}, so hāv ve de jāta po vāgen_{2d}. He vār
fjörete-fāmmt öre, to-dom kēd oss ot Komi 'Когда мы были в Герма-
нии в лагере, нам давали хлеб, и мы не все съедали, мы сушили
сухари. Мы залезали на крышу и сушили его, разрезали сушить*

на сухари. Мы засушили целый мешок сухарей, и нам было что есть в дороге. Это было в 45-м году, когда нас везли в Коми’;

(409) *Mama fēd po vāgen_{2d}, to ve kēd ot Tiskland. Tēr, som-on fēd, pólaka_{2c} gāv äin tākke_{1b}, hon som-dom täfft äiken_{2b/2d} 'fast. Äiken_{2b/2d} darrar 'ō. Papa gjūd 'upp äin butk_{1b} ive vāvān_{2b}, kibít₃, gjūd-ŋ som äit tāk_{1b} po vāvān_{2b}. Fäšt, före he, än mama änt-än fēd po vāgen_{2d}, so lō ve all trī po vāvān_{2b}, ja, Maria o Andréas, o so snīd-e, tākka_{2b} snīd-e 'fast. Tēr kunt-dom skoka 'tjānd snjūen_{2b}, o otār täfft 'fast oss, än ve änt ska blī vōtar fron snjūen_{2b}. Sošsom ve jära-do täföre varmar, so lēndār snjūen_{2b}. Hon fēd än poike_{1b}, o han blāi mā līv_{1c}. Tēr gī papa de mald 'an se, o komm än gamlan tiska mann_{1a}, o han gräit, han lill, som mama fēd. So frōa-en: “Ko, äit lītet bōn_{1b} grōtār näst jār?” So sā gamma: “Ja, po vāgen_{2c} fēdest he, he bōne”. “Ko, – säiä-ŋ, – po vāgen_{2c} fēdest-e, o po vēgen blīār-e o dett, gōr-e ō färlōra”. Soš skēdd-e. Gamlan mā stoka₃, kimpatār ‘Мама родила на дороге, когда мы ехали в Германию. Там, где она родила, поляки дали нам одеяло, которым они укрывали коня. Конь тоже дрожит. Папа сделал навес над телегой, кибитку, он сделал как бы крышу на телеге. Вначале, перед тем, как мама родила в пути, мы все трое лежали на телеге, я, Мария и Андреас, и шел снег, одеяло засыпало снегом. Они стряхивали снег, и опять укрывали нас, чтобы мы не стали мокрыми от снега. Она родила мальчика, и он выжил. Папа ходил отмечаться, и пришел немецкий старичок, а он плакал, тот малой, которого мама родила. И он спросил: «Что, у вас плачет маленький ребенок?» И бабушка сказала: «Да, он родился на дороге, тот ребенок». «Что же, – говорит он, – на дороге он родился, на дороге и умрет». Так и получилось. Старый, с палкой, горбатый’;*

(410) *Han mado fröüs so hōle, tån poike_{1c}, som mama fēd po vāgen_{2d}, han inkja se, soš äit gamāt sjūn_{1b}. Ūte hūse_{2b}, som-dom säi “Hūs колхозников”, tēr blāi ve ive nōte_{2d}, före äikja_{2b} fō-do 'ō kvīlas o jāta. O han vār rāi tēr som dēār. Tēr vā-dār än jēndār ū_{1a}, o so ve vā-đo änt alāina, vār än folk_{1c}. Tom gī o plukka ter-inn äin brāa_{1b} 'tjānd, o hogg 'sundār-on, o tjēnt 'unde han ūen_{2c}, o to-e blāi varmt, komm-en 'tjō-še. A to ve rāi vā-tēr po ställe_{2b}, so blāi-en dēār. Komm papa, so slāpa-dom 'ūt-n ot gragōdñ_{2b}, papa ō mama, o grāva 'nē-ŋ. O sānn, tät ve gī de gāra grāve_{2b}, so hitt ve änt pō hon grāve_{2c}. Mado vā-šo nār mut vāgen_{2b}, än-dom kēd mā slāana_{2c} ot Kopkercoc, so ma-dom-do slāpa 'ūt he košše_{2c} mā slāan_{2d}. He košše_{2c} kunt 'ō fall 'umm, to-e lēntest upp, han snjūen_{2c} o jūde_{2b}. Hans namm_{1c} vār Jōhānnes. Mamases brūāñ_{2c} häit 'ō Jōhānnes ‘Он, наверно, сильно промерз, тот мальчик, которого мама родила в пути, он стонал, как старый человек. В доме, который назывался*

“Дом колхозников”, там мы остались переночевать, потому что лошадям же тоже надо отдохнуть и поесть. И он уже был там как мертвый. Там была железная печь, и мы были тогда не одни, были ещё люди. Они пошли и оторвали доску и разрубили ее, растопили печку, и когда стало тепло, он отошел. А когда мы были уже на месте, он умер. Пришел папа, и они понесли его на кладбище, папа и мама, и похоронили его. И потом, когда мы пошли делать могилу, мы не нашли ту могилу. Наверно, было очень близко к дороге, что ездили на санях в Корткерос, поэтому могли вытащить крест санями. Крест мог также упасть, когда растаяло, снег и земля. Его имя было Йоханнес. Маминого брата тоже звали Йоханнес’.

Заключительные наблюдения

§ 56. Сделав описание конкретных случаев употребления артиклей, необходимо попытаться сформулировать общие принципы функционирования категории определенности в диалекте. В зависимости от степени строгости в распределении артиклей, в диалекте можно выделить две группы контекстов: ту, в которой артикли употребляются достаточно предсказуемо, и ту, где закономерности их употребления размыты. В первой группе употребление артиклей подчиняется двум факторам: индивидуализированности объекта и его известности участникам данной речевой ситуации. Именно эти факторы следует считать решающими для выбора того или иного артикля в диалекте. Индивидуализация подразумевает акцент в сознании на признаках, выделяющих объект среди объектов того же класса, т. е. в базовом случае это конкретный осязаемый предмет со своими уникальными признаками и свойствами. Только индивидуализированный предмет может быть «известен» либо одному из участников коммуникативной ситуации, либо всем участникам. Если предмет не индивидуализирован, то у него нет тех признаков, которые делают его «известным» в ситуации общения. Точнее, эти признаки не важны, а важно, например, лишь то, что это предмет, вообще относящийся к данному классу. В этом случае в сознании нет представления о конкретном осязаемом предмете, оно не актуализирует какие-либо индивидуальные признаки предмета. Поэтому о неиндивидуализированном предмете нельзя сказать, ни что он «известен», ни что он «неизвестен» в данной речевой ситуации: у него нет

индивидуальности, которая бы делала его идентифицируемым и «известным». Логично было бы предположить, что в этом случае должна употребляться какая-то третья форма, а определенный или неопределенный артикль. Действительно, в диалекте немало примеров такой формы – а именно НФ исчисляемых существительных без артикля. Однако ее употребление ни в коей мере не является более предпочтительным, чем употребление ОФ или НФ с артиклем. Создается ситуация, когда все артикли как бы уравниваются в правах и начинают употребляться недифференцированно.

Итак, в случае, если индивидуализированный объект известен не всем участникам коммуникативной ситуации, а только автору высказывания, используется неопределенный артикль (в том случае, если он допускается лексическим значением существительного). Если индивидуализированный объект известен всем участникам ситуации, используется определенный артикль. Распределение артиклей в этих случаях образует привативную оппозицию, если воспользоваться термином фонологии. Однако эта оппозиция действует только для индивидуализированных объектов; если объект не индивидуализирован, данная оппозиция в значительной степени нейтрализована. Это касается контекстов, в которых предмет (или лицо) категоризирован, но его идентификация не требуется, вследствие чего нет речи о конкретной индивидуальности. В таком контексте может использоваться практически любая форма: и НФ с артиклем (§ 26), и ОФ (§ 34), и НФ исчисляемого существительного без артикля (§ 40). Эти формы находятся, по существу, в свободном варьировании. По-видимому, именно в этом разгадка повышенной частотности употребления определенной формы в шведских диалектах Эстонии. Здесь необходимо иметь в виду одно важное обстоятельство: при всей многочисленности примеров, далеко не все они позволяют судить о возможных альтернативах. Так, в предложении может быть употреблена ОФ в категоризирующем значении, однако мы не знаем, насколько возможно заменить ее на какую-либо другую форму. Тем не менее имеются примеры, которые позволяют делать вывод о варьировании и альтернативах, так как в них в идентичных или очень близких контекстах используется как ОФ, так и НФ без какой-либо прослеживаемой закономерности. Некоторые из этих примеров даны ниже.

§ 57. Колебание между НФ исчисляемого существительного с артиклем и ОФ:

(411) *Mä än skuta skuta-de gatna, än-de kann räps-e* «Стругачкой» подрезают траву на улице, чтобы можно было пройтись граблями' и *Mä filan kvässä-de sōga* «Напильником точат пилу'. Заметим, что и в том, и в другом предложении использовано местоимение *-de* 'ты' в неопределенно-личном значении, что дополнительно подчеркивает общий характер высказывания и отсутствие индивидуализации. Ср. также употребление НФ *äin hont* и ОФ *ēra* в примере 274.

§ 58. Колебание между НФ исчисляемого существительного без артикля и ОФ:

(412) *Paṭṭana jära bātrare de höld de slaft, före än-dom väks fiksare 'üt. Üte ställe gässär kann-de tḡo goṇṇar slaft paṭṭar. Üte gōse jār mäiäre kätt üte briste, a paṭṭ hā-ḡo līte* 'Уток держать на убой лучше, потому что они растут быстрее. Вместо гусей можно два раза зарезать уток. На гусе больше мяса на груди, а у утки мало';

(413) *Sänn maṇṇla-de ütär kvaṭána mä maṇṇl-stukken häldär mä glās* 'Потом раскатываешь его [тесто] скалкой или бутылкой'.

§ 59. Колебание между НФ исчисляемого существительного без артикля и НФ исчисляемого существительного с артиклем:

(414) *...O rütdär stubb fron äit mülket trā... äit trā, som var ḡ-brütest, o stubben bläi... han kann 'ḡ glimpas, o to kumä-de titt nārare, sīa-de, än-e jār än boṭṭ-mülkna stubb* 'И гнилой пень от трухлявого дерева... дерево, которое поломалось, и остался пень... он тоже может светиться, и когда ты подойдешь туда поближе, увидишь, что это трухлявый пень';

(415) *Äin rāv jār som-de trampar 'girm üte rigoḡṇ... trampar än stīg: to-de däilar-e, gära-dom rāv milla* 'Межа – это то, что протаптывают в огороде... протаптывают тропинку: когда делят его, делают в середине межу';

(416) *Üte hon trāske drunkna 'ḡ än poiike. Han vār krimplij, kunnt änt gō som-e gehēs* 'В той речке утонул мальчик. Он был калека, не мог ходить как надо' и *Nō jā-ṇ soḡe än krimplij* 'Теперь он сам калека'.

§ 60. Колесание между НФ неисчисляемого существительного и ОФ:

(417) *De gära kät-korvar, tå-де tom grann tarma, hällä-де 'üt sköne o släim ütär tarma* 'Чтобы сделать колбасу, берешь тонкие кишки, вымываешь грязь и слизь из кишок' (и *skön*, и *släim* – неисчисляемые существительные среднего рода, т. е. они морфологически однотипны);

(418) *Me kärä kē-де 'üt smöl, buskas-sköne ütöt rigoḁn* 'На тачке вывозят мусор, навоз в огород';

(419) *Tēr räiff-dom 'ō mōan_{опр.} hældär sī-kät_{неопр.} Sī-käte jär... me röü-bäina* 'Там также коптели желудки («желудок») или бок. Бок – это мясо с рёбрами';

(420) *Ve häv än cenapator, som ve släfft mölke_{опр.} girm, gräddn_{опр.} aläina, a mölke_{опр.} aläina. So kēna mama smēr_{неопр.}* МП 'У нас был сепаратор, которым мы сепарировали молоко, сливки отдельно, а молоко отдельно. Мама была масло'.

§ 61. Колесание между НФ исчисляемого существительного с артиклем и ОФ множ. числа:

(421) *Skūa gnī, än stöväl gnār* 'Ботинки трут, сапог трёт'; ср. ОФ существительного *stöväl* в похожем контексте: *Han skūen [§ 22] kann knark, hældär stövän* 'Ботинок может скрипеть, или сапог'.

§ 62. Колесание между ОФ и НФ во множественном числе:

(422) *Tom häv jūd, som-dom satt allt: kadeflar_{НФ}, o būraka_{ОФ}, o sīpöl* МП 'У них была земля, где они сажали всё: картошку, и бураки, и лук';

(423) *Po dīna stū än kärps, som-en häv üt-sküre: näsa, tündäre_{ОФ} o öüar_{НФ}, so skā-ḅ girm-en* МП 'На подушке стояла тыква, которую он вырезал: нос, зубы и глаза, он её вырезал изнутри';

(424) *Te lasta-dom 'inn oss üte än slikär вагон, som-dom kēr kolār_{1д}, hästar_{1д}, küdnar_{1д}* МП 'Потом нас погрузили в такой вагон, в котором возят уголь, лошадей, коров';

(425) *Tär-häim bläi küdna_{ОФ}, üte stjū bläi allt tär-inn, o svīna_{ОФ}, o hinse, o güssär_{НФ}, o paṭṭar_{НФ}* МП 'Дома остались коровы, в доме осталось все, и свиньи, и птица, и гуси, и утки'. Здесь можно было бы предположить, что для коров и свиней использована ОФ, а для гусей и уток – НФ, так как коров и свиней в хозяйстве численно меньше и поэтому они представляются более «конкретизирован-

ными». Однако в другом месте в рассказе о тех же событиях тот же информант использует НФ и в отношении коров и свиней, что, на наш взгляд, является ярким свидетельством свободного варьирования между ОФ и НФ;

(426) *To tīskēn fī gō debāks, so jāga-dom oss 'ūt allar. Fī ve läiv kūdnar o svīnar, allt fī blī ūte stjū* 'Когда немцу пришлось отступить, нас выгнали всех. Нам пришлось оставить коров и свиней, все осталось дома'.

§ 63. По-видимому, имеется ограничение на использование ОФ при отсутствии индивидуализации или идентификации предмета, заключающееся в том, что если в данной ситуации четко подразумевается единичность, то исчисляемое существительное будет, скорее всего, использовано с неопределенным артиклем:

(427) *Ja stāitt 'fast-n o slō 'ūt ān bīta, o nō rostast-e* 'Я ее [кастриюлю] надбила и отбила кусочек, и сейчас оно заржавело';

(428) *Ja korestar oft 'upp-e, ivār ān dā* 'Я часто убираю, через день';

(429) *Hundra tji rōbāl de kēp āitt brē* МП 'Сто двадцать рублей за буханку'.

В таком контексте сохраняется, хотя и в стертом виде, историческое значение неопределенного артикля как числительного «один». Поскольку здесь трудно провести четкую границу между числительным и артиклем, такие случаи нельзя считать примерами чисто артиклевого употребления.

§ 64. Итак, еще раз подчеркнем, что в диалекте имеются две группы случаев контекстов: те, в которых противопоставление НФ и ОФ соблюдается достаточно строго, и те, где оно в значительной мере нейтрализовано (случаи, когда ОФ или НФ диктуется словами, синтаксически связанными с существительным, здесь не принимаются в расчет). К первой группе относятся случаи antecedentного употребления неопределенного артикля (§ 25), анафорического и дейктического употребления определенного артикля (§ 29–32). Вторую группу образуют прежде всего случаи употребления артиклей в категоризирующем значении (§ 26, 34–35, 4) и при обозначении совокупности и класса (§ 33).

Примечания

- ¹ *Rosenkvist H.* Estlandssvenskarna – en historisk och språklig bakgrund // H. Rosenkvist (ed.). Estlandssvenskarnas språkstruktur. Göteborg, 2018; *Маньков А.Е.* Дialeкт села Старошведское: обзор морфологии // Мир шведской культуры: Сборник статей / Под ред. Т.А. Тоштен-даль-Салычевой. М., 2013. С. 55–105.
- ² *Freudenthal A., Vendell H.* Ordbok öfver estländsk-svenska dialekterna. Helsingfors, 1886.
- ³ *Karlgren A.* Gammalsvenskby: Uttal och böjning i Gammalsvenskbymålet // Svenska landsmål och svenskt folkliv. B. 56. Stockholm, 1953.
- ⁴ Подробнее о лингвистической ситуации в селе и судьбе диалекта см.: *Маньков А.Е.* Дialeкт села Старошведское: некоторые итоги и перспективы изучения // Малые языки в большой лингвистике / Под ред. К.П. Семёновой. М., 2018. С. 125–131.
- ⁵ *Mankov A.* The Dialect of Gammalsvenskby: an Outline of its Phonology // Svenska landsmål och svenskt folkliv, 2019.
- ⁶ *Маньков А.Е.* Дialeкт села Старошведское: обзор морфологии... С. 55–105.
- ⁷ *Маньков А.Е.* Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. № 2 (24), 2011. С. 32–43.
- ⁸ *Маньков А.Е.* Дialeкт села Старошведское: материалы к описанию прилагательных и местоимений // Вестник ПСТГУ: Филология. № 3 (25), 2011. С. 37–54.
- ⁹ *Маньков А.Е.* Словоизменение глаголов в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ: Филология. № 2 (28), 2012. С. 7–25.
- ¹⁰ *Маньков А.Е.* Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ: Филология. № 2 (20), 2010. С. 92–111.
- ¹¹ *Маньков А.Е.* Скандинавский остров в славянской языковой среде: Дialeкт села Старошведское: имя существительное // Slovene: International Journal of Slavic Studies. 2013. Vol. 2. No. 1. С. 60–110; *Idem.* A Scandinavian Island in a Slavonic Linguistic Environment: The Dialect of Gammalsvenskby: Nouns (Paper 2) // Slovene: International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3. No. 1. P. 120–170; *Idem.* Дialeкт села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка: Имя существительное (тип m. 2a) // Вестник ПСТГУ: Филология. 2016. № 1 (46). С. 67–78; *Idem.* Дialeкт села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка: Имя

- существительное (тип m. 2b) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 1. С. 34–51; *Idem.* Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка: Имя существительное (тип m. 3) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 2. С. 115–134.
- ¹² Маньков А.Е. Суффиксальное словообразование существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ: Филология. 2013. № 1 (31). С. 21–31.
- ¹³ Маньков А.Е. Проблема структурных изменений в исчезающем языке // Вестник ПСТГУ: Филология. 2013. № 2 (32). С. 30–44; *Он же.* О причинах некоторых языковых изменений (на примере диалекта села Старошведское) // Номо omnivm horarvm. Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова / Под ред. А.В. Белоусова, Е.В. Илюшечкиной. М., 2020. С. 340–353.
- ¹⁴ Mankov A. Slavonic Loanwords in the Dialect of Gammalsvenskby // Svenska landsmål och svenskt folkliv. 2018. P. 29–74.
- ¹⁵ Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (a – brist-bäin) // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2014. № 3 (38). С. 91–130 (и последующие номера этого журнала).
- ¹⁶ Mankov A. Dialekten i Gammalsvenskby: att gora den negligerade rosten hord [Электронный ресурс]. Sverigekontakt. 2018. No. 4. P. 25–29. URL: <http://www.sverigekontakt.se/wp/tidningsarkiv/> (дата обращения 23.07.2020).
- ¹⁷ Дифтонгоид [e:ⁱ] произносится внутри морфем, например *h[e:ⁱ]n* ‘курица’, [e:ⁱ]ra ‘ухо’; [e:] (долгое закрытое *e*) произносится в конце морфем: *br[e:]* ‘хлеб’.
- ¹⁸ Дифтонги обычно выступают в кратком варианте перед долгими согласными и группами согласных, при этом второй элемент произносится сверхкратко, например *g[ɛi]glar* ‘жабры’, [œu]ks-brūn ‘бровь’.
- ¹⁹ Ср.: Lagman E. En bok om Estlands svenskar 3A. Stockholm, 1979. S. 82; Andréasson M. Estlandssvenskan och bestämdheten // H. Rosenkvist (ed.). Estlandssvenskarnas språkstruktur. Göteborgs universitet; Institutionen för svenska språket, 2018. S. 152.
- ²⁰ О типах склонения существительных в диалекте см.: Маньков А.Е. Словоизменение существительных в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ: Филология. 2011. № 2 (24).
- ²¹ Danell G. Nuckömalet. Stockholm, 1905–1934. S. 229. Для краткости мы приводим эти формы в нашей системе записи; Данелль использует шведский диалектный алфавит.

- ²² Маньков А.Е. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское // Вестник ПСТГУ: Филология. 2010. № 2 (20), С. 104–106.
- ²³ Детально об этом типе склонения см.: Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: опыт описания морфологии неизученного языка: Имя существительное (тип m. 3) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 2. С. 115–134.
- ²⁴ См. их список в статье: Маньков А.Е. Грамматические категории существительного в диалекте села Старошведское... С. 98.
- ²⁵ Единственный топоним, встречающийся как в ОФ, так и НФ – *Nēpär* / *Непрѣн* 'Днепр'.
- ²⁶ Отметим, что тема-рематический принцип действует, по-видимому, и на уровне морфологии. Этим принципом в индоевропейских языках можно объяснить расположение словоизменительных аффиксов после корня, а не перед ним, т. е. корень является темой, окончания – ремой.
- ²⁷ См.: Маньков А.Е. Диалект села Старошведское: опыт составления словаря исчезающего языка (a – brist-bäin) // Вестник ПСТГУ: Филология. 2014. № 3 (38). С. 91–130 (и последующие выпуски).

Сведения об авторах

Виркала Моника, начальник Отдела поддержки и развития талантов (Шведский институт, г. Стокгольм), преподаватель шведского языка и перевода в Стокгольмском университете и университете г. Таммерфорс (Финляндия)

Гернер Кристиан, доктор философии, профессор эмеритус истории Лундского университета, профессор Уппсальского университета (1994–2002), член Королевской шведской академии военных наук, Королевской шведской академии военно-морских наук, Финской академии наук

Де Геер Ханс, доктор философии, профессор истории бизнеса и бизнес-этики Высшей школы экономики (Стокгольм), старший советник Центра по истории бизнеса и консалтинговой компании “Hallvarson&Halvarsson”

Жильцова Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Заботкина Вера Ивановна, доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству, директор центра когнитивных программ и технологий Российского государственного гуманитарного университета

Калинина Екатерина Андреевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыковедения РГУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Карапетянц Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор, директор Института международных транспортных коммуникаций, зав. кафедрой ЮНЕСКО «Этика науки и технологии, устойчивое развитие и транспортные системы» ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

Картамышева Елизавета Петровна, кандидат исторических наук, преподаватель шведского и английского языков

- Коженова Ирина Васильевна*, кандидат искусствоведения, профессор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского
- Кокка Урте*, доктор философии, преподаватель истории, философии и исторической дидактики в Институте Фридриха Майнеке (Свободный университет Берлина)
- Кокка Юрген*, доктор философии, почетный доктор Уппсальского университета, преподаватель истории и социальной истории в Билефельдском университете (1973–1988), Свободном университете Берлина (1988–2009), Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (2009–2015)
- Маньков Александр Евгеньевич*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, старший научный сотрудник Центра лексикографических исследований Свято-Тихоновского гуманитарного университета, приглашенный преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
- Матыцина Ирина Витальевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова
- Мельникова Елена Александровна*, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Плевако Наталия Сергеевна*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра северных стран Института Европы РАН
- Репина Лорина Петровна*, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета
- Росен Стаффан*, доктор философии, профессор эмеритус Стокгольмского университета (Швеция), член Шведской королевской академии словесности, истории и древностей, почетный доктор РАН, вице-канцлер Капитула Королевских орденов при Королевском дворе в Стокгольме (2010–2019)
- Савельева Ирина Максимовна*, доктор исторических наук, научный руководитель Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, заслуженный профессор Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Сандборг Ханна, преподаватель Российско-шведского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета, аспирант Тбилисского государственного университета

Селунская Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Свенссон (Васильева) Светлана Яковлевна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Стокгольмского университета

Тимофеева Марина Алексеевна, член международной Ассоциации искусствоведов

Толстиков Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Петрозаводского государственного университета

Тоштендаль Рольф, доктор философии, профессор эмеритус истории Уппсальского университета, член Шведской королевской академии словесности, истории и древностей, почетный член Уральского отделения РАН, почетный доктор Российского государственного гуманитарного университета

Фоменкова Анна Владимировна, кандидат исторических наук, помощник Посла Швеции в РФ

Чекалина Елена Михайловна, доктор филологических наук, профессор, завкафедрой германской и кельтской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Чичуга Марина Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, аудиовизуальных и научно-технических архивов Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Шебалдина Галина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Щеглов Андрей Джолинародович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Information about the authors

Chekalina Elena, Doctor of Sciences in Philology, Professor, Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Moscow State Lomonosov University

Chichuga Marina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Documentary Sciences, Audiovisual, Scientific and Technical Archives, Russian State University for the Humanities (Moscow)

Fomenkova Anna, Candidate of Sciences in History, Personal Assistant of the Ambassador of Sweden in Russian Federation

de Geer Hans, Dr. phil., former Professor in Business History and Business Ethics at Stockholm School of Economics (Stockholm), Senior Advisor at the Centre for Business History and Consultancy “Hallvarson & Halvarsson”

Gerner Kristian, Dr. phil., Professor Emeritus of History, Lund University, Professor of East European History and Culture, Uppsala University in 1994–2002, a member of the Finnish Society of Sciences and Letters, Royal Swedish Academy of War Sciences, Royal Swedish Society of Naval Sciences

Kalinina Ekaterina, Candidate of Sciences in Culture, Associate Professor, Department of Musicology, Russian State Kosygin University (Technology. Design. Art) (Moscow)

Karapetyants Irina, Doctor of Sciences in History, Professor, Director of the Institute of International Transport Communications, Head of the UNESCO Chair “Ethics in Science and Technology, Sustainable Development and Transport Systems”, Russian University of Transport (Moscow)

Kartamysheva Elizaveta, Candidate of Sciences in History, Teacher of Swedish and English

Kocka Jürgen, Dr. phil., Dr. h.c. mult., M.A., taught Modern History and Social History at the University of Bielefeld (1973–1988), the Free University of Berlin (1988–2009), a Visiting Professor at UCLA (2009–2015), a Permanent Fellow of the Centre “Work and Life Course in Global Historical Perspective” at Humboldt University Berlin

Kocka Urte, Dr. phil., taught History and Philosophy at the Gymnasium and History Didactics at the Friedrich-Meinecke-Institut of the Free University in Berlin

Kozhenova Irina, Candidate of Sciences in Art Criticism, Professor, Moscow State Tchaikovsky Conservatory

Mankov Alexander, Candidate of Sciences in Philology, Senior Researcher at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher at St Tikhon's University for the Humanities, Lecturer at the National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)

Matytsina Irina, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Germanic and Celtic Philology, Moscow State Lomonosov University

Melnikova Elena, Doctor of Sciences in History, Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Plevako Natalia, Candidate of Sciences in History, Leading Researcher, Director of the Centre of Nordic Countries, at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Repina Lorina, Doctor of Sciences in History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department of Theory and History of the Humanities, Russian State University for the Humanities (Moscow)

Rosén Staffan, Dr. phil., Professor Emeritus, Stockholm University, member of the Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities, Dr. h.c. of the Russian Academy of Sciences, Vice Chancellor of the Royal Orders of Knighthood at the Royal Palace in Stockholm (2010–2019)

Sandborgh Hanna, Swedish Lecturer at Russian-Swedish Educational and Research Centre of the Russian State University for the Humanities, Graduate Student, Tbilisi State University

Savelieva Irina, Doctor of Sciences in History, Academic Director of Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Distinguished Professor, School of History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow)

Selounskaya Natalia, Doctor of Sciences in History, Professor, Distinguished Professor of Faculty of History, Moscow State Lomonosov University

Shcheglov Andrei, Doctor of Sciences in History, Leading Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Shebaldina Galina, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

Svensson (Vasilyeva) Svetlana, Candidate of Sciences in Art Criticism, Researcher at Stockholm University

Timofeeva Marina, member of the International Association of Art Critics

Tolstikov Alexander, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Foreign History, Political Science and International Relations, Petrozavodsk State University.

Torstendahl Rolf, Dr. phil., Professor Emeritus of History, Uppsala University, Dr. h.c. at the Russian State University for the Humanities, Member Honoris Causa of the Russian Academy of Sciences (Ural Department), Member of the Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities

Wirkkala Monika, Head of Talent Unity (Swedish Institute, Stockholm), teacher of Swedish at Stockholm University and Tammerfors University (Finland)

Zabotkina Vera, Doctor in Philology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation, Director of the Center for Cognitive programmes and technologies, Russian State University for the Humanities (Moscow)

Zhil'tsova Elena, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Department of Germanic and Celtic Philology, Moscow State Lomonosov University

Abstracts

Theory and History

Vera Zobotkina

The contact of two cultures: mental models, language structures and cognitive mechanism

The paper concentrates on the cognitive analysis on the two cultures in contact. We consider the triad “real world-knowledge/cognition-word” building on the theory of cogno-lingua-cultural studies. The main problem of the concept “culture” is the question of balance between universal and culture-specific aspects which is a manifestation of dialectical law of “general and specific”. We try to shed some light on the interface between the universal and culture-specific aspects in the meaning of the word. The paper also investigates the cognitive mechanisms underlying the contact of two cultures specifically intercultural dialogue.

Keywords: culture, cognitive anthropology, mental lexicon, cognitive mechanisms, mental space, intercultural dialogue

Jürgen Kocka

The Splendour and Tribulation of Social Democracy.
A Historian's View

The German Social Democratic Party (SPD) has a proud history. This essay sketches four periods of Social Democratic strength in which the party contributed much to the social and political progress of Germany: 1870s–1914, the Weimar Republic as well as 1966–1982 and 1998–2005 when Social Democratic chancellors shaped German politics: Willy Brandt, Helmut Schmidt and Gerhard Schröder. In the meantime, Social Democrats in Germany like in other European countries have suffered deep losses and experienced phases of steep decline.

This essay perceives the SPD as the classic party of mediation. It analyses the social and political sources of its strength over one and a half centuries. It discusses the reasons of its recent decline and its present weakness. Whether this is a passing crisis or the end of a great historical project remains to be seen.

Keywords: Social Democracy; German History: 1870s to the present; social bases of democratic government

Lorina Repina

Cross-Cultural Communications
in the Perspective of Histoire Croisée

The spacial turn in the historiography of the early 21st century has among other things led to attempts of scholars to build the historical narrative in the framework of patterns of cultural dialogue. As a result, there has emerged a large corpus of works dealing with various aspects of cross-cultural dialogue, mainly in the framework of the study of the role of ethnic and national stereotypes. This article analyses this corpus and identifies a number of key methodological issues that require further theoretical elaboration. The topic of the article is the role of psychological component in the formation of ethnic notions viewed as a mixture of sober observations, emotions and prejudices. The article also studies inevitable contradictions between certain elements in the images of the Other in the related cultures and points to the necessity of taking into account such issues as the social and group-oriented differentiation of foreign-culture notions, mechanisms of their redesignation, spacial and temporal perspectives of their functioning as part of the multilayer cultural heritage.

Keywords: cross-cultural communication, dialogue of cultures, collective memory, identity, cross-historical perspective

Irina Savelieva

Spacial Turn and World History

This article studies the transformation of world history, the response of this discipline both to scientific and post-modernist theoretical challenges as well as to the new ethical agenda of the present day. In the last decades, world history has reclaimed its leading positions due to the diversification of its topics and its being founded on

achievements of new social and natural sciences, including attempts at integrating geography, biology, geology, astronomy, physics. Due to this, world history has come to encompass virtually everything that exists, i.e. from the natural to the spiritual, from history of beliefs and language transfers to history of microbes and animals in the expanses of the world.

The aim of this article is to identify the laboratory of research into the global historical space, i.e. the topic range, new notions and patterns, classifications, reconsidering basic categories, orientation towards the new social sciences, self-consciousness of the subdiscipline. The author of the article specifies the cognitive functions of the renewed world history as those structuring (the framework) and those method-related (the optics).

Keywords: world history, global history, historical space, scientific, social sciences, nature, transfer, post-colonialism

Natalia Selounskaya

The Image of History and Profile of the Historian in the Context of Historiographic Discourse

This article deals with exemplifications of various models and images of history in the context of historiographic discourse that has taken place in Russia since the 19th to the early 21st centuries. It discusses concepts of prominent pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet Russian historians and demonstrates national features in the development of historical education at Moscow University, its role in the formation of the historian's professional identity through social communication and exchange of culture-related senses in comprehending aesthetic values.

Keywords: historical memory, culture-related senses, professional identity, image of history, social communications

Rolf Torstendahl

Historiography and Theory

This article focuses on the relation between theory of history and historiography as it is practised by historians. Object for the analysis are theoreticians of various sorts, from professors of philosophy to persons working with history-writing, all of them active in the pe-

riod from the early nineteenth century to the present. The intention is to examine what they have written on the theory of history, and how their conceptions match with what historians have conceived as historical accounts. Theoreticians from Fichte to Hayden White have proposed a great variation of notions for the conception of history, and many of them have in common a complete disinterestedness for how practising historians work. Only few of them, including Collingwood, Mandelbaum and the historian Braudel, have tried to combine theory of history with an understanding of the historian's work, but they have become neglected in recent theory. The conclusion is that theory of history has separated itself from history.

Keywords: Theory of history, philosophy of history, theoreticians, practising historians, historical accounts, separation of theory of history from history-writing, art, narrative, fact, "scientific" history, Fichte, Hayden White, Collingwood, Mandelbaum, Braudel.

History of Russia and Sweden

Kristian Gerner

The Conflict around Rus': A History of Thousand Years

This article deals with the national identity and identification in the historical fate of Belarus, Russia, and Ukraine. The author claims that the term *Rus'* is a central marker of identity in the historical culture of these countries. Discussing works by Russian, Ukrainian and Belarusian historians, philologists and journalists, the author draws the conclusion that the history of all the three states can be written with its beginning in the mediaeval Rus'. This being said, the author notes that experts in the humanities in Ukraine and Belarus argue that in the present day these states belong to the West European cultural tradition which is very different from those traditions that have shaped the present-day Russia. The author believes that the issue with the Russian point of view is that it needs to admit that Ukraine and Belarus have their own history. For the Ukrainian historical culture the issue is that its history mostly coincides with the history of Russia and can be written under the name of the latter, whereas in the Belarusian historical culture the problem is that its history mostly coincides with the history of Lithuania and can be written under the name of Lithuania. Besides, Russia, Belarus, Ukraine do not have a

shared supranational name that could serve as an umbrella term for them (the article uses *Scandinavia* or *Nordic countries* as examples of such terms).

Keywords: Russia, Belarus, Ukraine, Cultural History

Hans de Geer

Excise Taxes in Sweden: Safeguards of Morality or Double Standards?

This article deals with the issue of excise taxes and morality. Obviously, taxation has its moral aspects. The parliamentary majority for various reasons believe that certain items and services have to be reduced or disappear completely, and it is these that are taxed. In order to achieve such changes, excise taxes are imposed. Another aim is making the state richer. Double aims, income and changes in behaviour – all this is hard to combine. For the Ministry of Finance, the income is a priority. Sometimes the state stimulates the activity on the one hand and imposes taxes on it on the other. Double morality is blossoming while taxes are being increased. An insufficiently grounded choice of the object of taxes makes the excise system morally doubtful, even if we as individuals may sympathise with non-material objectives declared by a certain tax. The choice of the object is not always explained by some logical arguments. We are able to trace the income from taxes, but it is usually difficult to identify any clear change in behaviour caused by taxation. In this respect, excise taxes usually seem inefficient. Besides, any taxation contradicts the right of the owner. If excise taxes do not achieve their proclaimed idealistic aims, the moral foundation of excises is even more rickety. No matter how pious the ultimate aims are, they should not be used to justify such dubious means.

Keywords: excise taxes, history of legislation, taxation in Sweden

Elena Melnikova

Gotland and Novgorod in the Light of Cyrillic Epigraphy

Finds of objects with the 12th-century Cyrillic inscriptions on Gotland significantly expand our knowledge about the contacts of Gotlanders with Rus' and, primarily, with Novgorod. One of these objects is a small stone cross found in the yard of St Clemens's church

in Visby with the inscription “Tuna, the sinner, made [the cross or the inscription]”. This cross must have been lost by a Russian, most probably a resident of Novgorod as the language features suggest. Other 15 graffiti are cut on Old Russian silver bars (*grivnas*) from a silver hoard from Burge, Lummelunda parish. They are dated to the second half of the 1140s. Most of the graffiti contain Cyrillic letters, probably the initial letters of the names of the former owners of the *grivnas*. Four of the *grivnas* bear personal names *Bynjata*, *Tikhomir*, *Seljata*, and *Ilija*. The Russian part of the hoard must have been brought by a Gotland merchant who traded in Novgorod. Thus, the Cyrillic inscriptions give evidence for everyday, non-official contacts of Gotlanders and Novgorodians.

Keywords: Cyrillic inscriptions, Gotland, Novgorod

Natalia Plevako

Nationalist Parties of the North European Countries: Shared and Individual Features

This article studies the issues of immigration and its impact on economic, social, and cultural spheres of Scandinavian countries. It traces the history of emergence of nationalist parties, their development and distinctive features that depend on historical circumstances, political culture, mentality of the population and their behavioural stereotypes. The article also examines such notions applied to nationalist parties as populism, right-wing populism, nationalism. The principal indicator of a successful immigration policy is the level of integration of immigrants into structures of the accepting society. A comparative analysis of coefficients of integration in specific countries shows differences between the countries in this respect.

Keywords: immigration, immigration policy, populism, nationalism, integration, nationalist parties, Sweden, Denmark, Norway, Finland

Staffan Rosén

Lorenz Lange and an Early Russian-Korean Contact

Lorenz Lange (?–1752) was one of the many Swedish prisoners of war who after the defeat at Poltava went over to Russian service. His career in Russia – in all likelihood primarily diplomatic – ap-

pears both spectacular and exciting. Lange passed away in 1752 being vice-governor in Irkutsk, but for a long time prior to this he had been in the Russian state service as a relatively high ranking participant of a number of Russian embassies to China. As early as 1715–1716, we find him making his first trip to Beijing in the company of an English doctor, who was sent by Peter I to Emperor Kangxi. Between 1721 and 1737 he visited China as a diplomat five times in the capacity of a secret agent and organiser of the Russian-Chinese trade. Lange wrote a rather detailed description of his travels to the East, from which one can see that he approached his mission as a secret agent in full earnestness. Due to the data that he collected, his commissioners in St. Petersburg acquired a clearer picture of both political and trade-related prerequisites for dealings with China. Alongside China, Lange was interested in Korea as well, which was a vassal state of China. In the first half of the 18th century, Korea was an extremely closed state avoiding contacts with any countries except for China and Japan, and was therefore practically unknown in Russia. Lange was an intermediary in one of the very first encounters between Russia and Korea, though its practical significance should not be overestimated. Nevertheless, Lange's keen interest in the Korean diplomats and merchants in Beijing caused irritation among the Chinese officials, due to which Lange became persona non grata in China for a while. It is interesting to note that it was Lorenz Lange who came to be the first Sweden-born person who met and communicated with people from the ancient Land of the Morning Calm.

Keywords: Russian-Korean contacts, Lorenz Lange, Swedes in Russian service, Russian-Chinese relations in 18th century

Alexander Tolstikov

Once Again on Kotoshikhin

Over the last years, scholars have managed to add certain supplements to rather meagre data on the life of Grigorii Karpovich Kotoshikhin (1630s–1667), the undersecretary at Ambassadorial Chancellery, who defected to Sweden and authored a renowned work known as *On Russia in the Reign of Alexei Mikhailovich*. However due to a number of reasons that may in part be language-related, these recent findings are not taken into account to a full extent in studies related to Kotoshikhin. Besides, some of the biographical

pieces of information about him are not always fully accurate. This article attempts to provide a summary of results of both classical and current studies on Kotoshikhin and to amend certain inaccuracies occurring in the relevant literature.

Keywords: Grigorii Kotoshikhin, Russia, Sweden, 17th century

Anna Fomenkova

Women and Property in the Laws of the Geats

The Swedish provincial laws (*landskapslagar*) that were written down during the latter half of the 13th – first half of the 14th centuries are among the most significant sources for studies of the mediaeval period in Sweden. The so-called Laws of the Geats (*göotalagarna*) consist of the Elder and Younger Westrogothic Law (*Äldre och Yngre Västgötalagen*) and Ostrogothic Law (*Östgötalagen*). The peasant is most often the main figure in the provincial laws, but there is also place for women in almost every chapter. As for women and property, in the relevant period we see that a woman could own both movable and immovable property and could sell and buy it, as well as make other transactions. Due to the fact that thraldom still existed, a woman could also be in someone's possession. In certain aspects pertaining to property, a woman had fewer rights than a man and in other aspects they were equal.

Keywords: Woman, Law, Property, Inheritance

Galina Shebaldina

Memoirs of Foreign Prisoners of War in Russia: An Attempt at a Comparative Study

This article attempts to carry out a comparative analysis of documentary evidence provided by foreigners in different times but in similar circumstances who happened to be in Russia and spent some time here. As a reference group, I have chosen soldiers of the armies of Karl XII, Napoleon Bonaparte, and Hitler, who spent some time in Russian captivity. The object of study came to be such varieties of ego-documents as diaries and memoirs of prisoners of war. Work with such sources allows one not only to broaden the factual base of a certain historical event, but also to approach the understanding of the inner state and content of the studied period.

A comparative analysis of memoirs of prisoners of war of the 18th, 19th, and 20th centuries makes it possible to identify a range of typical features. Differences are also observed when analysing the content of the memoirs, particularly in the choice of storylines and narrative styles, which in many respects is due to the purpose of the text. The text of the Swedish prisoners of war written “for everybody” did not exclude its pragmatic use with, e.g., military aims. A very interesting fact is that in memoirs of the 19th and 20th centuries we can observe how the terse narration of facts by the Swedes starts to turn into fiction. This takes place in the context of the increase in the amount of fictitiousness in the literature of the period of Enlightenment. Memoirs probably evolve in the same direction as well, as is shown in this article.

Keywords: prisoners of war, memoirs, diaries, ego-documents, Russia, Sweden, France, Germany, Peter I, Karl XII, Napoleon, Hitler, fictitiousness

Andrei Shcheglov

Olaus Petri as a Historian

Olaus Petri, the prominent Swedish supporter of the Reformation, made a significant contribution as a historian with his *Swedish Chronicle* (Sw. *En svensk krönika*). This Chronicle remained unpublished till the 19th century though its copies circulated in Sweden and in other countries. Four manuscripts with Olaus's Chronicle are kept at the Russian State Library. They contain a number of interesting variant readings and notes, e.g. the information that the *Swedish Chronicle* was written in 1534.

The *Swedish Chronicle* is a pioneering work in a number of respects. Olaus was the first Swedish historian to question the idea of Sweden as the ancient homeland of Goths. He dealt with the issue of Christianisation of Sweden and argued that the introduction of Christianity was a prolonged process. In his narrative about the Kalmar Union, Olaus shows that it had both supporters and opponents in Sweden. In his description of Magnus Eriksson's reign, he makes the point that the criticism against this king may not always have been fair.

By way of generalisation, one can state that Olaus's descriptions of epochs and events have traits of both the old and the new. He borrows much from his predecessors, but he also adds a great deal himself. He often opposes the traditional view and corrects the narratives of his predecessors.

Keywords: history, historiography, sources, Sweden, Olaus Petri

Ekaterina Kalinina

The Film *Fanny and Alexander* and its Role
in Ingmar Bergman's Life and Artistic Work

This article deals with the famous film by Ingmar Bergman *Fanny and Alexander*. It studies its history, composition, and dramaturgy. Particular attention is paid to its autobiographic themes and philosophical undertones. It also discusses in detail the influence of Bergman as a theatre director on Bergman as a film director and raises the issue of the actor's life and relations within a family.

Keywords: Bergman, *Fanny and Alexander*, Swedish cinematography, music in film

Irina Karapetyants

Ecological Education in Sweden

This article studies the evolution of legislation in the sphere of ecology in Sweden from the 1960s up to the present day as well as specific features of education in ecology (educational programmes in ecological engineering and ecological safety of transport, e.g. ecological engineering and ecological manufacturing) in universities of Gothenburg, Umeå, Linköping, and Stockholm. It outlines Sweden's ecological programmes aimed at eliminating the country's dependence on fossil fuel. The article also highlights the ecological agenda in Swedish society.

Keywords: ecological education, sustainable development, legislation in ecology, eco-transport

Elizaveta Kartamysheva

Supernatural Beings *vetter* and *landvættir*
in the Nordic Tradition

This article deals with the Old-Norse concepts of supernatural entities *vetter* and *landvættir*. As these conceptions have been of interest to different scholars, the article reviews and analyses their interpretations (especially parallels in folklore). Furthermore, the etymology of *vetter* and *landvættir* is proposed in order to put them in

the wider context of Old Norse mythology. The aim of the article is to try to determine the properties of *landvættir/vettr* as guardians and their relationship to sacrifice, natural objects and people. It has been found, that Old-Norse *landvættir/vettr*, being related to shape changing, fate, protection, guardianship, prosperity and, presumably, cult, share many features with the conceptions of other supernatural beings such as *álfar*, *bergbúi* or *haugbúi*, which does not indicate their identity but demonstrate how thoroughly interrelated and merged together the different supernatural entities were in the minds of Icelandic authors and their audience at the time when the sagas and Eddas were written.

Keywords: *vettr*, *landvættir*, guardians, Old-Norse mythology, cult

Urte Kocka

Bauhaus Globally

The art college known as the “Bauhaus” was founded in 1919 in Weimar, in the German state of Thuringia. It was later relocated to the city of Dessau in Saxony, then to Berlin, and survived until 1933. It is currently gaining a great deal of attention because of its centennial. Bauhaus has become a byword for “classic modernism” and the architectural revolution of the interwar period, known in German as the “Neues Bauen” (the new way to build), which it represents like no other art school, with an impact that can still be felt today. However, it did not generate these new developments on its own but instead must be viewed as part of a worldwide modernisation movement in the arts. This is an example of globalisation in art and architecture, which occurred partly as a simultaneous and interwoven worldwide phenomenon and partly as the result of persecution, flight, and exile.

Keywords: architecture, arts and design; Weimar Republic; classic modernism; urban planning; sociopolitical program; persecutions in Germany and Russia; globalisation in art and architecture

Svetlana Svensson (Vasilyeva)

Byzantine Influence on Stained Glass Painting
of the 13th Century on the Island of Gotland

This article deals with the issue of influences of Byzantine art on stained glass painting of the 13th century on the island of Gotland. The main topic of the article is problems of dating and attribution of

stained glass of the island in this period. My study has shown that items of stained glass from Gotland of this century are works of art that combine traditions of a number of cultures. The principal artistic element in stained glass painting is the tradition of West European art, whereas Byzantine features are secondary. They are particularly prominent in stylistics of stained glass from the parishes of Dalhem, Endre, Runö, Lojsta, Ekeby, and Barlingby, and it can be seen that they stand out with varying intensity. This gives evidence that the groups of stained glass were not made simultaneously. A comparison of stained glass from Gotland with pieces of artwork from Western Europe has allowed us to make the dating of the stained glass in Gotland more precise and to present an integrated picture of the development of Byzantine influences on stained glass painting of the island, i.e. from an active interest of artists in classical examples (stained glass from Dalhem and Endre) to a waned interest in the Byzantine legacy and complete accordance with traditions of Gothic art (Ekeby and Barlingby).

Keywords: Gotland, stained glass, Byzantium, Western Europe, tradition

Marina Timofeeva

Design between Ethics and Aesthetics: The Swedish Way

This article is a proposed conception of a four-episode TV-film about the Swedish design. It deals with the image of the House in the Swedish design and in the Swedish society of general welfare, the so-called “Swedish model”. The author traces the image of the House in works of well-known artists, designers and architects of the 19th – 20th centuries in Sweden (Carl Larsson, Gunnar Asplund, Sigvard Bernadotte, Josef Frank, and some others), highlights the essential link of the Swedish design with nature, its emphasis on ecology and sustainability. The article discusses the history of ecodesign and eco-construction in Sweden. The article draws the following conclusion: the Swedish design had its starting point 150 years ago in the need to arrange the apartment and house of an ordinary Swedish citizen and has now reached the understanding of the whole world as a House for all mankind that requires attention and care of designers.

Keywords: Swedish design, sustainable development, “House for the people”, functionalism, Scandinavian Modern Design, ecodesign

Marina Chichuga

A Few Words about the Current State of Archival Affairs and the Profession of Archivist in Sweden

This article deals with the Swedish archival practice that has developed by now and focuses on the Swedish expertise in the field of business archives, as well as on methods of acquisition, preservation and use of business documents, i.e. concerns, joint stock companies represented in various industries. The current state of archival affairs in the article is studied using the example of activities of the largest archive agency for the economic history of the country, i.e. Centrum för Näringslivshistoria, CfN.

The article also examines the topic of training professional archivists at the largest institutions of higher education in the country and emphasises the link that exists in Sweden between teaching archival science on the one hand and museum studies, cultural heritage, libraries and information processing on the other.

Keywords: Swedish archiving system, business archives, Centrum för Näringslivshistoria (CfN), Swedish archival education

Philology

Elena Zhil'tsova

Eponyms in Swedish: Features of their Word Formation and Semantics

This article studies Swedish eponyms, i.e. words derived from proper nouns. Eponyms-internationalisms have been borrowed to Swedish from other European languages and represent both scientific terms and words belonging to the commonly used vocabulary. The main means of their derivation is the transfer of the name, due to which the proper noun goes over to the class of common nouns.

Eponyms derived from Swedish proper nouns are neologisms that have appeared in Swedish in the last decades. They are formed by compounding or by deriving from surnames or names of prominent Swedish politicians and other public figures, more rarely from surnames of literary characters or film characters. These eponyms refer to the person, thing or phenomenon related to the bearer of a certain name and reflecting his or her sphere of activity, personal features or peculiarities of behaviour. Some of them occur as parts of fixed expressions.

Keywords: Swedish language, eponym, proper noun, internationalism in language, neologism, semantics, means of word formation

Alexander Mankov

Grammatical Category of Definiteness
in the Dialect of Gammalsvenskby

This paper attempts to give an integrated description of the category of definiteness of nouns in the dialect of Gammalsvenskby. All factual material is taken from interviews with three most fluent speakers of the dialect. The use of the articles in the dialect is determined by the two factors, i.e. whether the object is individualised and whether it is known to participants of the communication. If the individualised object is known to the author of the utterance but not to all the participants, the indefinite article is used. If the individualised object is known to all the participants, the definite article is used. This opposition is relevant only to individualised objects. If the object is not individualised, this opposition is frequently neutralised. This concerns such contexts when there is no need for an exact identification of an object as being unique, which is the reason why its specifically individual character is not prominent. In this context, virtually any form can occur, i.e. the indefinite form with no article, the definite form, the indefinite form of a count noun with no article.

Keywords: Gammalsvenskby, Swedish dialects, category of definiteness in grammar, use of articles

Irina Matytsina

Russian Language of Official and Business
Communication in the Pre-Petrine Epoch
(based on materials of Russian studies)

The issue of the formation and development of the language of official and business-related communication cannot be discussed in isolation from the general history of the literary Russian language that for many decades has been a subject of scholarly debate and discussions. This article examines the main driving forces and stages in the development of the literary Russian language in the pre-Petrine era with the aim of describing how Old Church Slavonic and Russian influenced the formation of the language of official and business communication.

Keywords: business language, language history, stylistics

Hanna Sandborgh

The Use of Noun Phrases in the Definite, Indefinite and Zero-Article Forms in the Swedish Language

It is well-known that the assimilation of the category of definiteness presents special difficulties for native speakers of Russian. This paper studies this issue using as an example the experience of those students who are fluent in Swedish and whose problems are primarily caused by the choice of the correct form rather than by constructing the relevant forms. The paper aims to answer the following questions: which divergences from the standard in terms of the choice between the definite and indefinite forms occur at the higher level of language competence? can a certain typology be traced? how can these divergencies be classified?

Keywords: Swedish language, category of definiteness in grammar, use of articles

Elena Chekalina

Russian Translations of Poems by Edith Södergran

This article analyses Russian translations of Swedish poems by Edith Södergran made in various years by Natalia Tolstaya and Natalia Ozerova. A comparison of these translations with the original identifies two types of transformations caused by system-related differences between the Swedish and Russian languages, i.e. lexical-grammatical transformations and lexical-semantic substitution. The strategies employed by the authors of translations manifest themselves in the fact that Natalia Tolstaya aims to maximally preserve the probable proximity to the Swedish original, whereas Natalia Ozerova often uses linguostylistic potential of the Russian language, including the category of aspect and derivational patterns with diminutive and hypocoristic semantics. For this reason, objective linguistic differences imply different solutions in translation which are grounded in the subjective perception of the poetic text and result in non-identical interpretations of imagery of the content and form of the original.

Keywords: Swedish language, Russian language, poetic translation, lexical-grammatical transformation, lexical-semantic substitution

Contents

In Lieu of an Introduction

<i>A. Mankov</i>	
<i>Editor's Note</i>	11
<i>I. Kozhenova</i>	
With Love for Art	13
<i>M. Wirkkala</i>	
Russian-Swedish Centre: The Conversation is Going on	16

Theory and History

<i>V. Zabolkina</i>	
The Contact of Two Cultures: Mental Models, Language Structures, and Cognitive Mechanism	21
<i>J. Kocka</i>	
The Splendour and Tribulation of Social Democracy. A Historian's View	34
<i>L. Repina</i>	
Cross-Cultural Communications in the Perspective of Histoire Croisée	42
<i>I. Savelieva</i>	
Spacial Turn and World History	53

<i>N. Selounskaya</i>	
The Image of History and Profile of the Historian in the Context of Historiographic Discourse	71
<i>R. Torstendahl</i>	
Historiography and Theory	84
History of Russia and Sweden	
<i>K. Gerner</i>	
The Conflict around Rus': A History of Thousand Years	105
<i>H. de Geer</i>	
Excise taxes in Sweden: Safeguards of Morality or Double Standards?.....	124
<i>E. Melnikova</i>	
Gotland and Novgorod in the Light of Cyrillic Epigraphy	143
<i>N. Plevako</i>	
Nationalist Parties of the North European Countries: Shared and Individual Features	157
<i>S. Rosén</i>	
Lorenz Lange and an Early Russian-Korean Contact ...	169
<i>A. Tolstikov</i>	
Once Again on Kotoshikhin	179
<i>A. Fomenkova</i>	
Women and Property in the Laws of the Geats	202
<i>G. Shebaldina</i>	
Memoirs of Foreign Prisoners of War in Russia: An Attempt at a Comparative Study	208
<i>A. Shcheglov</i>	
Olaus Petri as a Historian	215

Culture and Education

E. Kalinina

- The Film *Fanny and Alexander* and its Role
in Ingmar Bergman's Life and Artistic Work 237

I. Karapetyants

- Ecological Education in Sweden 249

E. Kartamysheva

- Supernatural Beings *vetter* and *landvættir*
in the Nordic Tradition. 256

U. Kocka

- Bauhaus Globally 269

S. Svensson (Vasilyeva)

- Byzantine Influence on Stained Glass Painting
of the 13th Century on the Island of Gotland 281

M. Timofeeva

- Design between Ethics and Aesthetics:
The Swedish Way 294

M. Chichuga

- A Few Words about the Current State
of Archival Affairs and the Profession
of Archivist in Sweden 318

Philology

E. Zhil'tsova

- Eponyms in Swedish: Features
of their Word Formation and Semantics 331

A. Mankov

- Grammatical Category of Definiteness
in the Dialect of Gammalsvenskby 340

<i>I. Matytsina</i>	
Russian Language of Official and Business Communication in the Pre-Petrine Epoch (based on materials of Russian studies)	415
<i>H. Sandborgh</i>	
The Use of Noun Phrases in the Definite, Indefinite and Zero-Article Forms in the Swedish Language	425
<i>E. Chekalina</i>	
Russian Translations of Poems by Edith Södergran	439
<i>Information about the authors</i>	465
<i>Abstracts</i>	468

With Devotion to Scholarship. For Tamara Torstendahl Salycheva on Her 75th Anniversary

This volume is a collection of articles in honour of the 75th anniversary of Tamara Torstendahl Salycheva, Director of the Russian-Swedish Educational and Research Centre of the Russian State University for the Humanities. The book contains articles of Russian and foreign authors dealing with a wide range of topics of international, Russian and Swedish history, philology, culture and education. The book is designed for historians, philologists, and all those with interest in Sweden and the Nordic countries as well as general readership.

С любовью к науке: К юбилею Т.А. Тоштендаль-Салычевой: Сборник статей / Под ред.: А.Е. Манькова, М.О. Дубовицкой. М.: РГГУ, 2021. 482 с.
ISBN 978-5-7281-2991-2

Предлагаемый вниманию читателей сборник подготовлен к юбилею Тамары Алексеевны Тоштендаль-Салычевой, директора Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ. В сборник вошли статьи российских и зарубежных ученых по широкому кругу тем мировой истории, истории России и Швеции, филологии, культуры и образования.

Для историков, филологов, специалистов по Швеции и Северной Европе, а также для широкого круга читателей.

УДК 930.85(48)(08)
ББК 63.3(43)-7я43

Научное издание

С любовью к науке:
К юбилею Т.А. Тоштендаль-Салычевой

Сборник статей

Корректор

О.Н. Панкова

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Подписано в печать 24.03.2021.

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 24,0. Усл. печ. л. 30,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 1140

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06